В. Я. Плаходни...

Е. ЛУНДБЕРГЪ

МЕРЕЖКОВСКІЙ

И ЕГО НОВОЕ ХРИСТІАНСТВО

Save covers

E. Lundberg

Е. Лундбергъ

МЕРЕЖКОВСКІЙ

И ЕГО НОВОЕ ХРИСТІАНСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Тип. Г. А. Шумахера и Б. Д. Брукера (Екатер. кан., 91).

Врачи безполезные всѣ вы.
О если бы вы только молчали!
Это было бы вмѣнено вамъ
въ премудрость.

Кн. Іова, гл. XIII, ст. 4—5.

МЕРЕЖКОВСКІЙ

и его новое христіанство

I.

Писать о Мережковскомъ? О Мережковскомъ нельзя писать, ибо его нѣтъ въ его произведеніяхъ. Въ лучшую пору его дѣятельности, въ самомъ началѣ ея, то былъ манерный, немного превыспренній мальчикъ, съ трогательной вѣрностью сторожившій сокровищницы великихъ умовъ прошлаго. Когда онъ заглядывалъ въ эти подвалы, лицо его становилось поистинѣ прекраснымъ. Но годы шли, а привычка къ святынямъ, какъ извѣстно,—худшій врагъ святынь. Въ пору созданія „Толстого и Достоевскаго" Мережковскій, кажется, впервые посягнулъ на священные лохмотья минувшаго. Но это его дерзновеніе не было еще ни преступнымъ, ни отталкивающимъ. Разница со вчерашнимъ днемъ была лишь въ томъ, что восторженный мальчикъ, влюбленный въ прошлое человѣчества, сталъ примѣрять чужія одежды. Онъ называлъ это интересное занятіе то мышленіемъ, то созиданіемъ религіи. Опасныя слова! Они-то и соблазнили его на преступленіе. Ибо Мережковскій послѣднихъ лѣтъ уже не миловидный пажъ—участникъ философическихъ маскарадовъ и процессій. Онъ сталъ угрюмѣе, сосредоточеннѣе и—смѣлѣе. Изъ торжественныхъ одеждъ прошлаго онъ задумалъ скроить нарядъ для людей грядущихъ вѣковъ. Въ подражаніе Нитче подъ заголовкомъ его статей появились слова: „Къ будущей критикѣ

христіанства“. Изъ застѣнчиваго пажа выросъ непосѣдливый рыцарь. Была въ его жизни полоса, когда голосъ еще не огрубѣлъ и чувствовать себя взрослымъ было вновѣ, когда казалось, что онъ нашелъ Прекрасную Даму, которой можно было служить вѣка и вѣка, ибо красота ея неувядающа. Этой Дамой была Святая Плоть. Но и ей Мережковскій не остался вѣренъ. Его новымъ повелителемъ сталъ С и н т е з ъ. Вотъ тутъ-то и совершилось преступленіе. Вѣрнѣе, не совершилось, а совершается и вѣчно будетъ совершаться. Чьи бы одежды ни попались Мережковскому во время его скитаній, онъ—таковъ ужъ его обѣтъ—не можетъ пройти мимо. Вѣчно и вѣчно кроить и перекраивать, рѣзать и перешивать, лоскутъ къ лоскуту, парчу одеждъ Возрожденія и скромный холстъ Христова хитона, зеленое сукно петровскихъ временъ и ткани нашего времени—таковъ его удѣлъ, таковъ, пожалуй, и крестъ его. Торжественность былой дѣтскости выродилась въ суетливую приподнятость мыслей и дѣлъ. Само же дѣтское, какъ стихія, какъ манера мыслить и воспринимать, стало прошлымъ. Не воплощенный даръ, не угаданный и самимъ творцомъ! Что будетъ завтра—кто знаетъ? Слово з а в т р а —жестокое слово для всѣхъ, кому вѣдомы тревоги творчества. И передъ нимъ всѣ равны—и тотъ, кто угадалъ, въ чемъ его сила и призваніе, и тотъ, кто пошелъ по ложной дорогѣ.

Мережковскаго нѣтъ въ его произведеніяхъ. И не Мережковскій занимаетъ насъ въ нихъ. Произведенія его замѣчательны, какъ попытка создать новую религію на основѣ ч у ж о г о религіознаго опыта. Можно возразить, что въ такой попыткѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, какъ бы талантливъ ни былъ писатель, рискнувшій на нее. Пожалуй, это и такъ. Но Мережковскій не одинъ. Мереж-

ковскій лишь менѣе другихъ остороженъ и менѣе другихъ оглядчивъ. Кого изъ современниковъ нашихъ не соблазняли идеи большого масштаба, и кто изъ современниковъ нашихъ осмѣлился открыто сказать, что онъ строитъ зданіе свое на пескѣ, не проливъ ни единой капли крови на камни фундамента? Мережковскій не произнесъ этихъ словъ, но онъ не скрываетъ своего положенія. Можно лишь похвалить его за это. Искренность прежде всего. Остальное приложится. Съ величайшею наивностью онъ открылъ намъ, сынъ книжнаго вѣка, свою—правда, не слишкомъ глубоко зарытую—тайну.

Мережковскій, какъ литераторъ, можетъ быть намъ дорогъ и интересенъ въ томъ или другомъ отношеніи. Но тамъ, гдѣ онъ хочетъ дѣйствовать, гдѣ идетъ рѣчь о духовныхъ цѣнностяхъ, о религіи, о вліяніи на общественность—тамъ долженъ быть положенъ предѣлъ всѣмъ его стремленіямъ. Въ конечномъ итогѣ этотъ предѣлъ будетъ положенъ самою исторіей русской литературы и мысли, ибо, сколько можно судить, прочно стоятъ на землѣ лишь тѣ зданія, фундаментъ которыхъ обрызганъ жертвенной кровью и камень для которыхъ высѣченъ изъ первозданныхъ горныхъ массивовъ. Правда, не всегда наши надежды на судъ исторіи бывали оправданы. Она сжигала деревянныхъ идоловъ, но, съ другой стороны, бывали засыпаны пепломъ и прекраснѣйшіе храмы. Такъ на нашихъ глазахъ погибли Ибсенъ и Нитче, — подлинные Ибсенъ и Нитче, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ, хотя и твердимъ ихъ имена и въ праздникъ и въ будни. Порою думается, что всѣ великія имена въ исторіи литературы и философіи—лишь названія засыпанныхъ ея холоднымъ пепломъ городовъ и храмовъ. Нивелирующая сила ея почти безгранична, и тотъ, кто обращаетъ

свой взглядъ къ прошлому, долженъ, не покладая рукъ, бороться съ нею. Но это обстоятельство не умаляетъ ея значенія — великой разоблачительницы и предательницы. Она то ласково повязываетъ маски своимъ минутнымъ любимцамъ и окружаетъ ихъ свитою лукавыхъ прислужниковъ, то мимоходомъ сдергиваетъ эти маски и—идетъ дальше. И тотъ, кто довѣрился подосланнымъ ею прислужникамъ, и кто, въ наивности дѣтскаго честолюбія, принялъ навязанную ему маску за подлинныя свои черты—бываютъ и такія заблужденія—тотъ обреченъ жестокой и медленной карѣ. Нитче разсказалъ намъ о томъ, какъ замерзаютъ идеалы. Современная же литература даетъ разительные образцы того, какъ, служа замороженнымъ идеаламъ, замерзаютъ живые люди. Зрѣлище печальное и странное. Оно достойно не только бѣглыхъ размышленій, собранныхъ въ этой книгѣ, но и сосредоточеннаго вниманія.

Литературная дѣятельность Д. С. Мережковскаго очень многообразна. Онъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ критикъ. Романы его пользовались и пользуются незауряднымъ успѣхомъ. Въ качествѣ enfant terrible религіозно-философскихъ собраній въ Петербургѣ, онъ внесъ свою долю смуты въ умы православнаго духовенства. Спеціализировавшись на вопросахъ религіи, Мережковскій имѣлъ не малое вліяніе на идеи современниковъ, и такой сильный умъ, какъ Н. А. Бердяевъ, призналъ себя на время подчиненнымъ ему и послушно комментировалъ его ученіе о св. Троицѣ. По свойственной Мережковскому любви къ міровымъ пожарамъ, онъ, одновременно почти съ религіозными вопросами, занялся

русской революціей, въ качествѣ ея теоретика и отчасти проповѣдника; но этотъ опытъ писателя слѣдуетъ признать наименѣе удачнымъ. Даже блестящій его стиль сталъ измѣнять ему въ статьяхъ, прямо или косвенно посвященныхъ революціи. Пророчествами о грядущихъ переворотахъ онъ немало повредилъ послѣднему своему роману „Александръ I", далеко уступающему „Петру и Алексѣю". Неудача картоннаго „Павла I", чрезмѣрный схематизмъ „Александра" и все возрастающая монотонность послѣднихъ статей заставляютъ опасаться за судьбу возвѣщенныхъ авторомъ „Декабристовъ". О революціи Мережковскій просто-на-просто не умѣетъ писать, и эту неудачу ему нельзя ставить въ укоръ. Человѣкъ, выросшій на образцахъ міровой культуры, писатель, паѳосъ котораго питался абстрактными построеніями охлажденной мистики, не можетъ органически понять событія столь мѣстнаго характера, въ лучшемъ значеніи этого слова, какъ русская революція. Намъ было бы пріятнѣе, если бы Мережковскій оказался въ данномъ случаѣ цѣломудреннымъ и осторожнымъ и повторилъ вслѣдъ за Гейне:

Bin kein Held. Es fehlen mir
Die pathetischen Gebärden...

Оставляя въ сторонѣ дѣятельность Мережковскаго, какъ теоретика и проповѣдника своеобразной, исторически не мыслимой революціи, слѣдуетъ опредѣлить причины странной двойственности въ другихъ областяхъ его творчества.

Мережковскій-поэтъ неизмѣнно нарушаетъ отведенные поэзіи предѣлы ради пессимистическаго, разсудочнаго философствованія. Я знаю у него лишь одно под-

личио прекрасное и оригинальное лирическое стихотвореніе:

Безъ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О странно веселыя думы мои!..

Здѣсь цѣнно всякое слово, и раздумье здѣсь именно такое, какое свойственно лирическому моменту: оно свободно воплощаетъ значительный эпизодъ въ исторіи человѣческой души, открывшей источникъ радости помимо любви, вѣры и надежды, т.-е. помимо тѣхъ цѣнностей, прославленіемъ которыхъ Мережковскій занятъ во всѣхъ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ...

Мережковскій - романистъ, подобно поэту, создаетъ произведенія болѣе схематическія, чѣмъ живыя—во всякомъ случаѣ, лишенныя художественной непосредственности и вдохновенія.

Какъ мыслитель, Мережковскій тоже не долго остается на своемъ посту: его философія—философія художника. Онъ слишкомъ довѣрчивъ тамъ, гдѣ мыслителю должно усомниться; нетерпимъ тамъ, гдѣ завѣты свободы совѣсти и мысли имѣютъ силу не только добрыхъ традицій, но прямой обязанности передъ истиной. Его построенія держатся созвучіями, аналогіями и попытками свести сложное къ простѣйшему, и, такимъ образомъ, на принятой, по его мнѣнію, недоказуемости элементарнаго онъ созидаетъ фантастическое зданіе своей философіи.

Въ религіи Мережковскій опять-таки смѣшиваетъ вино съ водою. Онъ принципіальный противникъ исторической критики Евангелія. Принимая Евангеліе во всей его полнотѣ „духомъ", Мережковскій, тѣмъ не менѣе, не даетъ автобіографіи своей, какъ религіознаго мыслителя, преломившаго Евангеліе по-своему и побѣжден-

наго имъ, какъ то дѣлали отцы церкви и едва ли не всѣ значительные писатели христіанскаго Запада и Востока. Онъ игнорируетъ всю исторію догмъ христіанства, игнорируетъ и исторію ересей; онъ отвлекаетъ наше вниманіе къ ряду, быть можетъ, и значительныхъ, но разрозненныхъ моментовъ; враждуетъ онъ, главнымъ образомъ, съ послѣдней политико-общественной фазой христіанства, а въ остальной его исторіи видитъ—вѣрнѣе, хочетъ увидѣть и побороть—лишь аскетизмъ. По этому поводу Мережковскій высказываетъ много вѣрныхъ замѣчаній, но его религіозная концепція—синтезъ духа и плоти—безпомощна передъ внушительной силой историческаго христіанства, этого своеобразнаго міра съ его геологическими переворотами, съ его сложностью дѣйствующихъ силъ и съ благородной стойкостью давно отложившихся слоевъ когда-то раскаленной и лишь медленно остывающей почвы. Пророчествовать на почвѣ т а к о г о христіанства не легко, и, инстинктивно сознавая непомѣрную для непризваннаго трудность подобной задачи, Мережковскій избѣгаетъ ея, даря свое вниманіе лишь интереснымъ частностямъ.

Наконецъ, какъ литературный критикъ, онъ не свободенъ и больше говоритъ о писателѣ, чѣмъ слушаетъ его, т. е. обладаетъ качествомъ, совершенно недопустимымъ въ этомъ родѣ творчества. „Толстой и Достоевскій“—замѣчательная книга, сдѣлавшая эпоху въ исторіи русской критики, но поневолѣ первый ея томъ предпочитаешь второму. „Гоголь и чортъ“ и статья о Лермонтовѣ принадлежатъ къ писаніямъ, имѣющимъ цѣлью доказать, что тотъ или другой великій человѣкъ не могъ не быть идейнымъ союзникомъ автора, а если когда-либо рѣшился измѣнить воззрѣніямъ послѣдняго, то

былъ за это жестоко наказанъ земными и небесными силами.

Конечно, многое въ двойственности писателя, дѣлающей его резонеромъ въ часы молитвы и вѣрующимъ въ дѣлахъ, требующихъ сомнѣнія, можетъ быть отнесено на счетъ темперамента, того неразложимаго въ личности, на что можно негодовать или радоваться, но что не подлежитъ обсужденію. Отчего Сенека скученъ въ трагедіяхъ и занимателенъ въ письмахъ? Отчего Лессингъ смертельно-однообразенъ въ письмахъ, унылъ въ комедіяхъ и глубокъ въ теологическихъ фрагментахъ? Подобныхъ отчего можно бы собрать ровно столько, сколько было въ мірѣ писателей, и у писателей—свойствъ. Но когда одна и та же черта повторяется въ стихотвореніяхъ, въ романахъ и въ проповѣдническихъ сочиненіяхъ, наше любопытство слишкомъ возбуждено, чтобы удовлетвориться такъ мало значащимъ словомъ „темпераментъ“. Двойственность Мережковскаго постоянна. Когда читаешь его романъ, хочется посовѣтовать ему сдѣлаться критикомъ и теоретикомъ искусства. За его религіозными статьями мечтаешь о Мережковскомъ-романистѣ. Какъ мыслитель, онъ слишкомъ поспѣшно предписываетъ міру свои законы. Когда же эта игра начинается по праву въ романахъ, мы убѣждаемся, что для нея недостаетъ простора: слишкомъ велико довѣріе писателя къ созданнымъ его мыслью преградамъ; онѣ сжимаютъ бытіе до тѣхъ поръ, пока оно не уподобится сухому листу.

Побѣдоносный схематизмъ писателя покоится на странной, подчасъ, правда, соблазнительной, увѣренности,

что мыслить и дѣлать—одно и то же, что произнесенное слово есть сила, съ которою гдѣ-то считаются, которая входитъ въ поры міра, измѣняя его составъ и строеніе.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Беттина Арнимъ признавалась, что всѣ ея героическія дѣла совершаются ею какъ бы во снѣ. „Ich tue meine grossen Taten—alle im Traum. Und dies ist, was mich oft erschreckt, dass ich im Lande der Phantasie mir eine grosse Rolle auserwählt habe, die ich zwar ohne Gefahr spiele, die aber nicht die Wirklichkeit berührt". Съ легкостью и проницательностью истинной дочери романтизма, Беттина Арнимъ намѣчаетъ всѣ стадіи странной жизни во снѣ. Потребность большихъ героическихъ дѣлъ, вкусъ къ міровымъ битвамъ—эти соблазны знакомы Мережковскому столь же хорошо, какъ и Беттинѣ Арнимъ. Кто захочетъ усомниться въ правѣ своего первородства? Такъ легко создается привычка считать своею по праву наслѣдства—похищенную изъ театральной кладовой державу мірового законодателя. Мы присваиваемъ себѣ власть и величіе, eine grosse Rolle, не считаясь съ тѣмъ, что мы лишь бѣдныя двуногія животныя, и что міру нѣтъ дѣла до нашихъ желаній и идей. Если не острота ума, то нервная чувствительность полуистерической женщины научила Беттину слѣдующей по рангу истинѣ: законодательствовать въ области идей—вполнѣ безопасное дѣло; а разъ безопасное, то и ничтожное; страна, въ которой я живу и царствую—лишь сонъ; такъ страшно проспать всю жизнь; лучше живыя и грозныя опасности, чѣмъ игра, которой нѣтъ дѣла до

дѣйствительности, какъ и дѣйствительности нѣтъ дѣла до этой игры. Трагическая исторія пробуждающагося къ познанію короля Лира—грандіозное воплощеніе той жути, которая охватила Беттину Арнимъ, чуть только она замѣтила, что ея роль не грозитъ ей опасностями, и ея игра не сталкивается, хотя бы враждебно, съ забронированною дѣйствительностью. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, когда опасность милѣе безопасности, ибо первая—къ жизни, вторая—спутникъ сна. Проницательности Беттины Арнимъ лишенъ Мережковскій. Его творчество, въ этомъ смыслѣ, совершенно свободно, ибо оно не соприкасается ни съ чѣмъ временнымъ, мѣстнымъ или ограниченнымъ. Ему нечего преодолѣвать, кромѣ назойливыхъ логическихъ несообразностей собственныхъ же твореній. Это тотъ родъ мышленія, о которомъ Нитче сказалъ: человѣкъ насоритъ, а потомъ убираетъ за собою,—вотъ что значитъ такъ мыслить.

Трудно угадать свой собственный завтрашній день, не то, что чужой; и тѣмъ не менѣе, можно безъ риска ошибки предсказать, что, если въ душу Мережковскаго закрадется страхъ, смутившій Беттину Арнимъ, ему придется зачеркнуть все, что имъ сдѣлано до сего дня. Трудный подвигъ, скорѣе искушеніе, чѣмъ подвигъ! Но если Мережковскій не рѣшится поднять его, путь его творчества неизбѣжно повернетъ къ пустынѣ, и отмѣченная выше двойственность разсудочности и живого воспріятія станетъ для писателя роковою.

II.

Въ предисловіи къ „полному собранію сочиненій“ *) Мережковскій устанавливаетъ связь, существующую между его книгами. „Между этими книгами, несмотря на ихъ разнородность, иногда разногласія, существуетъ неразрывная связь. Это звенья одной цѣпи, части одного цѣлаго. Не рядъ книгъ, а одна, издаваемая только для удобства въ нѣсколькихъ частяхъ. Одна— объ одномъ. Что такое христіанство для современнаго человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—вотъ скрытая связь между частями цѣлаго. И въ разнообразныхъ постановкахъ вопроса и въ отвѣтѣ существуютъ противорѣчія. Если бы я былъ проповѣдникомъ, я поспѣшилъ бы устранить или спрятать ихъ, чтобы увеличить силу проповѣди; если бы я былъ философомъ, я постарался бы довести мысль до окончательной ясности, чтобы единое въ многообразномъ свѣтилось, какъ лучъ въ кристаллахъ. Но я не проповѣдую и не философствую (а если иногда то и другое дѣлаю, то нечаянно, наперекоръ себѣ); я только описываю свои послѣдовательныя внутреннія переживанія... Какъ бы ни отвѣтило современное человѣчество на вопросъ, что такое христіанство—самаго вопроса не обойти... Противорѣчія разрушаютъ систему, ослабляютъ проповѣдь, но утверждаютъ подлинность переживаній.

*) Изд. Вольфа.

Какъ ни соблазнительно совершенство кристалловъ, слѣдуетъ предпочесть несовершенный, неправильный, противорѣчивый извнѣ и противорѣчія изнутри побѣждающій ростъ растенія... Если вообще есть въ моихъ писаніяхъ проповѣдь, то только эта: проповѣдь, что не должно быть одного ведущаго, а надо итти вмѣстѣ всѣмъ. Выходъ изъ „подполья", преодолѣніе одиночества—такова задача, и если она отразилась въ моихъ „запискахъ", то онѣ могутъ быть не безцѣльны".

Это введеніе интересно своею почти невѣроятною парадоксальностью: впечатлѣнія отъ книгъ Мережковскаго прямо противоположны характеристикѣ, которую онъ даетъ себѣ самъ. Эта противоположность имѣетъ свое общее значеніе; по поводу ея умѣстно задать вопросъ объ источникахъ и достовѣрности писательскаго, да и всякаго иного, самопознанія. Въ данномъ же случаѣ заблужденіе писателя относительно самого себя даетъ возможность открыть въ немъ въ высшей степени своеобразное душевное качество. Мережковскій вдохновляется не тѣмъ, что онъ называетъ своимъ внутреннимъ переживаніемъ,— тогда бы онъ именно и прославлялъ проповѣдь и пастырство,—а тѣмъ, что онъ хотѣлъ бы назвать этимъ именемъ. Для меня несомнѣнно, что вся его дѣятельность есть упорная, порою однообразная проповѣдь. Въ потребности проповѣдывать свои идеи, казалось бы, нѣтъ ничего зазорнаго, напротивъ: готовность выступить съ ними всенародно и извлечь за нихъ мечъ изъ ноженъ свидѣтельствуетъ о незаурядной смѣлости и бодрости духа. И тѣмъ не менѣе, Мережковскій едва ли не слишкомъ рѣзко подчеркиваетъ свое отвращеніе ко всякому проповѣдничеству. Для меня несомнѣнно и то, что онъ „философствуетъ" (употребляя его же выра-

женіе) и, видимо, хочетъ разъ навсегда устранить всѣ недоумѣнія, вызванныя исторіей и Евангеліемъ, пользуясь для этой цѣли гдѣ надо разумомъ, гдѣ надо вѣрой,—средствами, всегда бывшими въ услуженіи всѣхъ великихъ и малыхъ мыслителей. Зачѣмъ же отрекаться отъ потребности философствовать? „Не должно быть одного ведущаго, а надо итти вмѣстѣ всѣмъ“, утверждаетъ Мережковскій,—и вслѣдъ за тѣмъ приступаетъ съ суровымъ допросомъ къ великимъ своимъ предшественникамъ. Онъ, какъ судья, указываетъ Льву Толстому его прегрѣшенія; вноситъ поправки въ произведенія Достоевскаго; то Нитче, то Толстого, то даже Достоевскаго награждаетъ именемъ пошляка; спасаетъ отъ гибели Гоголя. Итакъ, и тутъ предисловіе расходится съ текстомъ. Сознаетъ ли это Мережковскій? Сомнѣваюсь. Мнѣ представляется, что реальный міръ его переживаній давно уже уступилъ мѣсто инымъ вдохновеніямъ; между переживаніемъ и проповѣдью давно не стало необходимой связи, и отсутствіе ея годъ отъ году становится чувствительнѣе. Ростъ растенія, демонстративная скромность человѣка, не обладающаго истиной, и лишь ищущаго ея, отвращеніе къ проповѣди и долготерпѣніе къ рядомъ идущимъ братьямъ—таковы маски, соблазнившія Мережковскаго въ ту минуту, когда писалось предисловіе. Пріобрѣтеній личнаго опыта, какъ уже было сказано, нѣтъ въ книгахъ Мережковскаго. Онѣ построены изъ кирпичей, принадлежащихъ его предшественникамъ. Мережковскій лишь сопоставляетъ и сортируетъ литературный матеріалъ, заставляя его служить своимъ цѣлямъ. Кто-то назвалъ его „царемъ цитатъ“, и это прозваніе было бы вѣрнымъ, не будь оно такъ зло. Смѣна идей у Мережковскаго совершается столь же стремительно, сколь и неожиданно. Лишь основной

тонъ его произведенiй остается неизмѣннымъ — крайности, крайности во что бы то ни стало. Мережковскiй— эстетъ, по преимуществу, и потому выборъ и смѣна идей обусловливается для него ихъ эстетической цѣнностью. Правда, писатель яростно бранитъ эстетовъ, называя ихъ безбожниками и могильными червями, но ненависть эта есть не что иное, какъ все тотъ же переутонченный эстетизмъ. Ихъ вкусы слишкомъ ограничены смакованiемъ художественныхъ прелестей. Ихъ желанiя скованы страхомъ – потерять равновѣсiе. Ихъ взгляды ни къ чему не обязываютъ... А Мережковскiй выросъ на суровости Савонароллы, на преступленiяхъ Борджiа и на дѣлахъ Петра. Онъ знаетъ цѣну роковымъ страстямъ своихъ героевъ и роковымъ минутамъ ихъ прихода въ мiръ. Его влечетъ вольное море кровавыхъ дѣлъ, страстей и безграничнаго самопожертвованiя.

Вопросъ, что такое христiанство для современнаго человѣка, не можетъ быть, по мнѣнiю Мережковскаго, обойденъ и оставленъ безъ отвѣта. Либо съ Христомъ, либо съ Антихристомъ; кто не съ нами, тотъ противъ насъ.

Было бы большимъ облегченiемъ увѣровать въ необходимость и возможность подобнаго выбора. Какъ бы тамъ ни было, проще выбрать изъ двухъ золъ меньшее—ибо несвобода подобнаго выбора всегда зло,—чѣмъ изъ вѣка въ вѣкъ вести безнадежную борьбу у „стовратныхъ Ѳивъ“, у стѣнъ необъятнаго царства истины. Или признать христiанство и, признавъ его, перестроить всю жизнь наново, или отвергнуть его и, ринувшись пятами

вверхъ, опять-таки успокоиться сомнительнымъ успокоеніемъ въ областяхъ вѣчнаго зла и погибели. Но бѣда въ томъ, что выборъ, вопреки Мережковскому, не отъ насъ зависитъ. Прежде чѣмъ рѣшать, что такое христіанство для современнаго человѣка, слѣдовало бы узнать, что такое христіанство „само по себѣ“. Ибо одно изъ двухъ: если оно величина постоянная, и мы можемъ проникнуть въ его подлинное значеніе, тогда незачѣмъ и помнить объ Антихристѣ,—кто откажется отъ истины, когда она сама дается въ руки! Если же христіанство—величина перемѣнная, и его значеніе для современнаго человѣка иное, чѣмъ для св. Антонія или Исаака Сиріанина, если въ христіанствѣ намъ дана не вся истина полностью, одинаково доступная во всѣ вѣка и для всѣхъ народовъ, то у насъ нѣтъ основаній считать его выходомъ изъ „подполья“, изъ одиночества и безпочвенности, которыя Мережковскій считаетъ злѣйшими своими врагами. И вотъ—одного христіанства у насъ нѣтъ. Оно приняло въ себя столько разнообразныхъ потоковъ пытливой и бурной мысли, что ему пришлось расколоться на сотни одинаково цѣнныхъ, частью парадоксальныхъ, частью намъ недоступныхъ ученій. При всей позитивности современнаго неопротестантизма, кто станетъ отрицать его законность и цѣлесообразность? Папство, понимаемое хотя бы такъ, какъ его толкуетъ Мережковскій, не менѣе православія имѣетъ свой raison d'être. Оптимистическія, въ лютеранскомъ, земномъ смыслѣ, ученія первыхъ апостольскихъ учениковъ, такъ часто игнорировавшихъ едва установленный еще въ то время догматъ воскресенія, въ такой же степени преломили духовную жизнь многочисленныхъ слоевъ и человѣческихъ типовъ, какъ и соблазнительныя евангелія гностиковъ, пропо-

вѣдующихъ разрушеніе „дѣла женщины“, отмѣну дѣторожденія и мытарства плоти по грѣхамъ и искушеніямъ,—все задачи, достойныя христіанина. Мережковскій больше, чѣмъ кто-либо, долженъ былъ бы оцѣнить эту фрагментарность христіанства: онъ описалъ ее достаточно яркими красками въ „Юліанѣ Отступникѣ“. Историческая критика безсильна преодолѣть эту фрагментарность,—въ этомъ Мережковскій правъ. Такъ какъ же быть?—„Вѣрую и исповѣдую“,—отвѣчаетъ онъ. Но вѣдь именно этотъ способъ преодолѣнія противорѣчій привелъ и неоднократно приводилъ къ тѣмъ безобразнымъ спорамъ, которые радовали отступническое сердце Юліана? Мережковскій боится этого вывода, признаетъ недостаточность своего „вѣрую“, и тѣмъ проигрываетъ сраженіе. Кто въ исторіи христіанства произносилъ это сакраментальное слово, не страшась послѣдствій, тотъ былъ по-своему побѣдителемъ, или, по крайней мѣрѣ, осуществлялъ свое право вѣрить. Кто оглядывался на противниковъ и искалъ доказательствъ своей правоты почти исключительно въ ссылкахъ на разумъ или на исторію, тотъ терялъ это право вѣрить. Такъ было всегда. Такъ случилось и съ Мережковскимъ.

Если бы современное человѣчество колебалось въ выборѣ между Христомъ и Антихристомъ, какъ это представляется Мережковскому, все-равно мы не имѣли бы, по совѣсти, права утверждать, что эти колебанія, длись они хоть тысячу лѣтъ, что-нибудь доказываютъ. Приверженность человѣчества къ тому или иному ряду идей не имѣетъ объективнаго значенія. Древніе учили, что счастливымъ можно назвать человѣка только послѣ

его смерти. Тотъ же законъ слѣдуетъ примѣнить и къ христіанству. Мережковскій предсказываетъ близкую реставрацію древней религіозности. Современное человѣчество отвѣчаетъ на это все возрастающимъ равнодушіемъ къ религіи. Мы присутствуемъ сейчасъ не при моментѣ борьбы Христа и Антихриста, а при тихомъ, едва слышномъ вывѣтриваніи и распаденіи какъ христіанскихъ, такъ и антихристовыхъ идей. Я не считаю этотъ историческій процессъ аргументомъ противъ христіанства, какъ окончательную побѣду послѣдняго не счелъ бы доказательствомъ его истинности. Я подчеркиваю эти показанія современности лишь затѣмъ, чтобы указать, что „вѣра" Мережковскаго въ грядущее обновленіе жизни, основанная на литературныхъ документахъ сегодняшняго и вчерашняго дня (Толстой и Достоевскій), оставляетъ въ сторонѣ болѣе реальные симптомы. Если бы онъ объявилъ свою вѣру абсолютно независимой отъ какихъ бы то ни было документовъ и признаковъ, намъ бы пришлось считаться съ его волей—и только. Всѣ какъ будто ни на чемъ реальномъ не основанныя вѣры развиваются органически въ процессѣ роста отдѣльнаго человѣка, замѣняющаго въ подобномъ случаѣ весь міръ своей личной сущностью. Таково было творчество Достоевскаго. Но, пожелавъ связать внутреннее свое дѣло съ исторіей, Мережковскій тѣмъ самымъ подписываетъ рядъ обязательствъ. Если искать признаковъ приближенія Христова царства, то ужъ искать повсюду: и въ народной и въ политической жизни, и во вкусахъ отдѣльныхъ, оторвавшихся отъ народной почвы интеллигентскихъ кружковъ. Подобное внимательное отношеніе къ русской и европейской жизни безконечно усложнило бы литературную дѣятельность этого писателя.

Когда литература, исторія или религіозная жизнь народа даютъ Мережковскому матеріалъ для проповѣди, онъ жадно хватается за подвернувшіяся ему подъ руку явленія. Когда тѣ же литература, исторія и религіозная жизнь противорѣчатъ его чаяніямъ, онъ объявляетъ ихъ отрицательными свидѣтелями все того же процесса, который ему представляется не только міровымъ, но и надмірнымъ, внѣвременнымъ. „Разложеніе есть только внѣшняя видимость религіознаго момента,—говоритъ Д. Мережковскій въ „Отвѣтѣ на вопросъ“,—а внутреннее содержаніе его—то высшее напряженіе эволюціи, когда она становится революціей. Предстоящая религіозная революція подобна той, которая совершалась при возникновеніи христіанства... Третій и послѣдній моментъ религіозной эволюціи, моментъ, который именно теперь наступаетъ, есть откровеніе Духа, которое соединитъ откровеніе Отца съ откровеніемъ Сына... Современное человѣчество во снѣ, безсознательно борется съ Богомъ,—уже не съ Отцомъ, а съ Сыномъ, со Христомъ. И вотъ почему, какъ это ни странно сказать, современные безбожники, христоборцы ближе ко Христу, чѣмъ современные христіане: не видя лица Его, они въ борьбѣ обнимаютъ Его, прикасаются къ Нему, соединяются съ Нимъ.—И Христосъ, не одолѣвъ міра, скажетъ ему: отпусти меня, ибо взошла заря. И міръ скажетъ Христу: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня.— И Христосъ благословитъ міръ въ восходящей зарѣ, въ откровеніи Духа, въ Третьемъ Завѣтѣ, и дастъ человѣчеству имя новое—Богосыновства, Богочеловѣчества“.

Все это, конечно, очень соблазнительно и романтично. Картина міра, эволюціонирующаго отъ одной религіи къ другой, высшей, можетъ быть возсоздана безъ особыхъ уси-

лій. Но гдѣ искать причины того, что этотъ эволюціонирующій міръ не только не спѣшитъ къ возлюбленной своей и—главное—окончательной, на вѣки вѣковъ нерушимой истинѣ, но даже борется съ нею? Религія Отца—космическое, плотское довѣріе къ бытію—была вытѣснена явленіемъ Христа. Человѣчество боролось въ свое время съ религіей Отца, ибо, по природѣ своей, оно, по Мережковскому, ничто не воспринимаетъ радостно и съ открытой душою. Христосъ возсталъ противъ Отца, Ипостась противъ Ипостаси. Но и человѣчество не прекратило своей борьбы: отвративъ оружіе отъ Отца, оно перевело его на Сына. То же соотношеніе дѣйствующихъ на надмірной сценѣ лицъ переносится Мережковскимъ на обѣщанную имъ религію Духа. И все-таки причины этой воинственности—мѣсто которой скорѣе на поляхъ Валгаллы, чѣмъ въ преданномъ христіанству космосѣ—не выясняются. Не выясняется и то, почему борцы вдругъ по мановенію ока сложатъ оружіе и сольются въ освященное Духомъ Богочеловѣчество. Власть надъ временнымъ и его понятіями не дается Мережковскому. Въ торжественно-приподнятомъ „открытомъ письмѣ" къ Н. А. Бердяеву онъ признается самъ въ смѣшеніи проблемъ; но и здѣсь онъ сохраняетъ основную мысль о двойственности и тройственности, и лишь затѣняетъ моментъ борьбы человѣчества, боговъ и космоса. „Вы показали, что моя борьба съ монашескимъ аскетизмомъ и спиритуализмомъ историческаго христіанства слишкомъ внѣшняя, поверхностная, слишкомъ позитивная; что эта борьба должна происходить въ иной, гораздо большей глубинѣ; предстоитъ побѣдить не столько метафизическій спиритуализмъ, сколько мистическій дуализмъ, заложенный въ основу историческаго христіанства. Религіозная проблема

духа и плоти, полярности безднъ, двойственности—рождается не изъ онтологическаго дуализма человѣческой природы, а изъ величайшей для насъ тайны раздѣленія Бога на два лика и отношенія этого раздвоенія къ эманирующему изъ Бога множественному міру; и религіозно разрѣшается эта проблема, двойственность замиряется въ третьемъ Ликѣ Бога". „Надо преодолѣть въ христіанствѣ историческомъ не метафизикой метафизику, не мыслью мысль, а опытомъ опытъ, откровеніемъ откровеніе; надо не говорить о томъ, что два суть едино, а явить Единое въ Двухъ, сдѣлать, чтобы Два были Едино".

Таковы идеи, которыя Мережковскій называетъ своими переживаніями и запись о которыхъ считаетъ—дневникомъ.

Наиболѣе правильнымъ мнѣ представляется здѣсь то, что богоборцы и христоборцы ближе къ истинѣ, чѣмъ поклоняющіеся и прославляющіе имя Христово. Не потому, чтобы Христосъ уводилъ отъ истины. А потому, что въ священномъ наслѣдіи его не слѣдуетъ искать словъ, разрѣшающихъ человѣка отъ самостоятельнаго труда на земной нивѣ. Жизнь Христа, какъ и жизнь тѣхъ людей, къ чьимъ дневникамъ съ болѣзненнымъ вниманіемъ прислушивается человѣчество, подымаетъ во мнѣ волненія, противоположныя паѳосу Мережковскаго. Уклонъ мысли Мережковскаго—отъ тяжкаго къ легкому, отъ загадочнаго къ логически-примиримому, отъ фрагментарности къ стройности. Уклонъ жизни Христа — къ возрастающей трудности задачъ, къ подвигу, превышающему человѣческія силы, бо́льшему, чѣмъ любая

проповѣдь или любое изъ вдохновенныхъ чудесъ. И наша, земная, бѣдная, средняя жизнь по рисунку своему ближе къ рисунку Христова пути, чѣмъ къ нехитрой словесной вязи Мережковскаго. Она начинается довѣріемъ къ міру и къ себѣ,—но ростъ ея направленъ въ сторону, противоположную всякому довѣрію. Какъ цвѣты, прикрытые стеклянными колпачками раннею весеннею порою, требуютъ лѣтомъ свободы, и осенью несутъ сѣмена, вопреки холоду звѣздныхъ августовскихъ ночей, такъ и люди влекутся отъ игры къ задумчивости, отъ задумчивости къ труду—къ тому труду, о которомъ Вл. Соловьевъ, умирая, сказалъ: тяжела работа Господня—отъ труда къ распятію малому, отъ малаго распятія къ крестной смерти—и нѣтъ конца этому пути, ибо видимый, позитивный конецъ, несмотря на страшную свою убѣдительность, можетъ представиться концомъ лишь слабымъ, дѣтски-довѣрчивымъ и наивнымъ людямъ. Мужественный скептицизмъ не остановится и здѣсь, хотя никто, кромѣ него, не знаетъ, какъ крутъ и кремнистъ дальнѣйшій путь и какъ слѣдованіе ему напоминаетъ случайному соглядатаю безумное топтанье на одномъ мѣстѣ... Это отвращеніе къ концу, къ законченности и къ гармоніи легко утомляетъ мысль, всегда готовую прикинуться подслѣповатой и лишь подъ тяжелыми жерновами судьбы оттачивающей свое лѣнивое и тупое жало. Къ счастью—тяжкое, столь часто проклинаемое счастье—человѣческіе пути и судьбы охраняемы тѣми шестикрылыми серафимами, о которыхъ намъ повѣдали лучшіе наши поэты. Глаза смыкаются? Уста безстыдно говорятъ о величайшемъ? И вотъ тогда—

...онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,

И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ...

Угль, пылающій огнемъ, обрекающій на одинокое замерзаніе покинутые человѣкомъ идеалы—спасетъ отъ замерзанія живого человѣка. И вотъ почему первымъ и самымъ труднымъ дѣломъ познавшаго отвращеніе къ концу и законченности мыслителя будетъ—погасить всѣ огни, свѣтившіе ему еще вчера, убить въ себѣ довѣріе къ нимъ, вѣрнѣе, привычку къ довѣрію, которой автоматически слѣдуетъ мысль, и отрицаніями пропитать ткани, которыя такъ недавно еще грѣли, одѣвали и радовали.

Когда Мережковскій говоритъ о высшей правотѣ богоборцевъ и христоборцевъ, онъ отдаетъ дань тому недовѣрію, которое одно только и можетъ ввести въ области познанія. Какъ обыденный опытъ учитъ различать между желаннымъ и дѣйствительно-существующимъ, такъ и религіозный опытъ долженъ разъ навсегда отдѣлить желанное отъ того, что можетъ быть уготовано смертному на самомъ дѣлѣ. Все утѣшительное, все успокаивающее, навѣвающее сны о цѣлесообразности и наградѣ должно быть заподозрѣно. Или, пожалуй, слѣдуетъ сказать: не можетъ быть не заподозрѣно. Таковъ Римъ, куда ведутъ всѣ дороги бодрствующей мысли. Иному страннику почудится, что это—не Римъ, съ его развалинами, пиньями и сокровищницами искусства, а безплодная Кампанья, отравленная незримыми ядами маляріи. Онъ будетъ правъ. Ибо бываетъ моментъ той остроты зрѣнія, когда Римъ становится

призракомъ, а малярія—дѣйствительностью болѣе дѣйствительной, чѣмъ камни Колизея (Mal'aria Тютчева). Но выбора нѣтъ. Кто побоится собственной пытливости, тому суждено безславно замерзнуть съ Мережковскимъ и съ его идеалами. И никакія попытки отогрѣться у огней той или другой политической или соціальной революціи не спасутъ коченѣющаго бѣглеца. Напротивъ, бѣглецъ подобнаго рода опасенъ и для самой революціи—поскольку, конечно, ей можно помочь или повредить—и наиболѣе цѣльные изъ адептовъ ея проявили подлинную проницательность, отгородившись отъ Мережковскаго непреодолимымъ рвомъ идейнаго позитивизма и практической активности—двухъ служебныхъ свойствъ, принять которыя Мережковскому не по силамъ *).

Логика Мережковскаго, къ которой онъ прибѣгаетъ такъ часто—и такъ часто неудачно, представляется мнѣ именно судорожными движеніями замерзающаго человѣка. Ибо никакъ ужъ не логически необходимымъ, а всего лишь судорожно-скомканнымъ можетъ быть названъ строй его идей, ведущихъ отъ борьбы съ аскетическимъ христіанствомъ къ признанію основной противоположности двухъ Ликовъ Бога. Мысль Мережковскаго то и дѣло рветъ ткань реальной чреды событій и врывается въ тѣ области, которыя ему представляются сверхреальными и основными. Преодолѣніе историче-

---

*) Очень тягостное, напримѣръ, впечатлѣніе производитъ только-что опубликованная переписка Д. Мережковскаго съ А. С. Суворинымъ. Одной этой переписки достаточно, чтобы навсегда оттолкнуть отъ писателя здоровые слои демократіи.

скаго христіанства — отправная точка Мережковскаго. Если бы онъ остался на ней, его дѣятельность могла быть плодотворной и умѣстной. Но стоитъ Н. Бердяеву указать, что надъ проблемами историческаго христіанства есть еще идея высшаго порядка, „тайна раздѣленія Бога на два лика“,—какъ Мережковскій, безъ достаточнаго вооруженія и безъ достаточнаго внутренняго оправданія, бросается къ ней, стараясь подогнать къ ней все, что имъ было установлено для предыдущей схемы. Предисловіе къ „полному собранію сочиненій“ въ изданіи Вольфа свидѣтельствуетъ объ еще болѣе странной ёмкости писательскихъ вкусовъ Мережковскаго. Торопливость и категоричность, съ которыми онъ отрекается отъ званія философа и проповѣдника и выдвигаетъ на первый планъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, мотивъ переживаній, мотивъ дневника, не указываютъ ли на уступчивость писателя передъ лицомъ совершенно чуждыхъ и непонятныхъ ему теченій философской мысли, которыя онъ привыкъ обозначать, какъ нигилистическія и отравляющія колодцы жизни живой? Правда, самъ Мережковскій отлично знаетъ, что отъ твердынь его вовсе не вѣетъ духомъ вѣчности и незыблемости, привлекающимъ, какъ принято думать, пытливое вниманіе скептицизма. Поэтому смыслъ предисловія слѣдуетъ видѣть вовсе не въ желаніи укрѣпить наиболѣе уязвимую сторону своей цитадели. Мережковскій не могъ не чувствовать, какъ вопіющи противорѣчія между его претензіей дать дневникъ переживаній и подлиннымъ характеромъ его произведеній. Въ безпочвенности скептицизма его соблазнилъ образъ наростанія свободно-приходящихъ и свободно-отлагающихся переживаній.

Эстетическое чутье не обмануло Мережковскаго: въ этомъ наростаніи, дѣйствительно, много прекраснаго. И, по привычкѣ, онъ украсилъ свой страннической посохъ полюбившимся цвѣткомъ столь непонятной ему и враждебной страны. Признаюсь, не всегда понятны мнѣ причины этой враждебности. У меня есть основанія предполагать, что даже Мережковскаго иногда посѣщаютъ идеи, противорѣчащія основнымъ догматамъ его религіи. Такъ, въ „Маленькихъ мысляхъ“ онъ самъ же признается: „Мы считаемъ время по часамъ и думаемъ, что оно для всѣхъ равно. Но для каждаго человѣка— свое время, и всѣ времена разныя. Современники отдѣлены другъ отъ друга вѣками. Вотъ почему такъ трудно столковаться“.

III.

Зрительные образы писателя и эпитеты, имъ употребляемые, часто даютъ болѣе вѣрный ключъ къ его мастерской, чѣмъ его идеи и общая структура произведенія. Особенно призрачны—порою до предательства—ландшафтъ, портретъ, патетическое повѣствованіе или мѣста со сгущенной сантиментальностью, вызванной не столько душевнымъ строемъ дѣйствующихъ въ произведеніи лицъ, сколько потребностью автора умилиться. Полезно бываетъ сравнить изображеніе хорошо и давно знакомыхъ писателю предметовъ съ изображеніемъ тѣхъ, которые ему приходится возсоздавать по намекамъ. Пушкинъ описывалъ Италію такъ, точно жилъ въ ней. Гейне далъ превосходное изображеніе Индіи, которую могъ видѣть только во снѣ. Передача пережитого, видѣннаго и закрѣпленнаго памятью у Пушкина и Гейне лишь неуловимо отличается отъ непережитого. Но даже въ этихъ едва уловимыхъ оттѣнкахъ предательски отразились мысли, которымъ Пушкинъ не давалъ воли, и въ которыхъ Гейне врядъ ли признался бы открыто, хотя имъ посвящены лучшія стихотворенія второй половины его жизни. Тяга Пушкина въ Европу, мечта о свободѣ, о беззаботности даетъ тонъ его элегіямъ, и его привычный реализмъ не въ силахъ бороться съ наростающею тоскою по вольномъ скитальчествѣ. Индія Гейне—это все одинъ и тотъ же сонъ о здоровьѣ и возрожденіи. Не связанная мелоч-

нымъ реализмомъ наблюденныхъ образовъ творческая сила выноситъ на поверхность то, что тлѣетъ подъ покровомъ сдержанности и застѣнчивости.

Характерна параллель между описаніями природы у Байрона, напримѣръ—въ „Донъ Жуанѣ", и у Гете—въ романахъ; итальянская поѣздка здѣсь въ счетъ не идетъ. У Байрона вездѣ сіяющія, свѣжія, вѣчныя краски. Но горы у него очень нехороши—хотя горы ему были не меньше знакомы, чѣмъ моря Италіи и Греціи. Въ „Донъ Жуанѣ" ландшафтъ свободно вяжется съ повѣствованіемъ. Суровость же ледяныхъ вершинъ едва ли не у всѣхъ изобразителей, какъ и у Байрона—сгущена, впадаетъ въ декоративность и въ подчеркиванье литературной темы. Гете въ романахъ—не въ поэзіи, гдѣ онъ чудесно свободенъ—возсоздаетъ неизмѣнно и пейзажъ и лица, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у него есть превосходные реальные образцы, идеализируя ихъ до слащавости. Ему нужны именно такія, а не иныя очертанія, и такъ называемая художественная правда—понятіе, отъ котораго давно пора отказаться—его нисколько не тревожитъ. Эта манера особенно непріятна въ „Избирательномъ сродствѣ". Флоберъ хочетъ быть всегда необыкновенно точнымъ: въ этомъ проявлялось его честолюбіе „равнодушнаго" рисовальщика, отрѣшившагося отъ личнаго бытія. Экзотическій пейзажъ „Саламбо", съ ея по историческимъ даннымъ возстановленнымъ бытомъ, отличается отъ подробностей „Мадамъ Бовари" именно дерзкою, нарочитою отчетливостью и внушающимъ недовѣріе романтизмомъ. Къ романтическимъ и сантиментальнымъ тонамъ писатели часто прибѣгаютъ тогда, когда они не увѣрены въ силѣ, убѣдительности или моральной доброкачественности образа. Въ этомъ смыслѣ Ме-

режковскій можетъ быть заподозрѣнъ въ вѣчной неувѣренности какъ рисунка, такъ и сущности изображаемаго. Онъ либо археологиченъ, либо слащавъ, либо впадаетъ въ гротескъ.

Писатели съ непосредственной и мощной эмоціональностью любятъ подлинный пейзажъ—все равно, списанъ ли онъ съ натуры или воспроизведенъ по сознательно собраннымъ даннымъ. Писатели, полагающіе смыслъ своего творчества въ насильственной обработкѣ дѣйствительности, всегда стоятъ на краю срыва: нѣтъ хуже пріема, чѣмъ малоубѣдительный аллегоризмъ предметовъ и лицъ. Такъ остороженъ Достоевскій, очень рѣдко дающій развернуться своему описательному дару. Его описанія—либо взрывы злобы, либо объективированныя молитвы. Толстой, напротивъ, успокаивается и становится непосредственнымъ, переходя отъ внутренняго къ внѣшнему. Если онъ нарушаетъ это правило, относительную объективность и успокоенность описаній, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ и всегда съ достаточными основаніями. Таковъ чудесный прологъ къ „Хаджи - Мурату". Самаго внимательнаго изученія со стороны эпитета и зрительнаго образа достоинъ Гоголь. Нѣтъ писателя, болѣе, чѣмъ онъ, увѣреннаго въ своемъ правѣ лирически обрабатывать дѣйствительность. Но до уродства преувеличенныя частности у него, какъ въ лучшихъ созданіяхъ архитектурнаго барокко, растворяются въ монументальномъ планѣ цѣлаго. Его романтизмъ фальшивъ въ частностяхъ, но ложь его необходима, какъ показатель великаго напряженія, и уравновѣшивается остротою догадокъ, романтизму враждебныхъ.

Мережковскій описывалъ природу юга, сѣвера, востока и запада, и опытъ у него въ этомъ отношеніи очень большой. Остановимся на отрывкѣ изъ „Александра I“, посвященномъ Малороссіи.

— Вотъ моя *хата*, пане добродѣю,—такъ встрѣтилъ казакъ Омелька Барабашъ князя Голицына.—Вотъ у меня и куры ходятъ, вотъ и *теля*, вотъ и *пасѣка*, вотъ и *жито* растетъ передъ хатою,—выйди да и жни: вся благодать Божья! А *жинка* моя варитъ борщъ такой, что хоть бы самому *городничему*; у *пановъ* жила и понаучилась всякимъ *роскошамъ*...

Тутъ же о жителяхъ захолустнаго городка Василькова.

„Въ домикахъ жили хуторяне, *мелкопомѣстные панки да подпанки*, ѣли, пили, спали, играли въ преферансикъ по маленькой, спорили о томъ, какой нюхательный табакъ лучше—*шпанскій*, *віолетный*, *рульный* или *полурульный*, и дѣйствительно ли умеръ Бонапартъ, или только прикинулся мертвымъ, чтобы снова напасть на Россію“...

Ниже—пѣсня слѣпца-лирника.

„Голицынъ почти не понималъ словъ, но *благоговѣйное вниманіе слушателей*, все простыхъ казаковъ и казачекъ, *вдохновенное лицо старика* съ высоко поднятыми бровями надъ слѣпыми впалыми глазницами, и дрожащій голосъ его, и *тихое рокотаніе бандурныхъ струнъ*, и заунывные, *хватающіе за душу звуки пѣсни* говорили больше словъ... Кто-то всхлипнулъ; кто-то вытеръ слезы рукавомъ *свитки*; *старый сѣдоусый казакъ, опиравшійся обѣими руками о палку, низко опустилъ голову и такъ тяжело вздохнулъ, какъ будто услышалъ вѣсть о смерти любимаго*“...

Ясно, что эти описанія вставлены въ романъ только потому, что описывать надо. Въ рѣчи Омельки Барабаша не трудно найти шаблонъ для всевозможныхъ привѣтливыхъ крестьянъ сѣвера и юга Россіи, стоитъ лишь замѣнить нѣсколько мѣстныхъ особенностей: борщъ, хата, жито, жинка — названіями, соотвѣтствующими другому краю. Второй отрывокъ такъ же универсаленъ на тему: захолустный городокъ. Третій — на тему: пѣсня слѣпца. Но, быть можетъ, такова только Малороссія?

Юліанъ слушаетъ, какъ его учитель Мардоній поетъ Гомера:

„Юліанъ не замѣчалъ уродства старика; холодъ наслажденія пробѣгалъ по тѣлу мальчика; божественные гекзаметры переливались и шумѣли, какъ волны: онъ видѣлъ прощаніе Андромахи съ Гекторомъ, Одиссея, тоскующаго по своей Итакѣ на островѣ Калипсо передъ унылымъ пустыннымъ моремъ. И сердце Юліана щемила сладкая боль, тоска по Элладѣ—родинѣ боговъ, родинѣ всѣхъ, кто любитъ красоту. Слезы дрожали въ голосѣ учителя, слезы текли по желтымъ щекамъ его“.

Антоній и Арсиноя („Юліанъ Отступникъ“) плывутъ мимо острова:

„Изъ-за темныхъ скалъ выступали тихія зеленыя лужайки. Тамъ паслись козы и овцы. По серединѣ мыса росъ платанъ. Антоній замѣтилъ на мшистыхъ корняхъ его отрока и дѣвушку: то были, должно-быть, дѣти бѣдныхъ пастуховъ; за ними въ кипарисовой рощѣ бѣлѣлъ Панъ съ девятиствольною флейтою... Дѣвушка склонила надъ жертвенникомъ простую деревянную чашу, принося вечерній даръ богу—козье молоко, смѣшанное съ медомъ; пастухъ приготовился играть на флейтѣ... И въ тишинѣ

вдругъ послышались медленные звуки церковнаго пѣнія: это старцы-отшельники на передней части корабля пѣли хоромъ вечернюю молитву. Въ это же время по неподвижной поверхности моря пронеслись иные звуки: мальчикъ-пастухъ игралъ на флейтѣ вечерній гимнъ богу Пану...

— Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ,— пѣли монахи“.

Мережковскій—опытный, обладающій хорошимъ вкусомъ литераторъ. Онъ прекрасно владѣетъ языкомъ; запасъ словъ у него на рѣдкость большой. Много изобрѣтательности. Умѣнье создать занимательную и относящуюся къ дѣлу фабулу. Но желаніе сказать слишкомъ много,—больше, чѣмъ на то даетъ право его безрелигіозное знаніе о мірѣ,—вноситъ въ его вещи досадныя черты сухой подражательности. Хорошо, если писателю трудно писать,—какъ было трудно писать Пушкину, несмотря на присущее ему огромное творческое напряженіе. Это избавляетъ отъ банальности. Мережковскому слишкомъ легко назвать гекзаметры Гомера шумными, какъ волны, острова—аметистами; если онъ говоритъ объ эпикурейцахъ, онъ всегда видитъ въ ихъ лицахъ „нѣчто старческое и ребяческое вмѣстѣ“; если дѣйствіе происходитъ въ христіанскомъ храмѣ, рядомъ неизбѣжны аттрибуты язычества; его старцы пророчествуютъ или поютъ; его юноши мечтаютъ о неземныхъ соединеніяхъ противоположностей; мужи бьются за свои идеи, но такъ какъ соединеніе противоположностей до срока невозможно, то и Юліанъ, и Леонардо да Винчи, и Петръ терпятъ великія неудачи. Эти неудачи, дѣйствительно, глубочайшая

черта ихъ жизни. Чѣмъ больше творческое напряженіе личной воли, тѣмъ безпощаднѣе смыкается кольцо міровой косности. Но Мережковскій, желая углубить, дѣлаетъ плоской эту борьбу. Онъ глядитъ не столько на теченіе ея, на едва замѣтные признаки начала, на перемирія и тишайшіе часы ночного отдыха, сколько на героическую красивость жестовъ и „правильность" рокового поединка. Онъ слишкомъ хорошо помнитъ образы великихъ мастеровъ, перенимаетъ ихъ выраженіе и героевъ своихъ заставляетъ отражать уже однажды отраженное. А творчество—это забвеніе всего, что было раньше, до жизни и до мысли даннаго творца и въ данное творческое мгновеніе... Онъ знаетъ, какъ надо показать Христа и какъ—Антихриста, и заставляетъ ихъ слѣпо, на вѣки вѣчные затвердить свои роли. Крикливая декоративность отравляетъ лучшіе по живописности замыслы. Досадно, что чѣмъ старше писатель, тѣмъ рѣшительнѣе грѣшитъ онъ противъ основныхъ требованій художественнаго вкуса. И нельзя предположить, чтобы то были сознательные грѣхи, оправданные тѣмъ, что онъ хочетъ дать больше, чѣмъ вмѣщаютъ *) предѣлы избраннаго имъ искусства. Онъ загипнотизированъ своими схемами и предполагаетъ, что ихъ сила изливается и оживляетъ образы изнутри. Уже въ „Юліанѣ Отступникѣ" нарочито-мудрыя бесѣды дѣйствующихъ лицъ отдавали героическимъ лубкомъ и оперной бутафоріей. Въ „Леонардо да Винчи" этотъ недостатокъ отразился на удачнѣйшихъ главахъ романа. Въ „Петрѣ и Алексѣѣ", лучшемъ, мѣстами безукоризненномъ произведеніи Мережковскаго-художника, большая часть условностей отнесена на

---

*) Ср. статью А. Бѣлаго въ „Зеленомъ лугѣ".

счетъ второстепенныхъ лицъ и сконцентрирована въ дневникахъ фрейлины Арнгеймъ и царевича. Благодаря этому, образы Петра и Алексѣя много выигрываютъ. Но ни Петра, ни Алексѣя въ романѣ все-таки нѣтъ налицо. Послѣдній актъ творчества — соединеніе частностей въ органическое цѣлое—наиболѣе слабое мѣсто Мережковскаго. Въ „Александрѣ I“ уже всѣ, герои и не-герои, говорятъ стихами или фальшивой прозой, неутомимо защищаютъ свои крайнія идейныя позиціи, и всѣ вмѣстѣ поспѣшаютъ къ вожделѣнному міровому концу. „Александръ I“ читается, какъ историко-философскій трактатъ въ діалогахъ, въ которомъ опущена логическая его сторона, но подчеркнута пророчественная; въ концѣ книги и въ примѣчаніяхъ читатель находитъ не совсѣмъ соотвѣтствующіе исторической достовѣрности портреты, планы мѣстностей и даты.

Матеріалъ, которымъ Мережковскій пользуется въ своихъ романахъ, обличаетъ превосходный вкусъ писателя къ исторіи: онъ выбираетъ лучшія по богатству эпохи. Пристрастіе къ внезапнымъ переломамъ, къ таинственному и катастрофическому не оставляетъ здѣсь Мережковскаго даже тогда, какъ онъ живописуетъ бытъ и предметы. Въ этомъ смыслѣ, несмотря на обиліе частностей, замыселъ художника всегда господствуетъ надъ произведеніемъ. Манерой освѣщать событія и выборомъ ихъ Мережковскій обязанъ Нитче. Правда, ему не удалось показать до конца живую и гибкую подвижность преломленной творческимъ разумомъ исторіи. Правда, ему не удалось и обратное—проникнуть въ ея мастерскія и съ болью или съ радостью бросить намъ оттуда свои,

опять таки—свои, слова. Эти лучшія въ ихъ противоположности достиженія Нитче не соблазнили Мережковскаго. Онъ то некстати легокъ и равнодушенъ, то некстати тяжелъ и глубокомысленъ; не подбираетъ стебли оброненныхъ исторіей травъ, а создаетъ ихъ подобія изъ жести, распредѣляя симметрическими рядами и полукружіями. Лучше бы ему въ этомъ случаѣ уподобиться тому мальчику-французу, который, наигравшись досыта, переломалъ всѣ свои игрушки, чтобы увидѣть, ce qu'il y a dedans,—проблема, одинаково достойная и философа, и художника, и—всего болѣе—религіознаго мыслителя.

„Оставаясь *) въ предѣлахъ строгаго искусства, почти невозможно говорить о „Трилогіи". Все равно вырвешься въ мистику, въ исторію культуры, въ идеологію. И безобразны многія страницы величественной „Трилогіи"—то мертвыя схемы давятъ многообразную серію его дивныхъ образовъ, то мелочи быта, „вещи" опрокидываются на эти образы. Мережковскій подчасъ устраиваетъ изъ своихъ романовъ археологическій музей... Стѣны и потолокъ этого музея не соотвѣтствуютъ пестротѣ и богатству археологическаго матеріала; стѣны сѣрыя, казарменныя; потолокъ образуютъ грязно-голубыя доски, именуемыя „бездна верхняя"; полъ сѣрый, каменный—„бездна нижняя". На двухъ парахъ стѣнъ дощечки съ надписями: „Идея богочеловѣчества", „Идея человѣкобожества", „Аполлонъ", „Діонисъ"... Выбравъ въ своемъ музеѣ свободное мѣсто у одной изъ стѣнъ, Мережковскій окружаетъ свои статуи всѣми аттрибутами эпохи... Получается подобіе жизни и дѣйствительная утонченность культуры въ сценахъ его „хроникъ"... Вотъ зрительный образъ готовъ. Надо, чтобы дѣйствующія лица

*) Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый", стр. 139—145.

заговорили... О, это будетъ не просто разговоръ! Это будетъ діалогъ: будутъ ссылки, цитаты изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ того времени, расположенныя въ такомъ порядкѣ, чтобы совокупность этихъ въ формѣ діалога изложенныхъ цитатъ служила незримымъ указательнымъ пальцемъ къ дощечкѣ, повѣшенной на стѣнѣ... Группы пропутешествуютъ отъ Христа къ Антихристу, отъ Антихриста къ Діонису, отъ Діониса къ Христу. Все это путешествіе будетъ потомъ проецировано на в е р х н ю ю и н и ж н ю ю б е з д н у... Въ результатѣ геометрическая правильность его громадной „Трилогіи". Нужна не простая геометрическая правильность: Мережковскому нужно показать эволюцію двухъ борющихся въ исторіи силъ: христіанства и язычества. Для этого Мережковскій 1) располагаетъ группы своихъ образовъ такъ, чтобы конфигурація группъ одной части „Трилогіи" соотвѣтствовала въ цѣломъ конфигураціи группъ смежной части. 2) Даетъ нѣсколько образовъ (иногда предметовъ), которые пройдутъ сквозь всѣ части... 3) Въ одной части „Трилогіи" онъ переставляетъ свои группы справа налѣво; въ другой—одновременно разставляетъ группы и слѣва направо, и справа налѣво, такъ что это путешествіе совершается одновременно въ двухъ направленіяхъ; наконецъ, въ послѣдней части расположеніе группъ идетъ слѣва направо. Соотвѣтственно этому онъ слегка мѣняетъ конфигурацію цитатъ и своихъ комментаріевъ въ формѣ разсужденія къ этимъ цитатамъ. Получается ясная и простая идеологія. Во всемъ раздвоеніе: между хаосомъ и космосомъ, плотью и духомъ, язычествомъ и христіанствомъ, безсознательнымъ и сознаніемъ, Діонисомъ и Аполлономъ, Христомъ и Антихристомъ. Противоположеніе между верхней и нижней бездной раздваиваетъ

въ свою очередь каждую антиномію. Такъ: духъ Христовъ оказывается и подъ маской аполлонизма, и подъ маской діонисизма; то же происходитъ и съ духомъ Антихриста. Получаются сложныя фигуры, точно кристаллографическія модели. Раздвоенный Юліанъ; потомъ Юліанъ расчетверенный. Далѣе: въ Юліанѣ идеи человѣкобожества, язычества, плоти, государства, аполлонизма, антихристіанства какъ будто преобладаютъ. Какъ будто: потому что на днѣ ихъ (въ безднѣ нижней) открываются идеи противоположныя (бездна верхняя). Юліанъ этого не понялъ. Во второй части изложеннымъ идеямъ противостоятъ идеи противоположныя: контрапунктъ сложнѣе. Въ „Петрѣ“ передъ нами трехъярусная идеологія: 1) язычество съ пролетомъ въ свое противоположное, 2) историческое христіанство съ пролетомъ въ себѣ противоположное, 3) противоположное двухъ противоположностей (историческаго язычества и историческаго христіанства) становится искомымъ единствомъ“.

Слѣдуетъ разъ навсегда установить опредѣленное мѣрило для романовъ Мережковскаго. Это вовсе не романы и не „хроники“. Юліанъ, Леонардо да Винчи, Петръ и царевичъ Алексѣй изживаютъ всѣ имъ положенные сроки—но ни роста ихъ, ни радости, ни слезъ, ни гибели, ни торжества въ ихъ таинственной связности „Трилогія“ не даетъ. Вытравивъ отраженія своего индивидуальнаго бытія, Мережковскій тѣмъ самымъ лишилъ бытія и своихъ героевъ. Ихъ одержимость механична; они движутся по рельсамъ, и „первый двигатель“, толкающій ихъ впередъ, всегда человѣческаго, слишкомъ человѣческаго происхожденія. Уже въ

дѣтствѣ ихъ Мережковскій пытается открыть то, что станетъ явнымъ лишь въ зрѣлости. Дѣлаетъ онъ это съ большою долею находчивости, но находчивость направлена не въ сторону передачи психологической правды и даже не въ сторону монументальной декоративности цѣлаго: ему по плечу лишь преувеличеніе частностей и симметрическое расположеніе контрастирующихъ чертъ. Онъ много вниманія отдаетъ человѣческимъ дѣламъ, такъ называемой культурѣ, но и ихъ онъ любитъ только тогда, когда они прославлены исторіей и стройно укладываются вокругъ признаннаго исторіей значительнымъ событія. Въ любви къ человѣческимъ дѣламъ, къ созиданію, къ творцамъ я вижу благороднѣйшую черту писательской личности Мережковскаго. Это она и повела его первоначально на безплодный путь чаяніи конечнаго соединенія духа и плоти въ дѣйствіи... Его герои всегда—носители совершенныхъ или имѣющихъ совершиться дѣлъ. Но онъ забываетъ, что одни дѣла не дѣлаютъ живыхъ людей, какъ бы велики они ни были, и что—наоборотъ: величайшее въ человѣкѣ бездѣйственно и замкнуто за семью замками молчанія. Именно недостатокъ интимности, внутренняго движенія и роста, отсутствіе чувственной и душевной подпочвы дѣлаютъ романы Мережковскаго произведеніями антихудожественными и дидактическими. Они—какъ тѣни волшебнаго фонаря, пугаютъ одновременно масштабомъ и безплотностью, схематизмомъ и фантастическою подвижностью иного, не земного, но и не небеснаго, порядка. Исторія здѣсь можетъ быть оторвана отъ своей почвы и брошена на произволъ человѣческаго каприза. Бытъ здѣсь интересенъ лишь постольку, поскольку онъ, какъ подвижныя декораціи сказки, скрываетъ неожиданности и промахи

авторской фантазіи. Произведенія Мережковскаго выигрываютъ въ цѣльности, чѣмъ разительнѣе контрасты и чѣмъ бездоказательнѣе ихъ смѣна.

Принятую Мережковскимъ манеру подходить къ историческимъ явленіямъ можно назвать лже-символизмомъ, составляющимъ промежуточную ступень между элементарнымъ натурализмомъ и сильнымъ, здоровымъ, истиннымъ символизмомъ мудраго міропониманія. Живыя слова превращаются у Мережковскаго въ шпаги, которыми угрожаютъ другъ другу дѣти двухъ противоположныхъ истинъ, Христа и Антихриста, враги не на животъ, а на смерть, иногда даже не сознающіе сверхъ-реальныхъ основаній своей вражды. Чистые, какъ Мирра или ученики Леонардо, гибнутъ въ силу своей чистоты, или спасаются чудомъ, какъ Тихонъ, отъ „красной смерти". Великіе на землѣ безпомощнѣе малыхъ. Все преувеличено. Сказочные злодѣи (Борджіа) надѣваютъ священническія одежды и безстыдно пируютъ,—всѣхъ плодовъ земныхъ мало, чтобы насытить ихъ сластолюбіе. Мудрецы и шарлатаны служатъ имъ равно. Народы поклоняются имъ, какъ богамъ, и слагаютъ о нихъ легенды. Фантастическіе дипломаты сплетаютъ козни такъ, какъ художники пишутъ картины. Но надъ всѣми и надъ всѣмъ царятъ поэзія и мудрость. Бесѣды о послѣднихъ вопросахъ бытія важнѣе народныхъ бурь. Діалоги превращаются въ пляску короткихъ, воинственныхъ формулъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ циклы замороженныхъ ученій.

Когда маленькій Юліанъ говоритъ: „Афродита, Афродита! Я буду тебя любить вѣчно",—какъ въ сказкѣ Андерсена или какъ въ полусказкахъ ранней поры сантиментализма, условная красивость деталей здѣсь хоро-

ша, нужна и не вызоветъ ничьего педантическаго раздраженія.

„Юліанъ смотрѣлъ ненасытно. Время остановилось. Вдругъ онъ почувствовалъ, что трепетъ благоговѣнія пробѣжалъ по его тѣлу. И мальчикъ въ темныхъ монашескихъ одеждахъ опустился на колѣни передъ Афродитой, поднявъ лицо, прижавъ руки къ сердцу. Потомъ все такъ же вдали, все такъ же робко, сѣлъ у подножія колонны, не отводя отъ нея глазъ; щека прислонилась къ холодному мрамору. Тишина входила въ душу. Онъ задремалъ, но и сквозь сонъ чувствовалъ ея присутствіе... Когда онъ проснулся, было темно. Въ четырехугольникѣ открытаго неба сверкали звѣзды. Серпъ луны кидалъ сіяніе на голову Афродиты. Юліанъ наклонился и поцѣловалъ ноги изваянія. Онъ молился ей: „Афродита, Афродита! Я буду любить тебя вѣчно". И слезы падали на мраморныя ноги изваянія".

Взглянувъ на романы Мережковскаго съ точки зрѣнія искусства вспомогательнаго, а не самодовлѣющаго, можно допустить необходимость и шабаша вѣдьмъ и красоты монны Кассандры, съ ея соблазнами и гибелью подъ пытками инквизиціи. Силуэты людей станутъ радовать именно тѣмъ, что они—силуэты. Чудеса маговъ, вся чертовщина средневѣковья покорно послужатъ той или иной идеѣ.

— „Хочешь видѣть древняго Титана?

— Хочу,—отвѣтилъ Юліанъ.

— Смотри же.

И волшебникъ указалъ ему въ глубину пещеры, гдѣ стоялъ орихалковый треножникъ.

— Хочешь видѣть Отверженнаго?

— Хочу.

— Смотри.

Въ бѣломъ дымѣ появились слабыя очертанія головы и двухъ исполинскихъ крыльевъ.

— Юліанъ, отрекись во имя мое отъ Христа!

— Отрекаюсь.

И Ангелъ сказалъ:

— Приди ко мнѣ!

— Кто ты?

— Я—свѣтоносный. Я—Денница. Я—звѣзда утренняя...“

Подобное письмо никакъ не можетъ быть признано художественнымъ. Но стоитъ только вникнуть въ ритмъ рѣчей, непріемлемыхъ въ романѣ, но характерныхъ для сказки и гротеска поры романтизма, чтобы упреки, предъявляемые Мережковскому, отпали сами собой. Другой вопросъ, долговѣченъ ли этотъ родъ литературы? Долговѣчность его зависитъ отъ увлекательности и живучести иллюстрируемыхъ писателемъ идей. Здѣсь же двухъ мнѣній быть не можетъ. Какъ историческій документъ, „Трилогія“ Мережковскаго не разъ остановитъ на себѣ вниманіе изслѣдователя. Какъ художественное цѣлое, она нежизнеспособна, и я думаю, не ошибусь, утверждая, что эта нежизнеспособность ясна и самому автору. Недаромъ онъ, обладая недюжиннымъ вкусомъ, выдвинулъ на первый планъ разсужденіе и проповѣдь и подчинилъ этимъ двумъ, вполнѣ случайнымъ элементамъ романа находившійся въ его распоряженіи исключительный по богатству и красотѣ матеріалъ.

IV.

Трилогія „Христосъ и Антихристъ“ изображаетъ борьбу двухъ началъ во всемірной исторіи, въ прошломъ. „Л. Толстой и Достоевскій“, „Пророкъ русской революціи“, „Лермонтовъ“, „Гоголь“ эту же борьбу изображаютъ въ русской литературѣ въ настоящемъ. „Грядущій Хамъ“, „Не миръ, но мечъ“, „Въ тихомъ омутѣ“, „Больная Россія“—въ русской общественности. Наконецъ, вторая трилогія — „Павелъ I“, „Александръ I“, „Декабристы“ изслѣдуютъ борьбу тѣхъ же двухъ началъ въ ея отношеніи къ будущимъ судьбамъ Россіи *).

Мережковскій правъ, вытягивая свои сочиненія въ одну линію: ему совершенно незачѣмъ подчеркивать пережитыя въ теченіе двадцатипятилѣтней дѣятельности метаморфозы, хотя онѣ и затрагиваютъ порою самое ядро его убѣжденій.

„Вы спрашиваете,—пишетъ Мережковскій въ „Открытомъ письмѣ“ Н. А. Бердяеву,—признаю ли я и теперь, какъ тогда, когда писалъ „Л. Толстого и Достоевскаго“, что въ государственной власти заключено положительное религіозное начало? Нѣтъ, я не признаю... Между государствомъ и христіанствомъ для насъ не можетъ быть никакого соединенія, никакого примиренія: „христіанское государство“ есть чудовищный абсурдъ... „Всякая власть

---

*) Предисловіе къ Полн. собр. соч. т. I, стр. 5.

отъ Бога“ *), это значитъ, что человѣческая, только человѣческая власть—не власть, а насиліе, не отъ Бога, а отъ дьявола. Въ царствѣ Божьемъ всѣ—цари, всѣ господа, а единый Царь царствующихъ и Господь господствующихъ—самъ Христосъ“.

Въ томъ же „письмѣ“ онъ касается проблемы зла, одно время тѣсно въ его представленіяхъ связанной съ властью, съ идеей всемірнаго государства, подчиненнаго одному владыкѣ, съ человѣкобогомъ и съ равнымъ по величію Христу—Антихристомъ.

„Для меня эта проблема рѣшена окончательно. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что „духъ небытія“ есть духъ вѣчной середины, и есть ничто иное, какъ абсолютное небытіе, которое хочетъ казаться абсолютнымъ единственнымъ бытіемъ. Такъ называемое „величіе“ дьявола, демона, Люцифера и есть **) отраженное величіе Божье, ложное подобіе лика Божьяго“.

Такъ руками самого строителя уничтожены сильнѣйшія опоры его зданія. Само же оно осталось нерушимымъ, какъ и было. Въ строительномъ искусствѣ подобная стойкость, быть можетъ, и почитается добродѣтелью. Въ философскихъ же произведеніяхъ она указываетъ на недостаточную связность цѣлаго, или на то, что цѣлое держится на иныхъ, искусно скрытыхъ стѣнами основаніяхъ. Искать эти основанія нужно не въ позднихъ произведеніяхъ, гдѣ въ сумеркахъ безкровной религіозности всѣ кошки сѣры, а въ первыхъ критическихъ

---

*) Раньше та же максима служила обоснованію божественной сущности человѣкобожества.

**) Слова „и есть“ обладаютъ способностью гипнотизировать читателя призрачною своею убѣдительностью и категоричностью. Пріемъ, къ которому Мережковскій прибѣгаетъ очень часто.

статьяхъ Мережковскаго, послужившихъ какъ бы моделями для дальнѣйшаго творчества.

Первая книга критическихъ статей „Вѣчные спутники“ напоминаетъ манерой писанія Георга Брандеса. Отъ него Мережковскаго выгодно отличаетъ отсутствіе претенціозности. Датскій критикъ, желая быть всестороннимъ, призывалъ на помощь эстетическому анализу и соціологію, и исторію, и даже медицину. Одно существенное свойство роднитъ между собою этихъ писателей: у нихъ на рукахъ—я говорю о Мережковскомъ періода „Вѣчныхъ спутниковъ“ — всегда находился опредѣленный запасъ принятыхъ въ данное время самыми передовыми кругами общества понятій о благородномъ, тонкомъ и возвышенномъ, и они чувствовали себя призванными устроять и подчищать отданный въ ихъ руки дикій садъ литературы сообразно съ этими самыми передовыми понятіями.

Статья Мережковскаго о Пушкинѣ—одна изъ лучшихъ въ русской критической литературѣ. Статьи о Маркѣ Авреліи, Гончаровѣ, Флоберѣ и др. достойны всяческаго вниманія и сочувствія. Мережковскій уже въ то время умѣлъ очень тонко разбираться въ матеріалѣ и освѣщать его. Казалось бы, чего же больше? Къ сожалѣнію, наступаетъ моментъ, когда нужно объединять добытыя критикомъ данныя и дѣлать выводы, и тогда воочію познается безнадежное одиночество великихъ незнакомцевъ. Что ихъ труды и пріобрѣтенія идутъ на потребу легкомысленнымъ потомкамъ—это естественно, съ этимъ приходится мириться. Но, хотя изъ чувства благодарности къ щедрымъ даятелямъ мудрости,

слѣдовало бы намѣтить предѣлы той критики, которую Мережковскій называетъ субъективной. Въ противовѣсъ ограниченной научной и объективно-художественной критикѣ, онъ считаетъ субъективную—„психологической, неисчерпаемой, безпредѣльной по существу своему, какъ сама жизнь, ибо каждый вѣкъ, каждое поколѣніе требуетъ объясненія великихъ писателей прошлаго въ своемъ свѣтѣ, въ своемъ духѣ, подъ своимъ угломъ зрѣнія... Субъективный критикъ долженъ считать свою задачу исполненной, если ему удастся найти неожиданное въ знакомомъ, свое въ чужомъ, новое въ старомъ“.

Когда въ предѣлахъ книги о „Вѣчныхъ спутникахъ“ я пытался установить, къ чему приводятъ исканія неожиданнаго въ знакомомъ, своего въ чужомъ и новаго въ старомъ, результаты получались очень незначительные. Пересказъ знакомаго, чужого и стараго, сдѣланный рукою вѣрной и любящей, давалъ удовлетвореніе и спокойствіе довѣрчиваго созерцанія воскрешенныхъ критикомъ тѣней. Но чуть рѣчь заходила о неожиданномъ и новомъ—рисунокъ стирался, и за сильными, выпуклыми очертаніями Акрополя, за тяжкими страстями Достоевскаго или за спокойной горечью Марка Аврелія появлялась томная улыбка разсѣяннаго скитальца по вѣкамъ и культурамъ. Что прибавилъ Мережковскій къ словамъ и темамъ вѣчныхъ спутниковъ? Расплывчатыя мечтанія о всемірной гармоніи, сантиментальную меланхолію празднаго эрудита и безпомощность литератора, чувства котораго торопятся отлиться въ благородно-банальную форму самыхъ всеобъемлющихъ идей. Въ Акрополѣ онъ не увидѣлъ ничего сверхъ того, что подсказалъ ему слащавый эллинизмъ прошлаго вѣка,

и это въ дни, когда имя Нитче уже было на устахъ у всѣхъ передовыхъ представителей литературы. Въ статьѣ о Кальдеронѣ онъ принимаетъ равнодушный эстетизмъ людей своего поколѣнія за оригинальное свойство и великую способность—„сквозь самые чуждые и непонятные догматы, сквозь призму мертвыхъ религіозныхъ формъ находить вѣчно живую красоту человѣческаго духа“. „Съ этой точки зрѣнія—заявляетъ Мережковскій съ совершенно обезоруживающей наивностью—всѣ религіи, вся поэзія, все искусство народовъ является только рядомъ символовъ“.

Послѣ тонкой характеристики Донъ-Кихота и его оруженосца, Мережковскій, не безъ тихаго удовлетворенія, констатируетъ наличность любви, самоотверженія и вѣры въ человѣчествѣ. „Мало ли Донъ-Кихотовъ. Они и вѣрятъ и любятъ, они жертвуютъ собой и ведутъ на смѣлые подвиги послушныхъ оруженосцевъ Санчо-Пансъ. Но будущее принадлежитъ не Донъ-Кихотамъ, а тѣмъ истиннымъ героямъ, которые сумѣютъ соединить чувство съ разумомъ, вѣру съ наукой, порывъ любви со спокойнымъ расчетомъ силъ. До сихъ поръ одни много знали, но слишкомъ мало любили, другіе много любили и слишкомъ мало знали, но только тотъ, кто будетъ много знать и много любить, можетъ сдѣлать для человѣчества что-нибудь истинно-прекрасное и великое“ *).

*) Вотъ какъ рано и въ какой наивной формѣ проявилась въ Мережковскомъ впервые потребность въ „синтезѣ“. Сравнивъ приведенныя только-что слова со статьею о „Причинахъ упадка въ русской литературѣ“, гдѣ уже сказано, что литература стоитъ надъ бездной, мы поймемъ, что соединеніе Христа и Антихриста, духа и плоти, какъ и бездны послѣднихъ его произведеній, вовсе не порождены религіознымъ сознаніемъ, а всего только подобраны соотвѣтственно склонности мыслить антитезами.

Мало ли Донъ-Кихотовъ! Тѣмъ лучше для насъ, не правда ли?

Въ статьѣ объ Ибсенѣ, по адресу Гедды Габлеръ— та же готовность отвлечься отъ автора, отъ Гедды и отъ себя самого ради упованій на будущее, ради претворенія трагически - заключившейся человѣческой судьбы въ процессъ идеалистически-туманнаго обновленія міра: „Когда Гедда лежитъ передъ нами мертвая, въ своей безнадежной красотѣ, такая же безстрастная, такая же холодная въ смерти, какой была въ жизни — мы понимаемъ трагическую судьбу поколѣній, обреченныхъ рождаться и умирать въ эти смутныя страшныя сумерки, когда послѣдній лучъ зари потухъ и ни одна звѣзда еще не зажглась, когда старые боги умерли, и новые не родились“.

Но печальнѣе всего обстоятъ дѣла критика въ статьѣ о Достоевскомъ. Какъ понятно то, что съ Достоевскимъ связаны именно самыя лучшія и самыя худшія страницы Мережковскаго. Онъ пытается итти въ ногу съ великимъ писателемъ. Это не трудно — сначала. Создается иллюзія, будто опытъ Достоевскаго и опытъ Мережковскаго тожественны. „Онъ—товарищъ въ болѣзни, сообщникъ не только въ добрѣ, но и во злѣ, а ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общіе недостатки *). Онъ знаетъ самыя сокровенныя наши мысли, самыя преступныя желанія нашего сердца“... „Онъ съ нами пилъ изъ общей чаши, какъ мы, отравленъ и ве-

*) Какое странное наблюденіе! Общіе недостатки, какъ извѣстно, чаще дѣлаютъ людей невыносимыми другъ для друга. Сочувственное волненіе „преступному опыту“ души Достоевскаго Мережковскій принимаетъ за собственный „преступный опытъ“.

ликъ“, — курсивомъ цитируетъ Мережковскій поэта. „*Преступный опытъ души никогда не забывается*“.

Когда самообманъ тожественности опыта двухъ писателей доходитъ до крайности, Немезида настигаетъ младшаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Достоевскій останавливается, Мережковскій считаетъ, что надо бѣжать дальше. Именно *неумѣніе остановиться во-время* мѣшаетъ этому писателю полностью использовать находящіяся въ его распоряженіи сокровища чужихъ судебъ.

Какъ въ „Вѣчныхъ спутникахъ“, такъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, Мережковскій ищетъ для писателей, подлежащихъ его анализу, самыхъ точныхъ и самыхъ неподвижныхъ опредѣленій, иначе говоря—исчерпывающихъ характеристикъ, на самомъ дѣлѣ закрѣпляющихъ всего только одну, ограниченную и искаженную, подлинную или приписанную автору, черту.

Неподвижная, абсолютная характеристика — врагъ вдумчивой описательности субъективнаго метода. Такъ, напримѣръ, Тургеневъ въ эпоху „Вѣчныхъ спутниковъ“ признается *художникомъ* по преимуществу. „Тургеневское безстрастное созерцаніе красоты... Наслажденіе красотою слишкомъ легко примиряетъ его съ жизнью“. „Тургеневъ и Толстой глядятъ на жизнь со стороны: одинъ изъ тихой артистической мастерской, другой съ высоты отвлеченной морали“.

Очень скоро „холодъ морали“ въ характеристикѣ Толстого смѣнится „тайновидѣніемъ плоти“ и лукавымъ упорствомъ смиреннаго дяди Акима. О Тургеневѣ же Мережковскій напишетъ впослѣдствіи не лишенную

блеска и остроумія статью—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ его художественнаго пренебреженія къ однажды сказанному и его красивой возбудимости по поводу любой комбинаціи идей и образовъ, лишь бы въ ней играло роль соединеніе Европы и Россіи, или духа и плоти.

„Тургеневъ, говорятъ, устарѣлъ... Въ Россіи, въ странѣ всяческаго, революціоннаго и религіознаго максимализма, странѣ самосожженій, странѣ самыхъ неистовыхъ чрезмѣрностей, Тургеневъ едва ли не единственный *) послѣ Пушкина геній мѣры и, слѣдовательно, геній культуры. Ибо что такое культура, какъ не измѣреніе, накопленіе и сохраненіе цѣнностей?“ „Мѣра всѣхъ мѣръ, божественная мѣра вещей—красота. Въ созерцаніи осуществляется красота — какъ искусство, эстетика; въ дѣйствіи, въ трагедіи—какъ любовь—влюбленность. Тургеневъ поэтъ красоты и влюбленности“.

Нельзя отказать въ изяществѣ этой игрѣ понятіями. Но одной перестановки ихъ достаточно, чтобы схема безсильно поникла. Тургеневъ—геній культуры, геній мѣры, геній накопленія... Мѣра вещей—красота. Красота родитъ въ созерцаніи искусство, и въ дѣйствіи—влюбленность. Культура, искусство и влюбленность—мы на волосокъ отъ того, чтобы Мережковскій назвалъ ихъ тремя ипостасями одной какой-либо сущности. Но вѣдь та мѣщанская—слово Мережковскаго—охранительная, консервативная, минималистская культура, представителемъ которой сдѣланъ сейчасъ Тургеневъ, есть первый врагъ—искусства и влюбленности. И наоборотъ: искусство и влюбленность всегда бродильный, болѣе разрушительный,

*) „Единственный послѣ кого-нибудь“—одинъ изъ любимѣйшихъ эпитетовъ Мережковскаго. Нѣтъ писателя, хоть однажды не побывавшаго въ этомъ высокомъ рангѣ.

чѣмъ созидающій, болѣе опрозрачнивающій, чѣмъ утверждающій, уводящій за предѣлы возможнаго ферментъ бытія. Все это не я говорю, а Мережковскій десятки разъ въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ повторяетъ въ статьѣ о Гоголѣ или въ „Толстомъ и Достоевскомъ“. Рядомъ съ этой холодною игрой сглаженныхъ, легковѣсныхъ понятій мы находимъ очень тонкое замѣчаніе о женщинахъ Тургенева: онѣ никогда не рожаютъ... „У Тургенева поразительное отсутствіе вопроса о дѣторожденіи, о материнствѣ. Но это не скопчество, не отсѣченіе, а какое-то огненное утвержденіе пола, огненная чистота—влюбленная дѣвственность“. „Случилось съ нею—съ Лукерьей, „Живыя мощи“—то же, что со всѣми женщинами, въ которыхъ влюбленъ вѣчный шестнадцатилѣтній мальчикъ Тургеневъ: всѣ онѣ погибаютъ, превращаются въ призраки, въ видѣнія, въ таинственно-мерцающія иконы, въ благоуханно-нетлѣнныя муміи, въ живыя мощи“ *).

Это очень хорошо. Но дальше? Дальше сны Лукерьи и самого Тургенева одѣваются въ солдатскій нарядъ и строятся въ ряды, подъ барабанный бой — не столько сражаться, сколько маршировать во славу Христа и Антихриста.

Религіознаго отношенія къ всемірной культурѣ у Тургенева не было и быть не могло. Его сонъ о Христѣ, „о такомъ простомъ, простомъ человѣкѣ, съ лицомъ похожимъ на всѣ человѣческія лица“, вдумчивое подтвержденіе самого Тургенева, „оно и есть лицо Христа“, и сны Лукерьи не должны быть, не могутъ быть сопоставляемы

---

*) Слѣдуетъ вслушаться въ эпитеты Мережковскаго. Живого эпитета у него нѣтъ... А вѣдь „эпитетъ“ въ рѣчи—это то же, что „переживаніе“ въ философіи и религіи.

ни съ его отношеніемъ къ культурѣ, ни съ его Аннибаловой клятвой. Сонъ этотъ приснился не юному, еще измѣнчивому Тургеневу, а тому старику, который написалъ и остальныя Senilia, прекрасныя, какъ опалы, перебираемые старческою рукой: о страшномъ насѣкомомъ—здѣсь Мережковскій вспомнилъ бы чахоточнаго Ипполита и Апокалипсисъ—и о нимфахъ, тающихъ, какъ облако, передъ видѣніемъ креста, и о воробьѣ, отъ котораго становится бодро на душѣ, и о женскихъ юныхъ обликахъ, отъ которыхъ зацвѣлъ „старый камень", и о музѣ, улетѣвшей къ другимъ поэтамъ, и трагическое, простое, какъ вздохъ, и, какъ вздохъ, глубокое: „завтра, завтра!"—о томъ, что въ концѣ концовъ намъ забьютъ ротъ землею, чтобы мы не вопрошали больше. „Да отвѣтъ ли это? Полно".

И потому такъ неумѣстна оцѣнка Тургенева, сдѣланная Мережковскимъ на основаніи его сна о Христѣ и видѣній Лукерьи: „Онъ продолжаетъ дѣло Петра и Пушкина... соединяетъ Россію съ Европой. Пушкинъ далъ русскую мѣру всему европейскому; Тургеневъ даетъ всему русскому европейскую мѣру... Россію съ Европой соединяетъ вселенское начало обѣихъ культуръ, единое солнце Востока и Запада—вселенское христіанство—Христосъ въ міру, неузнанный, неназванный Женихъ человѣческой плоти, всемірной культуры, ибо *) безъ него культура—не живая плоть, а живыя мощи или мертвое тѣло, падаль. Этого-то Жениха, грядущаго въ міръ, увидѣла въ своемъ вѣщемъ снѣ влюбленная муза Тургенева".

*) Эти „ибо"—самое острое оружіе діалектики Мережковскаго, особливо въ тѣхъ мѣстахъ его писаній, гдѣ онъ пытается доказать недоказуемое. Къ нимъ слѣдуетъ внимательно присмотрѣться, чтобы проникнуть въ работу его мыслительнаго аппарата.

Когда представители субъективной или ложно-субъективной критики говорятъ о своемъ правѣ подвести подкопъ аршиномъ поглубже, имъ слѣдуетъ помнить, что задача эта, при всемъ ея благородствѣ, вовсе не безконечна, какъ то полагаетъ Мережковскій. Подкопъ за подкопомъ—глядишь, отъ писателя ничего и не осталось, и побѣдоносныя знамена субъективныхъ критиковъ лицемѣрно склоняются надъ его прахомъ, какъ только что склонялись передъ живымъ властелиномъ. Поиски за возможно большимъ числомъ глубинъ легко превращаются въ легкую охоту за красною дичью, которую критики провидятъ въ анализируемыхъ произведеніяхъ. Русская критика несправедлива по преимуществу. Она неизмѣнно вдохновлялась высокими идеями, но во имя ихъ износила едва ли не всѣ естественныя свои добродѣтели—и свободу, и индивидуальные вкусы, и даръ проницательности *). Мережковскій, потратившій такъ много усилій на борьбу съ публицистическою критикою, заразился ея педантическимъ прюдствомъ, перенеся его лишь, по свойственной ему страсти къ преувеличеніямъ, съ земли на расписныя небеса своей метафизики. Въ этомъ смыслѣ его критическія изысканія послѣдняго времени — особенно статьи о Гоголѣ, Лермонтовѣ, Некрасовѣ и Тютчевѣ, которыхъ я сознательно избѣгаю касаться—поистинѣ „неисчерпаемы и безпредѣльны“.

Если выйти въ путь съ заранѣе намѣченною цѣлью отыскать свое въ чужомъ, можно не сомнѣваться въ удачѣ. Человѣкъ лукавъ. Искать свое въ чужомъ допустимо, но не тогда, когда ищущему нужны союзники. Союзники—это значитъ: борьба, и при томъ борьба съ

---

*) Объ этомъ много вѣрнаго въ „Русскихъ критикахъ“ А. Л. Волынскаго.

внѣшнимъ врагомъ. Судьею тутъ является не истина, не Богъ и не совѣсть, а жажда побѣды да голоса приспѣшниковъ, послѣдователей и рукоплещущихъ глупцовъ. Здѣсь иногда побѣды празднуются въ минуту, когда совѣсть въ отчаяніи опускаетъ голову, и когда злѣйшее пораженіе было бы принято ею, какъ благодѣяніе. Здѣсь мысль окрыляется отравой больныхъ самолюбій, и обходное движеніе противъ истины и предательство выдаются за признаки избранничества или за воинскую доблесть. Но этотъ родъ борьбы, борьбы площадной и не безкорыстной — извѣчный врагъ познанія. Только во имя познанія дозволено критику искать „свое въ чужомъ". Тогда его влечетъ не рангъ, не имя и не число союзниковъ, а ихъ сила и проницательность въ дѣлѣ разрѣшенія заданныхъ имъ задачъ. Что̀ мнѣ въ томъ, если я у Достоевскаго или Толстого найду призракъ моей жизненной задачи и сверкну этой находкой, какъ волшебнымъ щитомъ, въ глаза противникамъ, на дѣлѣ же останусь нищъ, одинокъ и, вдобавокъ, двуличенъ, ибо я-то знаю цѣну этого сходства. Не правильнѣе ли отвергнуть всѣхъ заступниковъ и спутниковъ во имя немногихъ разногласій, чѣмъ патетически бросать подъ ноги врагамъ черепа великихъ покойниковъ? Опредѣляя свою жизненную, идейную, религіозную, общественную—или какъ бы она тамъ ни называлась—задачу, необходимо раньше всего честно и безповоротно отмежеваться отъ всего, что не-я, и особенно отъ всего, что сколько-нибудь мнѣ близко или желанно. Ненавистъ къ себѣ и къ своимъ надеждамъ, быть можетъ, плодотворнѣе самолюбивой жажды побѣдъ. Правда, руководящійся такими принципами не безъ страха увидитъ, какъ рѣдѣютъ ряды его

друзей. Но въ соблазнительно-далекомъ грохотѣ чужихъ побѣдъ и въ облакахъ пыли проходящихъ у края его горизонта торжествующихъ процессій онъ можетъ искать источниковъ бодрости, увѣренности и спокойствія, неожиданно сходящихъ какъ разъ въ тѣ минуты, когда, казалось бы, для нихъ не остается ни повода, ни мѣста. Чѣмъ союзниковъ меньше, тѣмъ ближе къ чистотѣ и твердости алмаза мое дѣло. Вотъ почему меня немало смущаетъ то обстоятельство, что одинъ и тотъ же авторъ одинаково сочувственно и почтительно комментируетъ: Марка Аврелія, Сервантеса, Монтэня, Флобера, Пушкина и Достоевскаго. Онъ ни съ кѣмъ не враждуетъ и для всѣхъ находитъ почетныя мѣста на полочкахъ грядущей гармоніи. Для настоящаго же у него—умѣлый подборъ сентиментальныхъ словъ на тему о гибели слишкомъ раннихъ вѣстниковъ чаемой имъ міровой весны.

V.

Въ „Дневникѣ писателя“ Достоевскаго—я ужъ не говорю о его художественныхъ произведеніяхъ—найдется не мало страницъ, какъ бы непосредственно направленныхъ противъ склонности современныхъ намъ нео-христіанъ и символистовъ легко „опотусторонивать“ явленія дѣйствительности. Отношенія Мережковскаго и Достоевскаго—разительный примѣръ того, какъ часто сверлящая пытливость учителя приходится не по плечу ученику. При этомъ, по одному лишь тону ученика можно опредѣлить, въ какой степени онъ предаетъ—мѣткое слово Л. Шестова—восторженно канонизируемаго учителя: чѣмъ восторженность выше, тѣмъ своевольнѣе хозяйничаетъ ученикъ въ доставшемся ему на долю наслѣдіи.

Достоевскій возведенъ Мережковскимъ въ санъ пророка: это значитъ, что Достоевскому больше всѣхъ другихъ придется послужить Мережковскому. По чести и служба. Или, быть можетъ, по службѣ и честь. А между тѣмъ, по существу, творчество великаго учителя опасно для Мережковскаго, какъ электрическій токъ высокаго напряженія. Силы, проводникомъ которыхъ являлся Достоевскій, испепелили бы его ученика, если бы онъ хоть на минуту пріобщился къ нимъ.

Ничто не было такъ враждебно Достоевскому, какъ простота и упрощенность въ дѣлахъ, требующихъ величайшей осторожности и вдумчивости. Онъ

боролся съ „простотою“ на два фронта. Въ лагерѣ позитивномъ—путемъ презрительной ироніи, хотя голосъ его часто срывался, и имъ овладѣвало бѣшенство. Въ кругу религіозныхъ идей—путемъ ихъ осложненія, путемъ наслаиванья проблемы на проблему, опасности на опасность. Главы о Великомъ Инквизиторѣ, о старцѣ Зосимѣ, почти дьявольская усмѣшка, съ которой Достоевскій связываетъ кровными узами Алешу Карамазова съ Иваномъ, Ивана со Смердяковымъ—безсмертные свидѣтели его страсти къ сложному и противорѣчивому. По степени заинтересованности своей выбираетъ онъ и оружіе, и чѣмъ опаснѣе задача, тѣмъ непроницаемѣе выраженіе его лица. Общія его наблюденія объ ограниченности человѣческихъ вкусовъ, въ какой бы области они ни проявлялись, равно приложимы и къ врагамъ его и къ послѣдователямъ. „Простота взгляда поразила меня ужасно—говоритъ онъ объ одномъ частномъ, очень незначительномъ случаѣ,—и именно тогда я задумался о простотѣ — курсивъ Достоевскаго — вообще и о нашей русской стремительности къ обобщенію, въ частности. Эта удовлетворимость наша простѣйшимъ, малымъ и ничтожнымъ—по меньшей мѣрѣ поразительна... Какая прямолинейность, какая скорая удовлетворимость мелкимъ и ничтожнымъ на слово, какая всеобщая стремительность поскорѣе успокоиться, произнести приговоръ, чтобъ ужъ не заботиться больше, и—повѣрьте, это чрезвычайно долго еще у насъ простоитъ“.

Простота, о которой здѣсь идетъ рѣчь, относится не къ самимъ идеямъ и не къ ихъ формѣ. Идеи могутъ быть какъ угодно сложны и развернуты, и все же проклятіе простоты отяготѣетъ на нихъ. Нитче говорилъ о людяхъ, опрозрачнивающихъ свою глубину. Въ

ихъ устахъ любыя мысли, несмотря на видимую кристальность содержанія и формы, будутъ вѣчно безпокоить нарушеніями привычной перспективы, подобно тому какъ въ самой прозрачной водѣ камни кажутся больше, и краски живутъ особою, по-подводному соблазнительною жизнью. Видимая же тревожность и парадоксальность другихъ мыслителей такъ явно выдаетъ простоту и дешевизну побудительныхъ мотивовъ, что острота ихъ остается тщетною. Когда Мережковскій соединилъ воедино разрозненные афоризмы, свои „Маленькія мысли“, острота частностей погасилась общею безсвязностью большихъ его задачъ и корыстною—въ широкомъ смыслѣ этого слова — прямолинейностью маленькихъ. „Одинъ только страхъ—страхъ смерти, одна только надежда—надежда безсмертія“. „Мы знаемъ, но не вѣримъ, что умремъ. И вѣдь правда: не умремъ“. „Въ наше время всякій вѣрующій имѣетъ видъ глуповатый. Вотъ почему такъ мало вѣрующихъ, но все-таки больше, чѣмъ кажется“. „Мы почти преодолѣли, т. е. поняли, Толстого; начинаемъ преодолѣвать Достоевскаго. Но о преодолѣніи Пушкина и подумать страшно, а безъ этого нѣтъ путей къ будущему“. Здѣсь повсюду вмѣсто мысли—ея тѣнь; вмѣсто аналитическаго разсѣченія тканей—жестикуляція рукой, вооруженной деревяннымъ ножомъ. Страхъ вѣчной жизни можетъ быть больше самаго жестокаго страха смерти. Надежда безсмертія, какъ противоположное страху смерти, какъ средство противъ него, есть величайшій грѣхъ для подлинно религіознаго человѣка. Неожиданное наблюденіе о глуповатомъ видѣ вѣрующаго въ наше время, и еще болѣе неожиданный выводъ: „вотъ отчего такъ мало вѣрующихъ“, указываютъ на то, что природа вѣры для Ме-

режковскаго до сихъ поръ представляется слитою съ довѣріемъ и съ наивностью, опять-таки съ тѣми качествами, которыя были такъ ненавистны Достоевскому. Мережковскій забываетъ, что вѣра есть всегда преодолѣніе, и что преодолѣніе, направленное внутрь, а не наружу, не можетъ быть вѣчно, или хотя бы длительно. Это слово—преодолѣніе—очень знакомо ему, но самъ онъ пользуется имъ лишь по отношенію къ дѣламъ другихъ людей. Онъ предпочитаетъ „преодолѣвать“ Достоевскаго, Толстого и Пушкина. Вотъ здѣсь именно и происходитъ подмѣнъ мысли ея тѣнью, реальной сложности бытія—иллюзорной простотой словъ. Достоевскій, Толстой и Пушкинъ не искали, кого имъ преодолѣвать въ проломъ: имъ было довольно собственныхъ своихъ загадокъ. Земной путь генія, какъ и простого смертнаго, замкнутъ въ единый, неповторяемый кругъ; „выборъ креста“—не въ нашей власти и выше нашей силы. Преодолѣніемъ Мережковскій называетъ новую перестановку идей съ устраненіемъ той или иной антиноміи. Если бы онъ съ осторожностью, которой мы въ правѣ отъ него требовать, подошелъ къ любому изъ великихъ мыслителей древняго или новаго времени, онъ бы понялъ, что чужими руками антиноміи разрѣшаются, какъ пустѣйшія изъ дѣтскихъ шарадъ, и что эта простота разрѣшеній, соблазнившая его уже въ дни молодости -- вѣрный показатель того, что не здѣсь слѣдуетъ искать исхода изъ „одиночества и подполья“. Всѣ искаженія, которыя Мережковскій внесъ въ творчество Толстого, Достоевскаго и Пушкина, и особенно—Лермонтова, Гоголя, Чехова и Тургенева, объясняются этою ошибкой. Чѣмъ труднѣе поддаются раціональному разрѣшенію поставленныя писателемъ проблемы, тѣмъ онъ непріятнѣе Мережковскому.

Въ этомъ, и только этомъ, свойствѣ его—секретъ от-

рицательной оцѣнки Чехова. Никогда и ни передъ кѣмъ не былъ Мережковскій такъ повиненъ въ слѣпотѣ и несправедливости, какъ передъ Чеховымъ.

Оцѣнка Чехова находится въ связи со взглядами Мережковскаго на русскую интеллигенцію. Онъ то придаетъ ей преувеличенное, порою совершенно невѣроятное значеніе, то отлучаетъ ее отъ церкви будущаго — за безвѣріе, за тупость, за смиренность и непониманіе вселенскихъ задачъ Россіи.

„Въ нашей жизни, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего мѣщанскаго“,—цитируетъ Мережковскій Герцена, и продолжаетъ: „русская общественность вся насквозь благородна, потому что вся насквозь трагична. Источникъ всякаго мѣщанства—идиллическое благополучіе. Трагедія, подлинное желѣзо гвоздей распинающихъ,—источникъ всякаго благородства, той алой крови, которая всѣхъ этой крови причащающихся дѣлаетъ родомъ царственнымъ. Жизнь русской интеллигенціи—сплошное неблагополучіе, сплошная трагедія“. Герои ея: Раскольниковъ, Базаровъ, Левинъ, Карамазовы, Достоевскій. „За ними другіе, безымянные — лица еще болѣе строгаго благородства, точно изъ мрамора изваянныя“—революціонеры, представители массъ. „И женщины, какъ чистыя весталки, какъ новыя Юдиѳи. А въ самой темной глубинѣ, среди громовъ и молній нашего Синая, 14 декабря, — уже почти нечеловѣческіе облики первыхъ пророковъ и праотцевъ *) русской свободы — изваянія уже не изъ

*) Слово „пророки“ здѣсь такъ же, какъ и по отношенію къ

мрамора, а изъ гранита,—не изъ того ли самаго, чью глыбу попираетъ Мѣдный Всадникъ"? *) Русскіе интеллигенты, хотя и атеисты, все же — не мѣщане. Ихъ атеизмъ мистиченъ. Этотъ мистическій атеизмъ можетъ быть названъ священнымъ для Мережковскаго той поры именемъ богоборчества. Если не они со Христомъ, то Христосъ съ ними. Интеллигенція, „доведенная до конца своего", придетъ къ религіи. Новиковъ, Чаадаевъ, масоны, мартинисты — всѣ связаны съ декабрьскимъ бунтомъ. „Русская интеллигенція перестанетъ быть интеллигенціей, только интеллигенціей, она сдѣлается Разумомъ, Логосомъ Россіи, какъ члена вселенскаго тѣла Христова". Но уже въ статьѣ о Лермонтовѣ Мережковскій яростно заушаетъ эти Логосъ и Разумъ Россіи. „Тишь да гладь—въ созерцательномъ аскетизмѣ Гоголя, въ православной реакціи Достоевскаго, въ буддійскомъ недѣланіи Л. Толстого". „Если кто-нибудь изъ русскихъ писателей начиналъ бунтовать, то развѣ только для того, чтобы тотчасъ же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовалъ Пушкинъ, написалъ оду Вольности и смирился, благословилъ казнь своихъ друзей - декабристовъ. Забунтовалъ Гоголь—написалъ первую часть „Мертвыхъ Душъ" **)

Достоевскому, указываетъ на то, что „праотцы русской свободы" раньше или позже попадутъ въ услуженіе синтезу.

*) Такъ подготовляется новая сторона міровоззрѣнія Мережковскаго: лики интеллигентскихъ пророковъ—изъ гранита; основаніе памятника Петру — гранитное; Петръ попираетъ гранитъ. Отсюда отношеніе Петра къ интеллигенціи и свободѣ, и интеллигенціи и свободы—къ Петру.

**) Бунтъ Гоголя въ „Мертвыхъ Душахъ" и смиреніе его такъ же, какъ благословеніе Пушкинымъ казни декабристовъ—дѣлаютъ невозможнымъ серьезное обсужденіе цитируемыхъ здѣсь статей Мережковскаго.

и смирился—сжегъ вторую, благословилъ крѣпостное право". То же и Достоевскій, и Толстой, который „началъ анархической синицей и кончилъ проклятіями русской революціи". „Не въ томъ ли ужасъ нашъ, что переживаемое нами внѣшнее отступленіе есть внутреннее отступничество" (курсивъ Мережковскаго). „Кажется иногда, что въ Россіи вовсе нѣтъ революціи, а есть только бунтъ—январьскій, декабрьскій, чугуевскій, холерный, пугачевскій, разинскій—вѣчный бунтъ вѣчныхъ рабовъ". „14-ое декабря — стоячій бунтъ". „Диктаторъ кн. Сергѣй Трубецкой... дрожалъ и плакалъ отъ страха, какъ женщина". Участники декабрьскаго возстанія—„нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ напоминаютъ не то будущихъ „бѣсовъ" Достоевскаго, не то чертей въ образѣ „поганыхъ ляховъ".

Чехова Мережковскій называетъ пророкомъ русской интеллигенціи, но уже не въ похвальномъ, а въ поносномъ смыслѣ этого слова. Не останавливаетъ его и то, что представленіе „пророка" менѣе всего вяжется съ Чеховымъ. Чеховъ никогда не позволялъ себѣ говорить о будущемъ. Онъ до конца дней своихъ не усвоилъ никакой групповой идеологіи, которая позволила бы связать его съ марксизмомъ, что, видимо, дѣлаетъ Мережковскій, вспоминая свою давнюю ненависть къ „поросятамъ эпикурова стада". Слова Чехова о конституціи и— о золотомъ вѣкѣ Мережковскій, вопреки обыкновенію, воспринимаетъ не какъ аллегорію, а какъ предсказаніе. Ему нѣтъ дѣла до того, что они нужны были Чехову-художнику, чтобы недовѣрчивой и усталой улыбкой тронуть лицо того, кто произнесъ ихъ. Мережковскій не

можетъ не понимать этого. И тѣмъ не менѣе, онъ ведетъ свою рѣчь такъ, будто никто иной, какъ Лопахинъ, является глашатаемъ чеховскихъ истинъ: „Выступаетъ безсмертный Ермолай Лопахинъ, совершитель прогресса, владѣлецъ вишневаго сада, владѣлецъ грядущаго рая, „гордый, голый человѣкъ, торжествующій босякъ, торжествующій хамъ“. „Такъ вотъ она, эта новая жизнь, этотъ новый рай земной,—рай лопахинскихъ дачъ. Музыка, играй! Пускай все, какъ я желаю. Идетъ новый помѣщикъ, владѣлецъ вишневаго сада! За все могу заплатить“.

Такъ Мережковскій открываетъ въ скромномъ Лопахинѣ глубины антихристова нечестія. Въ итогѣ, несмотря на смягчающія приговоръ слова о ножѣ и жертвѣ,—осужденіе Чехова.

„Онъ „пророкъ“, потому что благословляетъ то, что хотѣлъ проклясть, и проклинаетъ то, что хотѣлъ благословить. Онъ хотѣлъ показать, что человѣкъ безъ Бога есть Богъ; а показалъ, что—звѣрь, хуже звѣря—скотъ, хуже скота—трупъ, хуже трупа—ничто“.

Какъ это утомительно и безвкусно! Во-первыхъ, Чеховъ никогда не хотѣлъ показать, что человѣкъ безъ Бога—богъ. Во-вторыхъ, ни трупа, ни скота, ни звѣря, ни „ничто“ не найти въ его произведеніяхъ: его трупы, его звѣри и его ничтожества, какъ и слѣдуетъ тому быть, связаны неразрывными узами съ живымъ, человѣческимъ и глубокимъ; они говорятъ внятнѣе картонныхъ силуэтовъ историческаго театра маріонетокъ, нужно лишь научиться ихъ слушать. И въ-третьихъ, Чеховъ не принадлежитъ къ числу художниковъ, которые хотятъ одного, а дѣлаютъ другое: въ немъ жила великая умная трезвость; онъ зналъ свои цѣли и свои средства; у него, наконецъ, было свое подлинное, неизмѣн-

ное дѣло, а оно спасаетъ отъ случайныхъ проулковъ или случайно-достигнутыхъ горныхъ высотъ. Если высоты для него достижимы и реальны, онъ не промахнется. Если переулокъ ему необходимъ, онъ не станетъ скрываться и, раньше всего, никуда не пойдетъ „по ошибкѣ". „Шелъ въ комнату, попалъ въ другую"— обычная радость критиковъ, склонныхъ исправлять чужое творчество. Какъ Толстой, такъ и Достоевскій знали, чего имъ надо. Зналъ и Чеховъ, какъ знаютъ всѣ творцы. При чемъ же тутъ Савлъ и его проклятіе, ставшее благословеніемъ?

Тургеневъ могъ видѣть, что Европа и Россія должны быть едины, ибо ему приснился Христосъ съ „общечеловѣческимъ" лицомъ, но не видѣлъ этого, а „мы" за него угадали тайну. Толстой не зналъ, что ему нужно итти до конца путемъ дяди Ерошки, и что тогда все будетъ хорошо. Тайновидецъ духа Достоевскій не зналъ, что, чтобы загорѣлся свѣтъ, нужно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тайновидцемъ плоти *). Чеховъ не зналъ, что безнадежность опасна. Не довольно ли?

Мережковскій не обманывается насчетъ размѣровъ Чехова-художника. Нужно быть справедливымъ: первыя страницы статьи о Чеховѣ лишь смутно позволяютъ догадываться, къ какимъ выводамъ придетъ авторъ.

---

*) „Донынѣ казалось, что у Достоевскаго два лица—Великаго Инквизитора, предтечи Антихриста, и старца Зосимы —предтечи Христа. И никто не могъ рѣшить, иногда самъ Достоевскій не зналъ, какое изъ этихъ двухъ лицъ подлинное, гдѣ лицо и гдѣ личина. Мы уже знаемъ. Но, чтобы увидѣть лицо, надо снять личины. Я это и хочу сдѣлать". Я предпочитаю оставаться съ Достоевскимъ, не знавшимъ, „какое изъ двухъ лицъ подлинное".

Мережковскій оцѣниваетъ простоту Чехова. „Онъ всегда спокоенъ, или кажется спокойнымъ. Чѣмъ внутри взволнованнѣе, тѣмъ снаружи спокойнѣе; чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ тише слова... Глазъ Чехова устроенъ такъ, что онъ всегда и во всемъ видитъ невидимое обыкновенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, видитъ необычайность обыкновеннаго... Отсутствіе всякаго условнаго паѳоса и напряженія, то, что Гоголь называлъ безпорывностью русской природы—Чеховъ довелъ до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ“.

Безпорывность—тотъ коготокъ, изъ-за котораго птичкѣ придется пропасть въ тенетахъ Мережковскаго. Произносится роковое слово: бытъ, Чеховъ и бытъ. „Даже природа вовлекается въ бытъ человѣка, и становится простою, обыкновенною“. „Чеховъ — великій, можетъ-быть величайшій въ русской литературѣ бытописатель“. „У чеховскихъ героевъ нѣтъ жизни, а есть только—бытъ, безъ событій, или съ однимъ событіемъ—смертью, концомъ быта, концомъ бытія“.

З. Н. Гиппіусъ принадлежитъ честь опредѣленія того, что такое бытъ, и что такое событіе („Новый Путь“). Правда, писательница потеряла, не дойдя до конца, путеводную нить, и благодаря этому домикъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, вмѣстѣ съ его обитателями, былъ спасенъ отъ темнаго проклятія быта. Все-таки опредѣленіе, созданное ради Чехова, осталось въ силѣ. Безпорывность ведетъ къ быту; бытъ мертвъ и гнилъ внутри, хотя снаружи онъ кажется радужно-яркимъ и пестрымъ. „Скука, уныніе—вотъ главная и, въ сущности, единственная страсть всѣхъ чеховскихъ героевъ“. Есть

Богъ или нѣтъ?—этотъ карамазовскій вопросъ не занимаетъ ихъ, а вѣдь это значитъ умереть заживо. Иныхъ формъ познанія Мережковскій не допускаетъ. Итакъ, „человѣчество безъ Бога, человѣчество—противъ Бога, человѣчество—Богъ, человѣкъ—Богъ, я—Богъ“, или иначе—„трупъ, скотъ, падаль, ничто“. Таковъ, по Мережковскому, путь Чехова.

Мы уже видѣли, какъ, чтобы сдѣлать свои утвержденія болѣе убѣдительными, онъ вкладываетъ въ уста Чехова слова Лопахина о „дачномъ раѣ“, придавая не принадлежащій имъ бравурный, нагло-вызывающій оттѣнокъ. Нѣсколькими страницами раньше, онъ, при помощи фонъ-Корена, машиноподобнаго зоолога изъ „Дуэли“, навязываетъ Чехову босяцкую философію. „Брюхо въ человѣкѣ—главное дѣло. А какъ брюхо спокойно, значитъ и душа жива. Всякое дѣяніе человѣческое отъ брюха происходитъ“ *). — „Волкъ правъ“ *). Эта единственная волчья правда босячества, говоритъ Мережковскій, превратится у чеховской интеллигенціи въ матеріализмъ, реализмъ, дарвинизмъ. Но въ сущности это будетъ все тотъ же босяцкій цинизмъ,—и тутъ же ссылается на хлопоты фонъ-Корена, т. е. Чехова, улучшить человѣческую породу путемъ естественнаго подбора.

Одна изъ глубочайшихъ вещей Чехова—„Скучная исторія“. И лучшія страницы въ ней—бесѣды стараго профессора, потерявшаго отведенное ему среди живыхъ мѣсто,—съ племянницей, подобно ему не знающей, что дѣлать на землѣ. Мережковскій сравниваетъ „бѣдняжку“-племянницу съ русской интеллигенціей, приступавшей будто бы къ Чехову, какъ къ учителю и

*) М. Горькій.

пророку, съ отчаянной мольбою указать ей, что дѣлать. „Чехову хотѣлось отвѣтить ей такъ же, какъ старый профессоръ отвѣтилъ „бѣдняжечкѣ“:

— „По совѣсти, не знаю“.

„Но Чеховъ былъ слишкомъ „остороженъ“, чтобы отвѣтить такъ. Онъ могъ бы сказать о себѣ то, что говоритъ старому профессору прiятель, который уже не вѣритъ въ науку.—Я осторожнѣе, чѣмъ вы думаете, и не стану это говорить публично, спаси Богъ!—И Чеховъ отвѣчалъ бѣдняжечкѣ:—Черезъ двѣсти, триста лѣтъ будетъ рай земной!..—„Рай Лопахинскихъ дачъ“—могъ бы онъ прибавить, но не прибавлялъ, а только усмѣхался и, какъ Чебутыкинъ, тихонько про себя напѣвалъ: „Тарарабумбiя“.

Итакъ, Чеховъ въ произведенiяхъ своихъ спѣлъ тарарабумбiю, вмѣсто того, чтобы задуматься надъ первыми и послѣдними вопросами бытiя.

Непонятная злоба и ненужная клевета. Послѣ нея уже не дивишься тому, что послѣднiя предсмертныя слова Чехова: „ich sterbe“ отожествляются съ заключительными вздохами стараго Фирса среди мерзости запустѣнiя заколоченнаго дома; что нелѣпость пересылки тѣла покойнаго писателя въ вагонѣ для устрицъ, по мнѣнiю Мережковскаго, предсказана мiросозерцанiемъ Чехова уже при жизни.

Не время ли сказать, чѣмъ провинился Чеховъ, чѣмъ заслужилъ столь жестокую расправу? Отвѣтъ не труденъ: онъ ни разу вслухъ не спросилъ о томъ, есть ли Богъ и какъ найти Его?

Осуждая Чехова, Мережковскiй дѣлитъ судьбу всѣхъ моралистовъ и фанатиковъ. Бѣда лишь въ томъ, что инымъ фанатикамъ мы прощаемъ ихъ фанатизмъ, а

нымъ—нѣтъ. Мережковскій принадлежитъ къ послѣдней категоріи. Революціонеръ, стоящій ежеминутно на опасномъ сторожевомъ посту; мыслитель, подобно Толстому, до 83 лѣтъ ломавшій свою природу, призывавшій добро, какъ спасеніе, и вѣчно прорывавшійся за его предѣлы въ царство хаоса и неизвѣстности; догматикъ, связанный съ своимъ ученіемъ десятки лѣтъ, пока оно не стало держать его, точно срослись съ его остовомъ; царь, не вѣрящій въ свое величіе; священникъ, утратившій истину и все-таки служащій ей; реформаторъ, подобный Петру,—велико число тѣхъ, кому могутъ быть прощены ненависть и безсердечіе. Мережковскій не изъ ихъ числа.

Уста Чехова не произнесли слова „Богъ“. Онъ не зналъ, какъ отвѣтить на вопросъ: что дѣлать—не зналъ, по совѣсти. Онъ таилъ въ себѣ душевныя бури. Онъ не жаловался и не осуждалъ. Его великая честность, не обманутая ничьими просьбами объ отвѣтѣ, ни собственной жаждой этого отвѣта, вольно или невольно—можетъ-быть, онъ „просто“ не могъ иначе жить?—отворачивалась отъ лучиковъ, принимающихъ въ нашемъ воображеніи столь соблазнительныя формы и сулящихъ то побѣду, то вѣчное самоутвержденіе.

Нужно разъ навсегда принять, что въ послѣднихъ вопросахъ бытія Толстой нічего не могъ бы разъяснить Достоевскому, а Достоевскій — Толстому. Ни тотъ, ни другой, ни оба соединенными силами не спасутъ Мережковскаго, какъ бы онъ глубокомысленно ни комментировалъ ихъ, отъ его собственныхъ задачъ и недоумѣній, которыя лежатъ, видимо, внѣ круга его литературной дѣятельности. Точно такъ же и Чеховъ могъ ни разу не упомянуть всуе имя Господне, и знать больше,

чѣмъ знаетъ Мережковскій, сдѣлавшій изъ разработки идей о Богѣ свое ремесло.

Проявляя вкусъ къ столь широкой схемѣ, какъ схема Христа и Антихриста, Мережковскій не сумѣлъ подняться на два-три шага къ вѣчнымъ и чистымъ снѣгамъ духовной свободы. Если и есть случаи, когда фанатизмъ простителенъ, какъ неизбѣжное зло, какъ навязчивый прислужникъ нашихъ утомленій и страховъ, то все же онъ относится къ полю земной, а не иной какой-нибудь борьбы, къ вопросамъ чести, самосохраненія, но не истины. Завѣтъ: не судите, да не судимы будете—выше домогательства этого грубаго попрошайки и слуги. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа, — вотъ слова, исполненныя величайшаго очарованія, я сказалъ бы даже—тайны. Священное писаніе то и дѣло предостерегаетъ противъ соблазна устъ, произносящихъ: Господи, Господи. Мережковскій вступился за культуру передъ монашескимъ аскетизмомъ; за богоборчество передъ смиреніемъ; за Сократа и Платона, какъ за язычниковъ, осужденныхъ на вѣчную муку: Чехова же онъ пытается подвести къ угрозѣ двойной, по апокалипсису, смерти, тѣлесной и духовной. Къ счастью, вѣсы небеснаго правосудія не въ рукахъ Мережковскаго. Крайности его падутъ на его же голову, ибо не Чехова, не читателей Чехова, а его самого, Мережковскаго, уводятъ онѣ отъ единственно свободныхъ путей къ истинѣ. Вмѣстѣ съ Чеховымъ, тысячу разъ въ день весь міръ вопрошаетъ:

— Да существуетъ ли вообще это небесное правосудіе? Да можно ли вообще что-нибудь дѣлать на землѣ?—

И ждетъ, какъ и Чеховъ ждалъ, отвѣта. И въ концѣ-концовъ, опять-таки вмѣстѣ съ Чеховымъ, самъ себѣ отвѣчаетъ:

— По совѣсти, не знаю,—начиная понимать, что суть не въ возможно простомъ, легкомъ и утѣшительномъ отвѣтѣ, а въ живомъ противопоставленіи потребности отвѣта—его отсутствію. Мережковскій думаетъ, что не спѣшить отвѣтомъ на вопросъ, есть ли Богъ—кощунство. По мнѣнію другихъ, кощунствомъ нужно счесть любой отвѣтъ на этотъ вопросъ. И да и нѣтъ тутъ равно лживы. Мережковскій обѣщаетъ побѣду, высокую культуру духа и красоту за принятіе его системы. Но если Чеховъ не боится своего молчанія, предпочитая его и христіанству, и матеріализму, и буддизму—а онъ глубоко прочувствовалъ эти исходы,—то, значитъ, у него есть *основанія* такъ поступать. У Чехова есть чему поучиться. И первый изъ его уроковъ: никого ничему не учить, а итти молчаливо своею дорогой; въ молчаніи дорога виднѣе.

Мережковскій отвергъ это тихое созиданіе истины. Можетъ-быть, онъ, какъ Герценъ, обратился къ дневной, практической дѣятельности? Герценъ не спеціализировался ни на Богѣ, ни на дьяволѣ, и все-таки его писанія не плоски, а манятъ глубиной всѣхъ трехъ измѣреній... Дневная работа требуетъ мудраго самоограниченія, спокойной вѣрности землѣ и земному. Мережковскій искренно любитъ культуру, но не просто, не солнечно, не полдневною любовью: онъ не умѣетъ ограничить себя для земной работы, какъ тому училъ Гете, и широкій жестъ проповѣдника предпочитаетъ склоненной долу головѣ пахаря. Для ночи же его философія слишкомъ суетна и разсудочна. Ночь, подобно дню, ве-

деть за собою вереницу своихъ—ночныхъ—трудовъ. Прочтите: „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“, монологи Фауста первой и конца второй части, или оскорбленнаго дочерьми Лира — въ нихъ рѣчь идетъ именно о ночныхъ трудахъ. Ночь же приноситъ и награду тѣмъ, кто вѣренъ ей. Но даже въ такія минуты отдыха нужно неизмѣнно помнить: Wer etwas Unendliches will, der weiss nicht, was er will. Aber umkehren lässt sich dieser Satz nicht—послѣднее для неосторожныхъ охотниковъ за безконечнымъ.

VI.

Предисловіе къ первому тому „Толстого и Достоевскаго“ очень робко и осторожно намѣчаетъ планъ будущей работы. Со времени „Вѣчныхъ Спутниковъ“ Мережковскій много выросъ. Какъ мыслитель, онъ попрежнему неясенъ, но смѣлость его обобщеній и догадокъ становится все больше съ каждой главою его двухтомнаго труда, цѣннаго и въ качествѣ изслѣдованія о творчествѣ Толстого и Достоевскаго, и въ качествѣ психологическаго документа: способъ Мережковскаго создавать религіи надолго поселяетъ предубѣжденіе противъ большинства современныхъ попытокъ религіозной реставраціи.

Антитеза духа и плоти здѣсь впервые, кажется, связывается съ именемъ Нитче. Въ Заратустрѣ Мережковскій „угадываетъ“ того, кто всю жизнь преслѣдовалъ и мучилъ Достоевскаго,—Человѣкобога въ Богочеловѣкѣ. Россіи, и въ частности своему поколѣнію, поколѣнію, вступившему въ сознательную жизнь между восьмидесятыми и девяностыми годами, онъ уже приписываетъ необычайную миссію—произнести величайшее и неслыханное слово всему міру. Тоска по Западу и славянофильство ищутъ у него примиренія. Петровскую реформу онъ, вслѣдъ за Достоевскимъ, считаетъ пройденной до конца. Нитче и Пушкинъ, Петръ и Заратустра, имена, связанныя попарно, по манерѣ, принятой въ романахъ, все чаще пестрятъ въ текстѣ. Вздернутая уздой желѣз-

ной на высотѣ, надъ самой бездной Россія, такъ же, какъ явленіе Заратустры на Западѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что близокъ послѣдній и неизбѣжный мигъ всей великой европейской философіи, и европейской и русской исторіи. Достоевскій говорилъ, что все поднялось одновременно, всѣ міровые вопросы разомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и всѣ міровыя противорѣчія. Мережковскій пытается влить конкретное содержаніе въ смутное пророчество Достоевскаго. „Дальше некуда итти, историческій путь пройденъ: дальше обрывъ и бездна, паденіе или полетъ — путь сверхъисторическій, религія... Нитче, боровшійся во имя Человѣкобога съ Богочеловѣкомъ, побѣдилъ ли Его? Достоевскій, боровшійся во имя Богочеловѣка съ Человѣкобогомъ, побѣдилъ ли Его?“ Отъ разрѣшенія этой борьбы зависитъ все будущее какъ русской, такъ и всемірной исторіи. „На западѣ, т. е. въ Европѣ—духъ ратный, на Востокѣ, т. е. въ Россіи—духъ благодатный, или, говоря языкомъ Достоевскаго,— Человѣкобогъ и Богочеловѣкъ, Христосъ и Антихристъ— вотъ два противоположные края этой бездны. И горе наше или счастье въ томъ, что у насъ, дѣйствительно, двѣ родины—наша Русь и Европа“, и мы не можемъ отречься ни отъ одной изъ нихъ: мы должны или погибнуть, или соединить въ себѣ оба края бездны.

Конкретнѣе эти задачи и опасности показаны на примѣрѣ Толстого и Достоевскаго. Они—писатели одновременно внутренне-близкіе и противоположные. Оба они вышли изъ Пушкина. Лучъ Пушкинскаго бѣлаго свѣта они преломили и разложили на цвѣта радуги. Но, углубляясь въ нихъ, мы приходимъ обратно къ Пушкину. Все, что у Пушкина, то и у нихъ. Жизни обоихъ писателей кажутся прекрасными, но, конечно, съ совершенно проти-

воположныхъ точекъ зрѣнія. „Это—два великихъ столпа, еще одинокихъ и не соединенныхъ—въ преддверіи храма“.

Роль Пушкина въ представленіяхъ Мережковскаго должна такъ или иначе соотвѣтствовать значенію Рафаэля въ итальянской живописи. Микель - Анджело, Леонардо-да-Винчи и Рафаэль—треугольникъ геніевъ Возрожденія: имъ соотвѣтствуютъ Толстой, Достоевскій и Пушкинъ. Разница лишь въ томъ, что треугольникъ Возрожденія былъ поставленъ вершиною внизъ (Рафаэль), а русскій треугольникъ — обратно, и въ томъ, что Рафаэль „смѣшалъ“ бездны, а Пушкинъ „соединилъ“ ихъ. Микель-Анджело позналъ бездну плоти. Леонардо-да-Винчи—противоположную, но равную бездну духа. Рафаэль не только не разрѣшилъ, онъ притупилъ острыя жала обѣихъ крайностей и сдѣлалъ возможнымъ появленіе — искусства не для религіи, а какъ религіи, единственно положительной, позитивной, эпикурейской безбожной религіи наслажденія, „искусства для искусства“. Какъ Леонардо, Достоевскій заглянулъ въ бездну духа. Какъ Микель-Анджело, Толстой заглянулъ въ бездну плоти. Пушкинъ, какъ искра, символически соединилъ обѣ бездны.

При желаніи, не такъ трудно представить себѣ скульптурныя или красочныя воплощенія образовъ Толстого и Достоевскаго. Я говорю не о томъ, что ихъ творчество можно свести къ творчеству кого-нибудь изъ существующихъ ваятелей или художниковъ: я говорю о способности нашего воображенія переливать воспринятое въ формахъ опредѣленнаго искусства въ формы другого. Этотъ опытъ стоитъ продѣлать. Онъ цѣ-

ненъ самъ по себѣ, ибо, такимъ путемъ, мы разъ навсегда закрѣпляемъ свои представленія о данномъ художникѣ. Есть въ этой работѣ странная психологическая загадка, быть-можетъ, загадка повторнаго, совмѣстнаго съ художникомъ творчества: воображаемое музыкальное или скульптурное переложеніе „Войны и мира“, музыкальное переложеніе Рубенса или того же Микель-Анджело, красочное—Грига, хотя бы то была только симфонія красокъ безъ контуровъ, или линейное—Чайковскаго, запоминаются полнѣе, живѣе и охотнѣе, чѣмъ оригиналъ. Интимная память нашего существа радостнѣе запечатлѣваетъ свободную, исполненную непремѣнно въ формахъ другого искусства, переработку художественнаго явленія, чѣмъ само это явленіе. Подобное воспоминаніе всегда интимнѣе и ближе, чѣмъ то, что формальная память сохранила отъ первоначально воспринятаго.

И вотъ, возсоздавъ творенія Достоевскаго и Толстого—пусть неясно, въ видѣ измѣнчивыхъ очертаній возможныхъ статуй и картинъ, мы нетерпѣливо отвергаемъ параллели Мережковскаго. И суть тутъ не въ несоотвѣтствіи, не въ несравнимости образовъ, какъ образовъ, а именно въ томъ, на чемъ базируетъ свои разсужденія Мережковскій: въ характерныхъ чертахъ творящаго духа Леонардо и Достоевскаго, Анджело и Толстого. Я думаю, что, если Мережковскому удается подборомъ цитатъ доказать „плотяную“ односторонность Толстого и „духовную“ односторонность Достоевскаго, то лишь благодаря тому, что наше вниманіе, слѣдуя за авторомъ, отвлекается отъ сущности обоихъ писателей къ деталямъ. Такъ какъ Микель-Анджело и Винчи, къ счастью для нихъ, неразложимы на цитаты, ошибочность ихъ толкованія Мережковскимъ выявляется легче. Стоитъ только бѣгло

взглянуть на Давида, на Раба или на Ночь Микель-Анджело, чтобы безповоротно и разъ навсегда отвергнуть разсужденія Мережковскаго въ седьмой главѣ перваго тома. Письма и сонеты Микель-Анджело съ непобѣдимой ясностью докажутъ—если кому-нибудь недостаточно личныхъ впечатлѣній,—что нельзя говорить о Кумской Сивиллѣ, о Ночи и Утрѣ и о другихъ, будто они „хотятъ и не могутъ проснуться отъ бреда, съ неимовѣрнымъ и тщетнымъ усиліемъ стремятся къ мысли, къ сознанію, къ одухотворенію, къ освобожденію отъ плоти, отъ камня, отъ вещества, которымъ связаны", и будто „нѣтъ ничего менѣе христіанскаго и болѣе желающаго быть христіанскимъ", чѣмъ эти произведенія. Образцы Микель-Анджело, дѣйствительно, бредъ души, не имѣющей силъ проснуться и жаждущей освобожденія: но вопросъ въ томъ, отъ чего проснуться и отъ чего освободиться?

Отвѣтъ послужилъ бы не на пользу, а во вредъ синтезу Мережковскаго, ибо отвѣтъ этотъ исполненъ слишкомъ безпредѣльной жажды покоя, а не христіанства, и слишкомъ безудержнаго нѣтъ жизни. Отъ „мысли" образы Микель-Анджело хотятъ освободиться въ такой же мѣрѣ, какъ и отъ оковъ своей каменной плоти. Одухотворяться имъ больше незачѣмъ, ибо здѣсь пройдены всѣ ступени осуществимаго въ земныхъ предѣлахъ одухотворенія. Христіанство меньше того, что имъ нужно, и если духовная жизнь человѣчества не дала ничего выше христіанства, то ихъ неимовѣрное и тщетное—тутъ Мережковскій правъ—усиліе можетъ быть названо только безцѣльнымъ.

Сопоставленіе двухъ геніальныхъ треугольниковъ рождаетъ серьезное недоумѣніе. Если Пушкинъ —

нашъ бѣлый свѣтъ, совмѣстившій въ себѣ всѣ цвѣта радуги, если крайніе берега бездны, полюсы электричества соединились въ Пушкинѣ, то почему же все-таки его явленіе не завершило громами тотъ міровой процессъ, конецъ котораго уже послѣ Пушкина продолжаютъ подготовлять Толстой, Достоевскій и Нитче? Это недоумѣніе остается невыясненнымъ. Между тѣмъ, оно вовсе не формальнаго характера, а бьетъ въ самое сердце пророчествъ Мережковскаго: соединеніе совершилось воочію, почему же не дрогнулъ и не отозвался міръ? Мережковскій оправдываетъ разсѣянность міра, проглядѣвшаго свое спасеніе, африканской наружностью великаго поэта. Онъ недоволенъ также и выраженіемъ лицъ Достоевскаго и Толстого. „Если лицо завершающаго генія есть по преимуществу л и ц о н а р о д а, то ни во Львѣ Толстомъ, ни въ Достоевскомъ мы еще не имѣемъ такого русскаго лица. Слишкомъ они еще сложны, страстны, мятежны. Въ нихъ нѣтъ послѣдней тишины и ясности, того „благообразія“, котораго уже столько вѣковъ безсознательно ищетъ народъ въ своемъ собственномъ и византійскомъ искусствѣ, въ старинныхъ иконахъ своихъ святыхъ и подвижниковъ... Даже внѣшній образъ Пушкина, который намъ остался — этотъ петербургскій дэнди тридцатыхъ годовъ въ чайльдгарольдовомъ плащѣ со скрещенными на груди по-наполеоновски руками, съ условно байроническою задумчивостью въ глазахъ, съ курчавыми волосами и толстыми чувственными губами негра или сатира, едва ли соотвѣтствуетъ образу самаго родного, самаго русскаго изъ русскихъ людей“.

Мнѣ нравятся эти рѣчи Мережковскаго своею легкою, почти дѣтскою безпечностью. Въ нихъ скрыта возможность добраго десятка новыхъ всеобъемлющихъ схемъ,

которыхъ Мережковскій, къ сожалѣнію, не успѣлъ использовать. Въ какой степени задумчивость Пушкина была условною байроническою задумчивостью, видно изъ его писемъ къ женѣ и изъ трагическаго конца его. Народный вкусъ къ послѣдней тишинѣ и благообразію, сказавшійся въ принятіи византійской иконописи, могъ бы объяснить очень многое, если бы тишина не была здѣсь лишь формой, сковавшей исключительное напряженіе вѣчно взволнованнаго духа. Мережковскій былъ свидѣтелемъ сектантскихъ моленій у Свѣтлаго озера. Лучшія главы его романовъ посвящены хлыстовскимъ радѣніямъ. Правда, онъ пытается разрѣшить этотъ хаосъ обостренной народной религіозности въ послѣдней душевной тишинѣ старцевъ, принявшихъ новое откровеніе Іоаннова Евангелія. Но, отвлекаясь отъ соблазновъ идейной законченности, онъ не можетъ не знать, какъ безпомощенъ эпилогъ „Петра и Алексѣя". Театральные громы и аллегоріи прогрессивнаго христіанства могутъ быть явлены лишь при искусственномъ освѣщеніи на узкомъ полѣ эпилога къ историческому или пророчественному роману, но они превращаются въ механическій стукъ и размалеванное тряпье при первомъ же свѣтѣ дня. Несовершенство и незаконченность всѣхъ жизнеспособныхъ религій и ученій отпугиваетъ Мережковскаго, вмѣсто того, чтобы разъ навсегда научить тому, что дѣйствительность неисчерпаема, и что наши попытки внести въ нее порядокъ свидѣтельствуютъ скорѣе о нашей слабости, чѣмъ о силѣ. Пусть византійская живопись, украшающая православныя церкви, свидѣтельствуетъ о вкусѣ народа къ тишинѣ и благообразію. Пусть буйное лѣсное и степное сектантство разрѣшается въ формулахъ Іоаннова Евангелія. Мережковскій не можетъ все же не видѣть, что

современность начертала иные пути даже для тѣхъ, кто ради нѣсколькихъ минутъ экстаза жертвовалъ своею плотью и равновѣсіемъ протекающей въ обыденности жизни. Его треугольникъ—Пушкинъ, Толстой и Достоевскій—разбился, и чѣмъ соединить его осколки? Сейчасъ приходится говорить не о столкновеніи міровыхъ противорѣчій въ религіи, а о притупленіи ихъ. Обезбоженіе жизни сопутствуетъ демократизаціи ея. И, вмѣсто того, чтобы изобрѣтать исходы для накопленной экстатическимъ сектантствомъ силы, въ христіанствѣ ли Іоанна, или въ благообразіи византійской живописи, слѣдуетъ поставить гораздо болѣе трудный и поистинѣ страшный вопросъ: нѣтъ сомнѣній, что въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій сектантство выродится, и замретъ все то, что мы считали высокими потребностями человѣческаго духа; какіе же пути пробьютъ себѣ эти потребности въ безбожной культурѣ ближайшихъ десятилѣтій? или заглохнутъ вовсе? а если заглохнутъ, то что дѣлать намъ, послѣдышамъ безпокойнаго вѣка, не создавшимъ ничего новаго, но любившимъ въ вѣкахъ все проблематическое, опасное и двусмысленное? и значитъ ли паденіе боговъ, которымъ мы, правда, не служили, но около которыхъ жили, какъ около навѣки милыхъ могилъ, что мы ошибались, и что ошибались всѣ, разрушавшіе свою жизнь, жизнь близкихъ и, быть можетъ, отравлявшіе спокойствіе цѣлыхъ поколѣній ради сомнительныхъ, какъ теперь выясняется, мечтаній о надмірномъ?

Не найдя благообразнаго русскаго лица въ пантеонѣ литературы, Мережковскій, вмѣсто того, чтобы огорчиться, окрыляется новою радостью: „но, можетъ быть, въ томъ, что русскій народъ до сей поры не нашелъ лица своего, и заключается наша великая надежда; этого

будущаго, третьяго и послѣдняго, окончательно „благообразнаго“, окончательно русскаго и всемірнаго лица не должно ли искать именно здѣсь, между двумя величайшими русскими лицами—Л. Толстымъ и Достоевскимъ“.

Не всѣмъ по плечу покоящійся на эстетикѣ да физіогномикѣ оптимизмъ Мережковскаго. Но и самого писателя онъ скорѣе одурманиваетъ, чѣмъ ободряетъ. И во всякомъ случаѣ уводитъ отъ болѣе серьезныхъ и опасныхъ задачъ сегодняшняго дня. Не довольно ли щеголять въ одеждахъ прошлаго — все-равно будь то Возрожденіе, апокалиптическія чаянія или сантиментальное философствованіе надъ міровой исторіей? Отъ насъ требуютъ отреченій и жертвъ, суровости и недовѣрія. Великія надежды русскихъ самосожигателей—того или иного толка, отъ крайностей мистицизма до крайностей безбожія — не оправданы ходомъ исторіи и оправданы быть не могутъ. Тѣмъ болѣе безсильны малыя литературныя надежды Мережковскаго и его сочувственниковъ. Передъ лицомъ живыхъ жертвъ не оправданной въ яви вѣры незачѣмъ упорствовать на книжной мудрости безпочвеннаго эклектизма. Мережковскій въ теченіе всей своей жизни быстро передвигался по кругу: центромъ круга была современность съ ея запросами, о которыхъ онъ, къ сожалѣнію, никогда не забывалъ, а бичевой, опредѣлявшей его кругъ, была та или другая религія. Если бы онъ могъ оторваться отъ центра, съ которымъ его связываетъ вполнѣ законное честолюбивое желаніе быть во пророкахъ, или если бы сбросилъ бичеву своей религіозности во что бы то ни стало, для него открылась бы эра большихъ жертвъ, но и большихъ достиженій. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ обойтись ни

безъ освященнаго передовымъ обществомъ даннаго времени центра—въ этомъ суть его „народничества“, ни безъ связи съ великими бассейнами вдохновенія и вѣры—въ этомъ суть его религіи.

Не разъ и не два въ исторіи мысли христіанскаго человѣчества раздавались пророчества, подобныя пророчествамъ Мережковскаго. Удивленный историкъ будущихъ временъ откроетъ ихъ даже въ идеологіи нашихъ революціонныхъ партій и свяжетъ черезъ символистовъ послѣднихъ десятилѣтій и Вл. Соловьева, черезъ нѣмецкихъ романтиковъ и педантическихъ фантастовъ великой французской революціи съ первыми волненіями разлагающагося язычества. И еще болѣе будетъ удивленъ этотъ предполагаемый историкъ, открывъ и въ романтикахъ, и въ символистахъ, и въ революціонерахъ одну замѣчательную черту. Ихъ пророчества, будучи глубоко индивидуальнаго происхожденія, неизмѣнно направляютъ свои стрѣлы противъ всего міра и всей исторіи. Паѳосъ борьбы переносится изнутри—наружу, видоизмѣняется, грубѣетъ и, наконецъ, становится наивной и безнадежной работой надъ преобразованіемъ космоса творческими силами одинокаго, обреченнаго на погибель смертнаго. Космосъ въ отвѣтъ на всѣ вызовы молчитъ. Человѣческая же исторія отвѣчаетъ на нихъ періодами упадка и тупости, во время которыхъ на арену выходятъ новые ряды болѣе покорныхъ и ограниченныхъ работниковъ. Ихъ приходъ необходимъ, ибо романтическія поколѣнія *вымираютъ раньше другихъ* и *менѣе другихъ приспособлены къ культурной работѣ*. Они больше разрушаютъ, чѣмъ

строятъ. Да и разрушаютъ не сознательно, не во имя высшаго какого-нибудь строительства, а случайно—только благодаря тому, что вниманіе ихъ отвлечено къ идеямъ и дѣламъ, которыя считаются вѣчными.

Наиболѣе близкое намъ поколѣніе людей, надѣявшихся и вѣровавшихъ въ преобразованіе міра, поколѣніе нѣмецкихъ романтиковъ, пророчествовало почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ пророчествуютъ наши современники. Ihr staunt über das Zeitalter, über die gärende Riesenkraft und wisst nicht, welche neue Geburt ihr erwarten sollt? Auferstehung der Religion,—такъ писалъ Фридрихъ Шлегель. Иные параграфы дневниковъ и фрагментовъ Новалиса кажутся точнымъ переводомъ пророчествъ Мережковскаго; Новалисъ лишь музыкальнѣе и тоньше. Разсудочный синтезъ Мережковскаго у него замѣненъ проникновеніемъ въ единую, по его мнѣнію, сущность вещей—любви и смерти, пищи и воздуха. „Noch ist alles nur Andeutung, aber sie verrät eine neue Geschichte, eine neue Menschheit, die süsseste Umarmung einer jungen überraschten Kirche und eines liebenden Gottes und die innige Empfängnis eines neuen Messiäs in ihrer tausend Gliedern zugleich. Das Neugeborene wird das Abbild seines Vaters, eine neue, goldene Zeit mit dunklen unendlichen Augen, eine prophetische wundertätige und wundenheilende, tröstende und ewiges Leben entzündende Zeit sein, eine grosse Versönungszeit, ein Heiland, der wie ein echter Genius unter den Menschen einheimisch nur geglaubt nicht gesehen werden kann, doch unter zahllosen Gestalten den Gläubigen sichtbar, als Brot und Wein verzehrt, als Geliebte umarmt, als Luft geatmet, als Wort und Gesang vernommen, und mit himmlischer Wollust als Tod, unter den höchsten Schmer-

zen der Liebe, in das Innere des verbrausenden Leibes aufgenommen wird“.

Мы знаемъ, чѣмъ отвѣтила Германія на эти мечты.

Философія Мережковскаго построена на произвольномъ и нигдѣ у него не обоснованномъ допущеніи, что міръ, который принято называть реальнымъ, есть символъ, есть часть иного, болѣе значительнаго организма. Этотъ догматъ не выдвигается на первый планъ. Онъ утверждается, какъ и многое другое, лишь на цитатахъ изъ Достоевскаго и Гете. Во главу угла положены разсужденія Гете о смертности и безсмертіи. „Я жалѣю тѣхъ — говоритъ онъ — кто придаетъ большое значеніе смертности всего существующаго и теряется въ созерцаніи ничтожества всего земного: да мы вѣдь и живемъ именно для того, чтобы преходящее дѣлать непреходящимъ, что можетъ быть достигнуто лишь тогда, если мы сумѣемъ оцѣнить и то, и другое, т. е. и смертное, и безсмертное“. Съ этими словами Гете Мережковскій справедливо сопоставляетъ окончаніе „Фауста“:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichniss.

Онъ дѣлаетъ отсюда выводъ, будто Гете училъ соединять смыслъ невѣчнаго съ вѣчнымъ; не унижая преходящаго, смертнаго, созерцать въ немъ и сквозь него безсмертное, непреходящее. Строго говоря, смыслъ словъ Гете преувеличенъ и измѣненъ уже здѣсь, но Мережковскій идетъ дальше: понявъ и полюбивъ земное до конца, до его предѣловъ, не презирая, не ужасаясь ничтожеству земного, мы должны помнить, что нѣтъ у насъ

иныхъ путей восхожденія, иныхъ ступеней къ Богу, кромѣ „подобій“, „явленій“, „символовъ“—не безплотныхъ и не безкровныхъ, а облеченныхъ въ самую живую плоть и кровь... „Это слово Гете о святости всего земного, преходящаго, о нетлѣніи тлѣннаго—лучшій отвѣтъ на отчаяніе и ужасъ, на тѣ слова Сакья-Муни и Екклезіаста о тлѣнности всего сущаго, о нирванѣ, о суетѣ суетъ, которыя Л. Толстой приводитъ въ „Исповѣди“, какъ самое глубокое выраженіе своего собственнаго отчаянія“.

Придавать большое значеніе смертности всего существующаго, преходящее дѣлать непреходящимъ, — и утверждать нетлѣнность тлѣннаго и святость всего земного — далеко не одно и то же; я бы назвалъ эти два дѣла явленіями совершенно различнаго порядка. Научиться не придавать большого значенія тлѣнности міра можно будучи атеистомъ или пантеистомъ, отвергая всякое вообще или только индивидуальное безсмертіе. Шопенгауэръ и Екклезіастъ, Будда и Толстой очень часто считали долгомъ зрячей и мужественной души именно борьбу съ малодушіемъ и растерянностью, независимо отъ того, вызваны они фантомомъ ужаса или подлиннымъ знаніемъ. Главное, не слишкомъ, не до безумія теряться, а тамъ — посмотримъ. Гете это настроеніе было свойственно въ высшей степени.

Второй совѣтъ Гете: дѣлать преходящее непреходящимъ. И его мы должны лишить того потусторонняго освѣщенія, которое ему придалъ Мережковскій. Гете не однажды выражалъ въ подобныхъ же словахъ свое отношеніе къ загадкѣ творчества, именно къ тому его моменту, когда мимолетное явленіе внѣшней или внутренней жизни извлекается изъ хаоса и подвергается кристаллизаціи. Переходъ отъ созерцанія того, что внѣ меня

происходитъ, къ усвоенію избраннаго мною событія; возвращеніе его міру въ совершенной и самодовлѣющей формѣ—вотъ тотъ глубокій процессъ, которому сопутствуетъ чувство в ѣ ч н а г о и радость превращенія тлѣннаго въ нетлѣнное. Чувство вѣчнаго связано не съ результатомъ творчества, а съ самой работой, которую можно бы назвать работой преображенія, если бы этому слову не былъ приданъ особый, преувеличенный смыслъ. Какъ Гете смотрѣлъ на результаты этой обработки тлѣннаго, извѣстно: „Es dünkt einem sonderbar, wenn man die alt abgelegten Schlangenhäute auf dem weissen Papier aufgezogen findet“. Подобныя переживанія сильно занимали Гете, такъ же, какъ и желаніе быть мужественнымъ передъ лицомъ хаоса. Эти двѣ силы не разъ спасали великаго поэта отъ подчиненія горю и слабости. Но потусторонняго въ нихъ нѣтъ ничего. Гете былъ слишкомъ остороженъ въ своихъ выраженіяхъ—остороженъ, ибо хотѣлъ всегда оставаться вѣрнымъ и равнымъ себѣ,—чтобы такъ легкомысленно назвать дорогу къ раю открытой.

Но пусть такъ. Пусть для Гете міръ—символъ. Пусть даже не Мережковскій, а Гете самъ погрѣшилъ противъ своего символическаго мiроощущенія: ибо символизмъ тлѣннаго вовсе не доказываетъ его нетлѣнности, общность смысла небеснаго и земного вовсе не убѣждаетъ насъ въ совершенствѣ, хотя бы потенціальномъ, земного. Но какое же до всего этого дѣло Екклезіасту, Сакья-Муни и Толстому? Гете умѣлъ привести въ равновѣсіе свойственное ему сознаніе тлѣнности земного, радость творчества и нежеланіе отдаваться ничтожности своего „я“. Екклезіастъ и Толстой нетерпѣливѣе и требовательнѣе. Ихъ творческія силы знаютъ большій ущербъ; страсти

гнали ихъ къ болѣе жестокимъ крайностямъ—этими свойствами равно обладали и Толстой, и Сакья-Муни, и Екклезіастъ,—къ крайностямъ, столь чуждымъ слегка охлажденному, вѣрнѣе, всегда готовому къ охлажденію, Гете. Опытъ противъ опыта, требованіе противъ требованія. Область этихъ требованій не принадлежитъ къ числу тѣхъ областей, гдѣ руководятся честнымъ словомъ перваго встрѣчнаго. Дѣла величайшихъ міра подлежатъ здѣсь провѣркѣ ничтожнѣйшихъ. Какъ идея вѣчнаго возвращенія, такъ и идея символичности міра съ дѣтства знакомы, вѣроятно, каждому. Въ Индіи онѣ являются догматомъ исповѣданія цѣлыхъ народовъ. Не знаю, какъ индусы мирятся со своимъ символомъ вѣры. На нашей, европейской, почвѣ упомянутымъ двумъ членамъ его приходится худо. Лишь въ рѣдкія минуты жизни мы готовы мириться съ сомнѣніемъ въ окончательномъ значеніи того, что намъ представляется реальнымъ. Подлинная радость и подлинное горе, первая со смѣхомъ, второе съ ненавистью, оттолкнутъ самые соблазнительные символы, предпочитая ихъ обѣтамъ—ограниченность весенняго сада или угрюмость долины плача. Крайніе же экстазы счастья—старшіе братья еще не родившейся безнадежности. Они обезцвѣчиваютъ дѣйствительность больше, чѣмъ горе; послѣ нихъ ничто не мило; ихъ слѣдуетъ избѣгать, хотя, умѣривъ ихъ, и можно, пожалуй, въ нихъ найти залогъ радостнаго утвержденія символичности бытія. Обычно же жизнь въ символахъ—для сумерокъ и для разсвѣта, послѣ безсонной ночи, для тѣхъ часовъ разсвѣта, когда границы міра ночного и міра дневного смѣшаны. Предложите символизмъ поочередно всѣмъ героямъ шекспировскихъ комедій и трагедій—или лучше берегитесь предлагать: Макбетъ жестокъ;

Лиру нечего терять, онъ пересталъ стѣсняться съ тѣми, кто томитъ его глупостями; Коріоланъ грубъ; Цезарь—сухой матеріалистъ; Антоній—сластолюбецъ, и въ немъ вы не найдете сочувствія; жесточе всѣхъ будутъ насмѣшки влюбленныхъ; изъ нихъ символизмъ можетъ пригодиться только шаловливому Пуку, чтобы соблазнить Титанію любовникомъ съ ослиными ушами.

Мережковскій очень тщательно собираетъ всѣ признанія героевъ Достоевскаго о касаніяхъ мірамъ инымъ, какъ подтверждающія его собственныя идеи не окончательной реальности бытія. Какъ извѣстно, по Достоевскому, непремѣннымъ условіемъ нарушенія законовъ нашей земной изолированности является та или иная болѣзнь. Соотвѣтствующая теорія Достоевскаго воспроизводилась его комментаторами уже не однажды, и я не стану ее повторять. Если „тайновидецъ духа" прибѣгаетъ къ посредству падучей, лихорадки или невроза въ поискахъ за раемъ, то всѣмъ намъ, въ томъ числѣ и Мережковскому, слѣдуетъ обратить серьезнѣйшее вниманіе на его осторожность. Очевидно, касанія мірамъ инымъ нуждаются въ извѣстныхъ, трудно осуществимыхъ условіяхъ, и даже, когда всѣ эти условія соблюдены, не выходятъ за грани сомнительнаго и бредового. Одно изъ этихъ условій—нарушеніе земного, физическаго благополучія. Другое—с о м н ѣ н і е, ибо ни одинъ изъ галлюцинатовъ Достоевскаго не увѣренъ въ законности и, такъ сказать, правильности своихъ видѣній: всѣ они по натурѣ скептики. Отсюда я дѣлаю выводъ, и Мережковскій не въ правѣ отвергнуть его, что видѣнія избѣгаютъ символистовъ, являясь лишь тѣмъ, кто въ нихъ не вѣритъ, и одного этого

преимущества, на мой взглядъ, достаточно, чтобы утвердиться въ привычкахъ скептицизма. Какъ бы тамъ ни было, Мережковскій считается до извѣстной степени съ взглядами Достоевскаго на ненормальность вторженій потусторонняго міра въ наши предѣлы и на болѣзнь, какъ на факторъ высшаго познанія. Когда же подобныя мысли высказываетъ Толстой, примѣнительно къ своей области изслѣдованія и къ своимъ интересамъ, Мережковскій самымъ рѣзкимъ образомъ опровергаетъ его.

Предсмертная радость Брехунова, его слезы и умиленіе—не отъ страха, а несмотря на страхъ; воспоминанія князя Андрея о дѣтствѣ предъ операціей, блаженство послѣ перевязки, любовныя слезы надъ людьми и надъ собою; нѣжность Ивана Ильича; улыбка рожающей Китти; Анна въ болѣзни—всѣ эти критическіе моменты въ жизни героевъ Толстого, такъ кстати подобранные Мережковскимъ, истолковываются имъ совсѣмъ по-иному, чѣмъ указанія Достоевскаго: „Есть ли это послѣднее освобожденіе, побѣда духа надъ плотью? Едва ли это такъ. Вѣдь нѣчто новое, рѣшающее здѣсь произошло сначала въ тѣлѣ... Тѣло уходитъ изъ жизни въ не-жизнь, опускается въ черную дыру, и душа влечется за тѣломъ; тѣло тянетъ душу. Воскресеніе духа есть только умираніе тѣла, не начало чего-то новаго, сверхживотнаго, а только конецъ стараго, животнаго, — отрицаніе плоти — одно отрицаніе, безъ утвержденія того, что за плотью“.

Какъ это ни странно—основываясь на переживаніяхъ Достоевскаго, Гоголя и Нитче, и борясь съ Толстымъ, Мережковскій первыхъ искажаетъ больше чѣмъ второго. Всѣ его возраженія держатся на словцахъ вѣдь и только, самый же ихъ смыслъ есть не что иное, какъ

неубѣдительная, смутная надстройка надъ убѣдительнѣйшей въ устахъ Толстого психологіей умирающаго человѣка. Достоевскому же онъ приписываетъ идеи, едва ли не діаметрально-противоположныя тѣмъ, которыя въ дѣйствительности волновали великаго писателя.

„На нѣсколько мгновеній—такъ описывалъ Достоевскій свои припадки—я испытываю такое счастье, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи, и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько часовъ такого блаженства можно отдать десять лѣтъ жизни, пожалуй, всю жизнь“. Но послѣ припадка „душевное состояніе его было очень тяжело; онъ едва справлялся со своею тоскою и впечатлительностью. Характеръ этой тоски, по его словамъ, состоялъ въ томъ, что онъ чувствовалъ себя какимъ-то преступникомъ. Ему казалось, что надъ нимъ тяготѣетъ невѣдомая вина, великое злодѣйство“. „Великая святость, великое злодѣйство—объясняетъ Мережковскій, забывая о томъ, что о святости Достоевскій не могъ говорить въ силу общаго только-что ярко проявленнаго міроощущенія такихъ мгновеній—потусторонняя радость, потусторонняя скорбь—и оба чувства вдругъ соединяются, разрѣшаются въ мгновенной, ослѣпляющей молніи“. Но вѣдь въ словахъ самого Достоевскаго именно обратное—не соединеніе, а раздѣленіе, прорывъ въ гармонію и кара за этотъ прорывъ въ чувствѣ неизбывной вины и преступности.

Не менѣе характерна „болѣзнь“ Ницше. Онъ говоритъ о медленномъ сгораніи, будто на сырыхъ дровахъ; о томъ, что есть испытанія, отъ которыхъ человѣкъ

крѣпнетъ — если они не убьютъ его; о томъ, что на медленномъ огнѣ сгораетъ все мягкое, довѣрчивое, человѣческое, т. е. то, безъ чего невозможна религія, какъ невозможно благоговѣніе. Высшее здоровье Нитче, которымъ онъ былъ обязанъ своей длинной медлительной боли, было враждебно не только человѣческому, но и человѣчному въ немъ. Заключенія Мережковскаго приставлены къ этимъ признаніямъ слишкомъ небрежной рукой, и слова, которыми онъ пользуется, слишкомъ отдаютъ трафаретомъ. Я думаю, что Мережковскій долженъ почувствовать здѣсь не только тщету, но и высшую безнравственность своей литературной задачи. „Нитче—пишетъ онъ—подобно Идіоту и Кириллову находитъ въ боли родовъ, въ болѣзни своей — минуты „вѣчной гармоніи“, источникъ „высшаго бытія“; въ смерти человѣческаго находитъ первыя молніи сверхчеловѣческаго“.

Послѣ этого я не удивляюсь, что сестра покойнаго философа, г-жа Ферстеръ-Нитче, упорно компрометирующая произведенія своего брата примирительными предисловіями, назвала Мережковскаго однимъ изъ немногихъ продолжателей его дѣла.

Картины человѣческой слабости передъ лицомъ рока у Толстого, картины страданія, заслуженнаго или незаслуженнаго, у Достоевскаго, жизнь и философія Нитче неизмѣнно наталкиваютъ на одну простую и, вѣроятно, особенно близкую Толстому мысль: изъ царства условностей мы выходимъ лишь тогда, когда начинаютъ таять наши физическія силы; чѣмъ таяніе быстрѣе, тѣмъ легче ноша, и ближе свобода; такъ какъ

я самъ о своей свободѣ позаботиться не сумѣю, то позаботится судьба. Иванъ Ильичъ и князь Андрей испытали на себѣ вліянія этого таянія силъ. Каратаевъ же сумѣлъ, вопреки обыкновенію, позаботиться о себѣ, и легко, какъ капля въ сновидѣніяхъ Пьера, растворился въ цѣломъ. Пьеръ пытался это сдѣлать и не сдѣлалъ; Левинъ еще того меньше. Пока живы силы, всѣ устремленія къ добру связаны съ эгоизмомъ, съ тщеславіемъ, съ сознаніемъ своихъ выгодъ или съ другими страстями. Поэтому лучше всего жить такъ, какъ живутъ крестьяне: мало говорить и думать о не-земномъ, а на дѣлѣ увѣренно и спокойно укрощать плоть, чтобы не мѣшала жить побожески и чтобы не быть ею связаннымъ. До того времени, пока рокъ не усадитъ насъ въ свою телѣгу и не покатитъ въ неизвѣстность, какъ животныхъ на бойню, сознаніе наше лукаво служитъ страстямъ, какими бы хорошими намѣреніями мы ни прикрывались. Когда же начнется таяніе физическихъ и душевныхъ силъ — сознаніе впервые честно примется за работу, и за работу чисто отрицательную: за освобожденіе отъ условнаго. Можетъ быть, въ этомъ недовѣріи Толстого къ здоровому сознанію кроется и причина его отвращенія къ обыденнымъ и еще больше къ возвышеннымъ человѣческимъ рѣчамъ. Тутъ же коренится и причина пренебреженія Мережковскаго къ мысли и уму Толстого. „Онъ недостаточно уменъ для своего генія, или слишкомъ геніаленъ для своего ума“,—разражается Мережковскій малопонятнымъ афоризмомъ, подготовляя дальнѣйшіе выводы. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ сознаніе Толстого острымъ, но не всеобъемлющимъ, не всепроникающимъ. „Оно свѣтитъ, но не изнутри, какъ солнце, а извнѣ, какъ маякъ, свѣтитъ на темную по-

верхность моря". И то и другое одинаково неясно, но зато цѣль не оставляетъ сомнѣній: нужно показать, что въ Толстомъ живутъ два противоположныхъ существа, какъ бы два человѣка: маленькій мыслитель, лже-христіанинъ, старецъ Акимъ, и великій язычникъ, дядя Ерошка. Это же утвержденіе должно привести къ слѣдующему: если бы Толстой до конца оставался дядей Ерошкой, онъ, правда, не былъ бы сыномъ исторической христіанской церкви, но воскресъ бы въ церкви грядущей, въ той, глашатаемъ которой пытается быть Мережковскій въ послѣднихъ томахъ своихъ произведеній. Но такъ какъ Толстой язычеству измѣнилъ, а новаго христіанства не понялъ, то долженъ погибнуть и въ этой и въ той жизни. Въ предисловіи ко второму тому „Толстого и Достоевскаго" Мережковскій еще сравнительно милостивъ къ нему. „У него было здѣсь, на землѣ, великое алканіе Бога; просто не вѣрится, чтобы это ему и тамъ не зачлось",—говоритъ Мережковскій тономъ, какимъ принято выражать соболѣзнованіе обойденнымъ чинами и орденами неудачникамъ. Но въ концѣ своего труда онъ валитъ Толстого въ яму, какъ падаль, точь-въ-точь, какъ впослѣдствіи, примѣняя именно это сравненіе, свалитъ Чехова. „Разъ вступивъ на эту большую дорогу религіознаго опошленія, Л. Толстой неминуемо долженъ былъ дойти до почти сознательнаго безбожія. Нитче отомстилъ себѣ ужаснымъ *); Л. Толстой смѣшнымъ; Нитче—религіознымъ самоотрицаніемъ, безуміемъ; Л. Толстой—пошлостью, религіозной серединой, неудачными усиліями мертваго старца Акима воскреснуть—смѣшнымъ, которое въ такомъ человѣкѣ можетъ

*) Такъ интерпретируется теперь священная болѣзнь!

быть страшнѣе страшнаго. Слѣпые ведутъ ясновидящихъ, и одни падаютъ, какъ Нитче, въ бездну, другіе, какъ Л. Толстой—хуже, чѣмъ въ бездну—въ яму при большой дорогѣ, по которой ходятъ всѣ: все опошляющій въ религіи здоровый смыслъ Л. Толстого стоитъ безумія Нитче“.

Здѣсь умѣстно спросить—чѣмъ же отомститъ себѣ Мережковскій, ибо вѣдь и онъ не воплотилъ же своей религіи Св. Духа въ послѣдней ея полнотѣ? Какъ жестокую месть, уготованную имъ самому себѣ, я чувствую только-что приведенныя слова его, въ которыхъ онъ творитъ столь неправедный судъ надъ Толстымъ и Нитче. Вѣдь лучшее, что могъ бы сдѣлать этотъ писатель для себя и для вѣчности, было бы такъ или иначе стереть то, что онъ произносилъ столь недавно съ такимъ нездоровымъ возбужденіемъ. Къ сожалѣнію, это неосуществимо.

„Языческая“ сторона творчества Л. Толстого находитъ въ Мережковскомъ внимательнаго и тонкаго истолкователя. Первый томъ „Толстого и Достоевскаго“—лучшее, что онъ написалъ до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Ему удается воскресить и показать намъ въ быстрой смѣнѣ тѣ „лики“ Толстого, которые, какъ капли во снѣ Пьера, боролись между собою, „стремясь расшириться, захватить наибольшее пространство, чтобы въ наибольшемъ размѣрѣ отразить Его“ („Война и миръ“). Необходимо незаурядное мастерство, чтобы развернуть не сливая Толстого-Оленина, Толстого, восхищающагося чадолюбіемъ жены и устрояющаго домъ, Толстого, испуганнаго смертью брата, и того, который написалъ Фету эти удивительныя строки: „Чудесная жара, купанье, ягоды

привели меня въ любимое мною состояніе умственной праздности. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Давно я такъ не радовался на міръ Божій, какъ нынѣшній годъ. Стою, разиня ротъ, любуюсь и боюсь двинуться, чтобы не пропустить чего"...

Но съ эпохи „Исповѣди" интересъ къ изложенію Мережковскаго падаетъ. Подходя къ Достоевскому, онъ, со свойственной ему неблагодарностью, перестаетъ слушать Толстого. Ему нужно выявить старца Акима, т. е. корни того религіознаго нигилизма, которымъ будто бы опредѣляется исчерпывающе вся вторая половина жизни и дѣятельности Л. Толстого *)—и только. Проповѣдникъ въ Мережковскомъ окончательно усыпляетъ критика, а духъ живой религіозности уже давно отлетѣлъ отъ него.

---

*) „Не знаменательно ли совпаденіе въ отзывѣ о Левинѣ и Л. Толстомъ двухъ столь своеобразныхъ, чуждыхъ другъ другу и даже противоположныхъ умовъ, какъ „западникъ" Тургеневъ и „славянофилъ" Достоевскій? „Никогда никого не любилъ, кромѣ себя самого", — „эгоистъ до мозга костей" — „московскій баринъ средне-высшаго круга"—„праздно-хаотическая душа"—„праздношатайство".—Затѣмъ у Мережковскаго начинается любопытная и характерная игра словами, похожая на мелкую рябь на поверхности воды: „кажется, Тургеневъ и Достоевскій справедливы, но не до конца справедливы... Кажется, теперь для насъ, болѣе далекихъ и болѣе спокойныхъ, возможно и большее проникновеніе въ эту все-таки единственно великую человѣческую душу, потому что для насъ возножно большее милосердіе. А вѣдь послѣднее милосердіе есть въ то же время и послѣдняя справедливость". (Курсивъ мой). „Т. и Д.", т. II.

VII.

„Жизнь и творчество Достоевскаго" свободнѣе и острѣе главъ, посвященныхъ Толстому. Языческому богатству душевной жизни Толстого, его чувству мѣры въ дѣлахъ *), его здоровому самоохраненію, его инстинктамъ охотника, хозяина, отца—противопоставлена способность Достоевскаго выходить за предѣлы дозволеннаго, его самосожиганіе, его подлинныя, а не выдуманныя страданія, неудачливость въ земномъ и безпредѣльная смѣлость и самозабвеніе въ духовной жизни.

Спорить не приходится: натуры обоихъ писателей, условія ихъ жизни, цѣли и поводы творчества, внутренніе пути ихъ духа во всемъ различны. Но различія—не противоположность. И, въ противовѣсъ догмату Мережковскаго о Христѣ и Антихристѣ, можно съ гораздо большимъ правомъ выдвинуть утвержденіе, что на землѣ нѣтъ ни двухъ созвучныхъ душъ, ни двухъ симметрическихъ путей. Когда-то самъ Мережковскій превосходно изложилъ эту мысль: „подобно тому, какъ изъ цѣпи причинъ и слѣдствій нельзя вынуть ни одного звена, не разрушая всей цѣпи, такъ изъ міровою по-

*) Сравнить указаніе на „чувство мѣры" съ предыдущимъ примѣчаніемъ. Именно чувства мѣры постоянно недоставало Толстому,—о чемъ свидѣтельствуютъ не только записи о дняхъ его молодости, но и воспоминанія близкихъ о послѣднихъ годахъ его жизни. См. біографію Бирюкова и дневники г.г. Гусева и Булгакова.

рядка нельзя вынуть ни одной человѣческой жизни, будь то жизнь Інсуса Назорея или послѣдняго изъ паріевъ, не уничтожая всей реальности бытія". На мой взглядъ, эта мысль исполнена большаго довѣрія къ Богу и большей религіозности, чѣмъ всѣ остальныя писанія Мережковскаго. Къ сожалѣнію, онъ не вспомнилъ о ней, когда сравнивалъ Толстого и Достоевскаго. Понадобился выводъ—и ему подчинились довѣріе, вниманіе и даже столь законный въ художникѣ вкусъ къ великому разнообразію явленій.—„Для Толстого тайна смерти—за жизнью; для Достоевскаго сама жизнь такая же тайна, какъ смерть. Для Толстого существуетъ только вѣчная противоположность жизни и смерти; для Достоевскаго—только ихъ вѣчное единство. Толстой смотритъ на смерть изнутри жизни посюстороннимъ взглядомъ; Достоевскій взглядомъ потустороннимъ смотритъ на жизнь изнутри того, что живущимъ кажется смертью". Противоположеніе Толстого Достоевскому подготовляетъ, какъ мы видѣли выше, болѣе грандіозную антитезу: христіанства и язычества. Язычество — это утвержденіе плоти и утвержденіе правъ своего я. И тому и другому завѣтъ Толстой измѣнилъ. Отсюда его „карикатурное" изображеніе Наполеона. Отравленный видѣніями „старца Акима", Толстой не понималъ, что можно быть святымъ, любя себя не для себя, а для Бога. Толстой отрицательно поставилъ передъ церковью вопросъ, который Нитче формулировалъ положительно: о святой плоти и крови, о сверхчеловѣкѣ. Достоевскій, одухотворившій плоть, отступилъ отъ идеала будущаго христіанства въ другомъ отношеніи: онъ боялся и не умѣлъ признать права сверхчеловѣка. Мережковскій воскрешаетъ, какъ ступени восхожденія міра къ Логосу, этапы

своего странствованія по эпохамъ. Монархъ у Макіавелли, властелинъ, Раскольниковъ у Достоевскаго, сверхчеловѣкъ у Нитче—„ступени особаго, обращеннаго не къ прошлому, а къ будущему, разрушительно-творческаго, необузданно-мятежнаго аристократизма, болѣе мятежнаго, чѣмъ какая бы ни была демократія—аристократизма, который въ политикѣ и нравственности свойственъ, повидимому, всѣмъ донынѣ совершавшимся Возрожденіямъ".

Близкое намъ реальное воплощеніе сверхчеловѣка—Наполеонъ. За изображеніе Наполеона Мережковскій отчитываетъ Толстого, какъ менторъ — непонятливаго ученика. Толстому онъ противопоставляетъ Пушкина, Байрона, Лермонтова и Нитче, которымъ Наполеонъ казался не „маленькимъ", а великимъ „свершителемъ безвѣстнаго велѣнія"; „не маленькимъ, а тоже великимъ, даже самымъ великимъ злодѣемъ — „Антихристомъ", казался онъ людямъ противоположнаго теченія, центростремительнаго, нисходящаго къ Богу, того теченія, въ которомъ находится Платонъ Каратаевъ—простымъ русскимъ людямъ".

Здѣсь Мережковскій, вопреки обыкновенію, до строгости послѣдователенъ и выдержанъ. Онъ, не смущаясь, приводитъ самыя отвратительныя изреченія Наполеона и восторгается ими. Наполеонъ мечталъ о созданіи религіи, воображая себя ѣдущимъ на слонѣ, въ тюрбанѣ и съ алкораномъ въ рукахъ; пенялъ на парижскихъ торговокъ, которыя освищутъ его, ежели онъ объявитъ себя Сыномъ Божьимъ; говорилъ о возстановленіи западной римской имперіи и о соединеніи въ однихъ

рукахъ власти цезаря и папы. Все это Мережковскій принимаетъ съ радостью и поклоненіемъ. „Я имѣю право на всѣ ваши жалобы отвѣчать вѣчнымъ *Я*“.—„Я не такой человѣкъ, какъ всѣ, и законы нравственности или общественныхъ условій не могутъ для меня имѣть значеніе“.—„Такой человѣкъ, какъ я, имѣетъ право на жизнь милліона людей“.—Таковы проявленія этого генія грядущей въ міръ религіи! Мережковскій утверждаетъ, что слова эти, возмутительныя, какъ послѣдняя степень человѣческой подлости, въ устахъ другого, въ его устахъ страшны, ибо онъ долженъ именно такъ говорить, и говорить это не за себя, а какъ посланникъ, „свершитель роковой безвѣстнаго велѣнія“. Въ словахъ и поступкахъ, подобныхъ выше приведеннымъ,—его добро, его совѣсть, его святость, его категорическій императивъ и, наконецъ, его послѣдняя покорность.

Если Мережковскій хочетъ повторить, лишь въ болѣе парадоксальной формѣ, свою превосходную мысль о томъ, что ни одно человѣческое существо, отъ Христа до паріи, ни одна мысль, ни одно движеніе души отъ сотворенія міра до конца его не можетъ быть вынуто изъ ряда звеньевъ единой цѣпи, мы ему не станемъ возражать. Эта, какъ небо, всеобъемлющая, предѣльная для нашего разума и нашей воли покорность стоитъ внѣ всякихъ да и нѣтъ. Счастливъ тотъ, кому суждено подняться такъ высоко, или выкристаллизоваться такъ безнадежно. „Все—благо“. Созерцаніе и покой, едва ли возможные на землѣ, буддійская жизнь внѣ жизни—вотъ плоды этого міровоспріятія. Конечно, нельзя приписать его Мережковскому, даже ночью не выпускающему изъ рукъ вѣсы и мечъ правосудія. Итакъ, не ради оправданія всего сущаго, а ради возвели-

ченія Наполеона воздвигается надъ кровавыми и безстыдными дѣлами, надъ ложью и слѣпымъ эгоизмомъ знамя особой святости и особой покорности Создателю.

Очевидно, что человѣкъ, будь то Раскольниковъ или Наполеонъ, осуществляющій свою только волю, раньше или позже погибнетъ. Если онъ знаетъ мѣру властолюбію и жадности, онъ гдѣ-нибудь, не на границѣ Индіи, такъ на границѣ Россіи, остановится и постарается удержать равновѣсіе. Такой завоеватель уже не будетъ сверхчеловѣкомъ, властелиномъ по идеѣ, какъ бы сильна ни была его держава: онъ остановился, онъ учелъ условія, онъ просто смѣлый и ловкій торгашъ, выманившій у судьбы наибольшую подачку. Мережковскій, желая очистить Наполеона отъ подобныхъ подозрѣній, представляетъ его намъ властелиномъ чистой крови—безъ расчетовъ и безъ границъ властолюбія. Въ этомъ представленіи правильно лишь то, что Наполеонъ, дѣйствительно, перестaлъ учитывать возможность неудачъ. Но то было вовсе не сознаніе трагическаго своего положенія въ мірѣ, положенія человѣка, которому всѣ—враги, и который не можетъ все же не гнуть выю этихъ враждебныхъ милліоновъ. Наполеонъ отлично помнилъ: еще милліонъ враговъ—онъ устоитъ; еще одинъ—тоже устоитъ; а отъ напора третьяго милліона рухнетъ, и съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ и его величіе; онъ просто преувеличилъ свои силы и не дооцѣнилъ силы враговъ. Ему многое далось; онъ подумалъ, что дастся все,—и началъ создавать Вавилонскую башню господства. Онъ могъ сказать солдатамъ, что ему нужна ихъ кровь, не потому, что того требовала его послѣдняя покорность

безвѣстному велѣнію, а потому, что не зналъ, что такое кровь, считая людей—„свиньями, которыхъ нужно кормить золотомъ“.

„Если онъ погибъ,—говоритъ Мережковскій,—то погибъ не потому, что слишкомъ, а потому, что всетаки недостаточно любилъ себя, любилъ себя не до конца, не до Бога, не вынесъ этой любви, ослабѣлъ, потерялъ равновѣсіе и, хотя бы на одно мгновеніе, самъ себѣ показался безумнымъ, смѣшнымъ“.

Гдѣ этотъ моментъ гибели—въ исторіи ли, въ біографіи ли Наполеона, до Москвы или послѣ Москвы, во время ста дней, или когда Наполеонъ съ поистинѣ великолѣпнымъ безразсудствомъ искалъ пріюта на кораблѣ смертельныхъ своихъ враговъ, или уже на островѣ св. Елены—Мережковскій не говоритъ. И что значитъ погибель? Потерять царство? Десять царствъ? Или потерять сознаніе своего величія? Или погибель тогда, когда у насъ отняты всѣ возможности быть владыками міра?

Если вѣрно послѣднее, то Наполеонъ погибъ еще раньше, чѣмъ сталъ императоромъ, и исторія его возвышенія, блестящія побѣды, Москва, мечты объ Индіи—все это было лишь вздохами агоніи или жалкимъ недоразумѣніемъ: вѣдь онъ долженъ былъ знать, что владыкой міра не быть никому и никогда. Мы по природѣ своей не владыки. Если бы ему и удалось воскресить Западную римскую имперію, поставить стражу у пирамидъ, возстановить жертвенники Александра Великаго на берегахъ Инда, пройти въ Китай—остались бы еще многіе и многіе края, навѣки недоступные ему. Если бы ни лихорадка, ни пуля, ни чума египетскихъ госпиталей

не тронули его,—все равно пришелъ бы часъ, когда онъ, какъ Левъ Толстой, сталъ бы прятать отъ себя веревку и ружье: рѣдѣютъ волосы, дурной запахъ изо рта, глаза слезятся—кончено. То, что думалъ Толстой о ступеняхъ писательской славы, передумалъ бы и Наполеонъ о своихъ завоеваніяхъ. Ни Христосъ, ни Антихристъ не помогли бы ему, какъ не помогли они и Л. Толстому до тѣхъ поръ, пока онъ не преодолѣлъ, и не разъ, а десятки разъ, недугъ отчаянія. Если Наполеонъ этого не зналъ,—а онъ зналъ это, порукой тому дневники его и окружавшихъ его на островѣ св. Елены,—онъ не человѣкъ, а чортова кукла, какъ разъ та самая чортова кукла, съ которой З. Н. Гиппіусъ неустанно борется въ своихъ писаніяхъ, не останавливаясь даже передъ клеветой на русскую революцію, которой не знаетъ, да и не можетъ, какъ и Мережковскій, знать.

Мережковскій неосторожно бросаетъ догадку, будто, кажется *), передъ Пушкинымъ носилось лицо Наполеона, когда создавалъ онъ стихи:

Дельфійскій идолъ—ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Кажется, лицо Наполеона? Но вѣдь у Пушкина гнѣвенъ и гордъ богъ. Сила же Наполеона такая бѣдная, тупая сила. Какъ бы ни называлъ, ни „ругалъ" насъ Мережковскій,—отступничество ли это отъ религіи буду-

*) То же стихотвореніе примѣняется впослѣдствіи—къ Хлестакову и Чичикову!

щаго, или отрава миролюбиваго мѣщанскаго общества нашихъ дней,—Наполеоны значительны, когда гибнутъ, и отвратительны, когда побѣждаютъ. Впрочемъ, отвращеніе къ нимъ не трудно подавить. Какъ бы тонко ни были загримированы лица властителей—Наполеоновъ въ дѣйствительности нѣтъ. И миѳъ о нихъ—неблагороднѣйшая изъ выдумокъ человѣчества—изобрѣтенъ даже не голодными рабами, а сытыми въ своемъ униженіи и зависти прислужниками. Поэты, на которыхъ ссылается Мережковскій, глядѣли на картину удачъ Наполеона, какъ на скучный прологъ къ интересной пьесѣ. Съ такимъ прологомъ можно примириться, ибо въ немъ узнаешь, талантливъ ли актеръ, взявшій на себя роль героя, и стоитъ ли Авторъ того, чтобы пьеса его разыгрывалась на міровой сценѣ. И нужно признаться: прологи всѣхъ доступныхъ нашему наблюденію пьесъ высокаго Автора, прославленіе котораго увлекло Мережковскаго къ столь тяжкимъ ошибкамъ, не приходятся намъ по вкусу. Они однообразны. Во всѣхъ этихъ пьесахъ дѣйствіе зачинается болѣзненнымъ крикомъ появленія на свѣтъ, сладкими днями дѣтства, наростаніемъ силъ и обманчивой ясностью самовлюбленнаго сознанія. Во всѣхъ первыя дерзанія освященнаго беззаботностью эгоизма увѣнчиваются легкими побѣдами. Больше силъ—больше и дерзости. Она матерѣетъ и становится увѣренной. Ставки растутъ. Чѣмъ рѣшительнѣе ставка, тѣмъ яснѣе увѣренность, что ея нельзя не сорвать. И фортуна, какъ всегда, благоволитъ къ начинающимъ, неопытнымъ игрокамъ. Но во второмъ или въ третьемъ актѣ пьесы ставка бываетъ бита. Тогда только герой познаетъ, что то, что онъ считалъ пьесой, было лишь прологомъ къ пьесѣ. Поставлена же она не ради сорван-

ныхъ, а ради битыхъ ставокъ. Занавѣсъ на время опускается, ибо непредупрежденный актеръ лишился дара рѣчи и жеста. И лишь теперь, когда занавѣсъ вновь будетъ поднятъ, познаются великія дарованія и неисчерпаемое творческое разнообразіе Автора. Поистинѣ, жестокій талантъ—но и упоительный талантъ. И тѣмъ упоительнѣе, чѣмъ беззаконнѣе нарушаетъ онъ традиціи въ распредѣленіи сценическаго матеріала. Такъ король Лиръ на много десятковъ лѣтъ долженъ былъ затянуть свой прологъ, и вотъ, въ концѣ концовъ, всю пьесу ему пришлось разыграть въ нѣсколько мѣсяцевъ. То же и Макбетъ, и Коріоланъ, и герои Ибсена. Для героевъ Толстого прологъ усложняется обыкновенно интермедіей. Пушкинъ, Лермонтовъ и Байронъ вынуждены были во славу Авторскихъ замысловъ вести свою игру лихорадочнымъ темпомъ. Достоевскій также не любилъ идилліи, спѣшилъ прервать ее и скомкать вмѣшательствомъ темныхъ силъ: онъ лучше другихъ проникалъ и передавалъ въ своихъ зеркалахъ творческіе замыслы Автора. И Наполеону не пришлось насладиться идилліей. Уже въ дѣтствѣ его посѣтили первые вѣстники скорби. Недаромъ, говорятъ, онъ упалъ, рождаясь, на коверъ, на которомъ вытканы были изображенія боговъ и трагическихъ героевъ. И вотъ, въ кругу именно этихъ соображеній кроется возможность спасти Наполеона отъ карикатуры Толстого, отъ неумѣлаго заступничества Мережковскаго и отъ грознаго свидѣтельства его собственныхъ приведенныхъ выше рѣчей. Сдѣлать это можно, показавъ, что всѣ наши представленія о немъ ложны; что онъ не былъ, вопреки видимости, ни властелиномъ, ни завоевателемъ; что его роль—лишь избранный имъ самимъ способъ самоопьяненія; что яркая деко-

ративность его дѣлъ прикрываетъ не раскрытое Толстымъ ничтожество, а сложность неизмѣнно трезвой и все же дерзающей на большія дѣла души, и что, наконецъ, заботы Наполеона были иного порядка, чѣмъ заботы влюбленнаго въ себя и высоко занесшагося авантюриста...

Когда Мережковскій мечтаетъ объ Антихристѣ, ему положительно измѣняетъ моральное чувство: не тѣ „законы“, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ, и отмѣной которыхъ злоупотребляетъ Мережковскій, а живое чувство чужой личности, чужого бытія. Толстой каялся въ томъ, что проѣдалъ труды мужиковъ, казнилъ ихъ, блудилъ, обманывалъ. „Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство.... не было преступленія, котораго я бы не совершилъ“. Мережковскій вводитъ, какъ лѣкарство въ организмъ, понятіе святой плоти: можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, говоритъ онъ, жизнь Л. Толстого представляется—благолѣпною жизнью: онъ былъ не „воромъ“, а бережливымъ хозяиномъ — домостроителемъ; не „насильникомъ“, а добрымъ господиномъ слугъ своихъ и домочадцевъ; не „убійцею“, а храбрымъ воиномъ; не „пьяницею“, а мудрымъ и трезвымъ эпикурейцемъ.

Я не знаю, какъ отнесся Толстой къ подобной попыткѣ оправданія его жизни. Каковы бы ни были религіи будущаго, одинъ даръ христіанства онѣ врядъ ли вытравятъ: сознаніе чужого бытія, умѣніе цѣнить не только „я“, но и „ты“, если не всегда въ дѣлахъ, то всегда—въ сознаніи. Толстой зналъ и видѣлъ въ себѣ то, что заклеймилъ такими жестокими словами. „Званіе храбраго

воина“, георгіевскій крестъ въ петлицѣ—не могутъ стереть въ памяти чертъ загубленнаго случайно „ты“. Впрочемъ, объяснять все это стыдно: про то разскажетъ самъ некрещеный дядя Ерошка.

— А ты убивалъ людей? — спрашиваетъ Оленинъ дядю Ерошку.

— Чортъ!—закричалъ онъ на него.—Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудрено!

Анализируя идеи Антихриста въ „Преступленіи и наказаніи“, Мережковскій пользуется тѣми же пріемами, что и для Толстого. Но Раскольниковъ доставляетъ ему болѣе тонкій матеріалъ, сравнительно съ подлинными рѣчами Наполеона да характеристиками Тэна и Сталь. Въ Наполеонѣ нѣтъ раздвоенности и святой неувѣренности. И это дѣлаетъ его болѣе пригоднымъ для схемы Мережковскаго; зато разсужденія послѣдняго выигрываютъ въ остротѣ и занимательности, оттачиваясь на страстной діалектикѣ Раскольникова. Любезная сердцу писателя „двойственность“ облюбовала для себя романы Достоевскаго, и Мережковскій использовалъ ее до дна. Правда, ему можно бы возразить, что волненія Раскольникова, Ставрогина, Подростка и братьевъ Карамазовыхъ обусловлены вовсе не борьбою двухъ равныхъ, таящихся въ нихъ силъ: та сила, которая гонитъ ихъ къ преступленіямъ и крайностямъ скорѣе похожа на змѣю, окруженную огненнымъ кольцомъ, рвущуюся въ бѣшенствѣ отчаянія ужалить и случайные предметы вокругъ себя, и себя самое, и языки пламени. Но идеи его находятъ въ произведеніяхъ Достоевскаго сильную поддержку въ

видѣ антитезъ, которыми любитъ пользоваться великій писатель; и здѣсь Мережковскій чувствуетъ себя наиболѣе твердо и увѣренно какъ разъ въ тѣ минуты, когда выводы уводятъ его дальше всего въ сторону отъ первоисточника. Донынѣ невыясненная, несмотря на работы Мережковскаго и другихъ критиковъ, роль христіанства во внутренней жизни Достоевскаго и болѣзненная взвинченность иныхъ его страницъ въ „Дневникѣ писателя“ и въ „Бѣсахъ“—даютъ Мережковскому просторъ для его построеній: удалившись однажды отъ „описательнаго метода“, онъ самымъ процессомъ работы, борьбой съ матеріаломъ, и желаніемъ выяснить и укрѣпить для самого себя свои позиціи, вынужденъ сводить концы съ концами, вмѣсто того, чтобы распутывать и отъединять ихъ. Между тѣмъ, вопреки намѣреніямъ Мережковскаго, именно эта работа отъединенія и распутыванія давала у него наиболѣе блестящіе результаты. Вторая глава второго тома „Толстого и Достоевскаго“ заставляетъ порою забыть о всемъ томъ, чего такъ не любишь въ его писаніяхъ, съ чѣмъ даже не хочешь бороться, просто отворачиваясь отъ нихъ. Раскольниковъ и Германъ изъ „Пиковой дамы“ должны быть сопоставлены; Порфирій долженъ быть названъ палачомъ; во что бы то ни стало нужно слѣдить строка за строкой, страница за страницей за колебаніями Раскольникова: Мережковскій правъ. Но наступаетъ минута, когда онъ разстается съ Достоевскимъ и измѣняетъ Достоевскому, ради подведенія итоговъ и ради своей проповѣди.

„Трагедія Раскольникова заключается не въ томъ, что, вообразивъ себя „бронзовымъ“, оказался онъ „перстнымъ“, но лишь въ томъ, что тѣло у него все не изъ бронзы, а душа не вся изъ бронзы: и ошибка его не

въ томъ, что онъ „полѣзъ въ новое слово“, а лишь въ томъ, что онъ „полѣзъ“ и въ новое дѣйствіе, тогда какъ рожденъ былъ только для „новаго слова“.

Понятно ли? *)

*) Ужасенъ „властелинъ“ Раскольниковъ, окровавленный, лѣзущій къ старушонкѣ подъ кровать за „красною укладкою“; но, можетъ быть, еще ужаснѣе Раскольниковъ—„дрожащая тварь“, на колѣняхъ среди площади, цѣлующій грязную землю; тамъ—позорное и страшное, здѣсь—позорное и смѣшное, которое страшнѣе страшнаго. Вѣдь единственную святыню свою, въ которую онъ все-таки вѣритъ, которую даже почти сознаетъ, какъ вѣру, святыню послѣдней свободы—Ihr Wille gegen meinen, Eins gegen Eins—ликъ „пророка и властелина“, ликъ дельфійскаго демона, воплощеннаго бога-солнца, „Человѣкобога“, предалъ онъ на поруганіе черни, сбросилъ въ уличную грязь. Это и есть то паденіе, тотъ склонъ обезбоженнаго христіанства, анархическаго „братства и равенства, по которому всѣ мы нечувствительно скользимъ, скользимъ даже не въ кровавый, а только въ грязный анархическій хаосъ“ („Т. и Д.“, II т.).

VIII.

Достойно примѣчанія, что толпа, падкая до возвышенныхъ словъ, тѣмъ не менѣе безошибочно угадываетъ ихъ удѣльный вѣсъ и значеніе. Въ ея устахъ слова эти могутъ ни къ чему не обязывать—въ этомъ смыслъ той „сочувственной“ переработки, которой она подвергаетъ все, брошенное ей на потребу. Но самъ глашатай долженъ быть творцомъ чистой крови, и за породистость ему простятся даже его причуды и безумія. Если толпа не можетъ вмѣстить подносимыхъ ей истинъ, она отвѣчаетъ камнями и распятіемъ. Она умѣетъ также въ извѣстныхъ случаяхъ пройти мимо творца съ пренебреженіемъ самозванной царицы. Мережковскому читательская толпа отвѣтила вѣжливымъ равнодушіемъ пополамъ съ недовѣрчивымъ любопытствомъ цѣнительницы хорошаго стиля и забавной выдумки. И это—несмотря на то, что писатель собралъ для нея все, что у него было цѣннаго. Здѣсь и эстетика, и святая плоть, и революція, и бытъ, и религія. Наиболѣе шумны были монологи, посвященные „проблемѣ зла“. Упорная борьба Мережковскаго съ дьяволомъ, столь напоминающая такую же борьбу инквизиторовъ его „Леонардо да Винчи“, поистинѣ доказала великую силу и лукавство нечистаго. Она началась, вѣроятно, какъ и многое въ Мережковскомъ, вполнѣ неожиданно для самого писателя, въ пору зарожденія петербургскаго религіозно-философскаго общества, и протянулась до послѣдней его обра-

ботки Некрасова и Тютчева. Можно бы предположить, что специи синтезирующей кухни, даже такія острыя, какъ проблема зла, слишкомъ тонки для грубыхъ массъ, признающихъ въ писателѣ лишь двѣ крайности: либо подлиннаго создателя властнаго слова, какъ великіе наши поэты, либо невиннаго разсказчика, помогающаго коротать часы досуга. Въ началѣ литературной дѣятельности Мережковскаго его было и приняли за подобнаго разсказчика. Но по мѣрѣ углубленія въ проблемы зла и святой плоти общественная его роль становилась все непонятнѣе и скучнѣе. Пророкъ?—Для пророка у него слишкомъ слабый голосъ. Революціонеръ?—Онъ бездѣйствененъ и замкнутъ въ одиночествѣ, несмотря на прислуживаніе демократіи въ настоящую пору его дѣятельности. Онъ любитъ иногда драпироваться въ одежды священника и мага, но ни въ литературномъ лицѣ его, ни въ осанкѣ нѣтъ ничего магическаго—все страшно современно, начиная отсутствіемъ равновѣсія въ мышленіи и кончая религіознымъ анархизмомъ, которымъ онъ такъ часто злоупотребляетъ. Положеніе было бы спасено, если бы на помощь Мережковскому во-время явился основательный, устойчивый Вагнеръ, вѣчно ненавидимый и желанный Вагнеръ, наивный предатель и посредникъ между магомъ и исторіей и между магомъ и глупостью. Приди въ свое время Вагнеръ, какъ часто находились бы у него, къ обоюдному удовольствію, поводы стучаться въ дверь учителя съ настойчивымъ запросомъ:

Verzeiht! Ich hör' euch deklamieren;
Ihr last gewiss ein griechisch Trauerspiel?
In dieser Kunst möcht ich was profitieren,
Denn heutzutage wirkt es viel;
Ich hab'es öfters rühmen hören—
Ein Komödiant könnt' einen Pfarrer lehren

Въ двухъ случаяхъ желаніе „поучиться“ у Мережковскаго могло быть все-таки вполнѣ законно—я говорю о спорахъ въ петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ и о революціонной проповѣди писателя, ибо ни церковь, ни революція не выдвинули проповѣдниковъ, равныхъ ему по краснорѣчію и по культурѣ...

На землѣ все такъ относительно: упустивъ возможность обзавестись собственнымъ Вагнеромъ, Мережковскій, въ концѣ концовъ, рѣшился взяться за его ремесло при другихъ мыслителяхъ. Но прирожденное поэтическое легкомысліе, такъ много мѣшавшее ему въ зачаткахъ самостоятельной работы критика, сдѣлало его неподходящимъ и для этой отвѣтственной роли. Тотъ, старый, настоящій Вагнеръ, по чистотѣ души своей могъ въ рѣшительную минуту довѣрить синтезирующій тигель чорту, и лишь благодаря вмѣшательству послѣдняго разродился жалкимъ и двусмысленнымъ существомъ въ звенящей ретортѣ. Мережковскій, изъ тщеславія, вѣроятно, не пожелалъ ничьего вмѣшательства въ свои дѣла, и вотъ въ наказаніе за это его разрѣшеніе проблемы зла оказалось мертворожденнымъ. Ради стройности своего ученія онъ слилъ воедино—и устремленія личности ко злу, и попустительство злу со стороны природы, и ея безличныя разрушительныя силы, т. е. пошелъ путемъ обратнымъ аналитическому пути своего учителя Достоевскаго, чей преступный опытъ казался ему въ юности идеаломъ глубины и инфернальности. Вмѣшательство Великаго Логика спасло бы его отъ этой нефилософичности, а стройности онъ цѣною этой нефилософичности все равно не достигъ.

— Правда ли,—спрашиваетъ Ставрогина Шатовъ,— что вы на обоихъ полюсахъ нашли совпаденія красоты, одинаковость наслажденія... Правда ли, будто вы увѣряли, что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штукою и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнью для человѣчества?

— Я пробовалъ вездѣ мою силу,—признается Ставрогинъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ.—Я все такъ же, какъ и всегда прежде, могу пожелать сдѣлать доброе дѣло, и ощущаю отъ того удовольствіе,—рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе.

Достоевскій остороженъ. Онъ не заводитъ рѣчи ни о смыслѣ, ни объ оправданіи отвратительной двойственности Ставрогина. Шатовъ говоритъ всего только объ одинаковости красоты и наслажденія. Ставрогинъ—всего только объ удовольствіи и объ испытаніи силъ. Прямолинейный служитель „бѣсовъ" и не видящій предѣловъ дерзаніямъ своимъ извращенный нигилистъ помнитъ то, о чемъ забываетъ Мережковскій: религію нельзя замѣшивать въ споры земныхъ и только земныхъ склонностей. Мережковскій смутно чувствуетъ рѣшительность этой ставрогинской воли къ самоограниченію. И, чтобы обезвредить ее, онъ переноситъ споръ съ земли на небо: „Эта страшная нравственная двойственность происходитъ въ немъ изъ еще болѣе глубокой и страшной религіозной двойственности, изъ смѣшенія двухъ началъ мистическихъ".

Пріемъ не новый. Друзья Іова прибѣгли къ нему, когда пожелали утѣшить и въ то же время обвинить прокаженнаго друга. „Человѣкъ на страданіе рождается, какъ дѣти пламени, чтобы устремляться въ высоту".

Мережковскій, считавшій долгомъ промедлить хоть минуту у гноищъ величайшихъ прокаженныхъ міра, можетъ позавидовать силѣ словъ своего товарища по ремеслу. Но Іовъ, какъ и Достоевскій, не умѣлъ и не желалъ спѣшить къ всеразрѣшающему „чтобы“. Онъ предпочиталъ медлить, ждать, сомнѣваться и отвергать. Медлить, ждать, сомнѣваться и отвергать,—ибо преждевременная осанна страшна и непотребна. Произнесенная въ ту минуту, когда на карту ставится величайшая ставка—жизнь,—она подобна трусливому предательству и ведетъ къ проигрышу, позорному, потому что непоправимому. Природа человѣческаго духа, столь часто враждебная его благороднѣйшимъ задачамъ, измѣняетъ въ роковыя минуты познанія своимъ примирительнымъ привычкамъ лѣнивой, мягкосердечной женщины. Она надѣляетъ этотъ духъ нетлѣнными дарами и негасимыми свѣточами: страхомъ передъ опредѣленными рѣшеніями; отвращеніемъ къ осаннамъ, когда бы то ни было произнесеннымъ на землѣ, и презрѣніемъ къ тѣмъ, кто торопится слить свой праздно-восторженный голосъ со славословящимъ вселенную хоромъ. Эти разрушительныя качества неудовлетвореннаго, больного неудовлетворенностью своею человѣческаго духа не столько сознательныя и гордыя добродѣтели его, сколько—крестъ и страданіе. Сознательно, добровольно, во имя богоборчества или пустого непокорства они не могутъ быть усвоены, вопреки двусмысленнымъ признаніямъ Нитче и вопреки моралистической снисходительности Мережковскаго. Ибо въ дѣйствительности, въ дняхъ, эти добродѣтели ставятъ въ безвыходное и унизительное положеніе всякаго, кто возьмется имъ служить. „Я все такъ же, какъ и всегда прежде, могу пожелать сдѣлать доброе дѣло,

и ощущаю отъ того удовольствіе,—рядомъ желаю и злого, и тоже чувствую удовольствіе". Это значитъ—очертить себя кругомъ и навѣки застыть въ немъ; это значитъ—отказаться отъ движенія и копить „удовольствіе" на „удовольствіе", сомнѣніе на сомнѣніе, извращеніе на извращеніе, догадку на догадку. Полярности Мережковскаго можно противопоставить иную психологически-правдивую полярность: видимая неподвижность, окоченѣлость метафизики—и острые взлеты бросающей жалобный свой и тревожный клёкотъ мысли; метафизическій голодъ—и метафизическая аскеза; тайно расцвѣтающіе нѣжнѣйшіе цвѣты дѣтскаго довѣрія къ міру и къ Божеству, цвѣты, особенно нѣжные наканунѣ вѣчной зимы,—и холодъ брезгливо-отстраняющагося недовѣрія, абсолютный нуль космическихъ пространствъ, сковывающій всякое движеніе.

Гдѣ бы Мережковскій ни натолкнулся на готовность къ молчанію, къ воздержанію отъ мнѣнія, онъ не разбираясь клеймитъ ее и видитъ на ней больше, чѣмъ на чемъ иномъ, печать вѣчнаго зла, серединной пошлости и косности. Наивно или сознательно, онъ смѣшиваетъ эту осторожность неудовлетвореннаго духа съ привычными для всѣхъ насъ соблазнами, носящими, впрочемъ, почетное имя соблазновъ скорѣе въ силу литературной традиціи, чѣмъ по дѣйствительнымъ заслугамъ. Я говорю объ искусствѣ для искусства, о красотѣ, о религіи рода, о человѣчествѣ и о другихъ призракахъ, которымъ присвоено невыразительное имя „духовныхъ цѣнностей". По отношенію къ нимъ Мережковскій проявляетъ самую непримиримую враждебность.

Его воинственность здѣсь такъ опрометчива, что даже непредубѣжденный зритель скоро начинаетъ понимать, въ чемъ дѣло. Передъ настоящимъ врагомъ такъ не гарцуютъ. Потѣшныя марсовы поля любы Мережковскому потому, что ихъ преднамѣренная красивость развлекаетъ зрителя, не давая ему сосредоточиться на сущности вопросовъ. Вѣдь ни для кого не секретъ, что красота, человѣчество или родъ не могутъ удовлетворить даже наименѣе проницательныхъ изслѣдователей земныхъ судебъ человѣческихъ. Пока красота, человѣчество или родъ выдаются за источникъ бодрости и силы, можно быть спокойнымъ за исповѣдывающаго ихъ человѣка: ему не нужны никакіе вообще отвѣты, имъ владѣютъ еще прекрасныя въ своей цѣльности влеченія непосредственной его природы. Мережковскій, такъ часто твердящій: „mir wird, bei meinem kritischen Bestreben, doch oft um Kopf und Busen bang“,—не знаетъ сравнительной цѣнности идей, занесенныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, на золотую доску человѣчества. Эти идеи цѣнились не сами по себѣ, не за красоту или точность своихъ словесныхъ формулъ, а лишь за ту гигантскую работу надъ глухими глыбами переживаній, которая навѣки остается за предѣлами всякихъ вообще формулъ. Болѣе того: эта работа, подобно уснувшему летаргическимъ сномъ, бываетъ раздавлена порожденными ею формулами, какъ плитами надгробія. И нужна поистинѣ сильная рука, чтобы прервать этотъ сонъ... Мережковскій лихо расправляется съ ближайшими къ нему по эпохѣ и по общности позитивныхъ корней идеями-спутницами. Такъ разсчитываетъ онъ укрѣпить въ вѣкахъ сомнительное единство своего ученія. На дѣлѣ же его борьба съ „позитивнымъ“ міровоззрѣніемъ не

затрагиваетъ ни временныхъ формъ послѣдняго, ни основной его проблемы, свысока третируемой Мережковскимъ, какъ неразуміе падкаго до тупой китайщины духовнаго мѣщанства. Между тѣмъ, видимая противоположность позитивизма и религіозности сглаживается, едва мы приблизимся къ нимъ вплотную. Догадка Нитче, будто усталость порождаетъ тягу къ мірамъ инымъ, должна быть одновременно и ограничена и распространена на обойденныя имъ области. Усталость можетъ сдѣлать человѣка и позитивистомъ, можетъ сдѣлать и мистикомъ. И наоборотъ: безъ стальной стойкости неутомимаго карамазовскаго „я есмь“ не мыслимо ни одно міровоззрѣніе, и наиболѣе ограниченный позитивизмъ держится такимъ же напоромъ творческихъ силъ и недоумѣній, какъ и наиболѣе широкая мистика прошлыхъ вѣковъ.

Мережковскій полагаетъ, что инстинктъ самосохраненія есть первый и естественнѣйшій путь къ религіи. И, невинный въ своемъ предательствѣ, подкрѣпляетъ эту опасную идею дѣтскими воспоминаніями Достоевскаго о встрѣчѣ съ волкомъ, о спасителѣ, мужикѣ Mapeѣ, и о томъ, какъ его ласка, столь сладостная послѣ пережитого ужаса, осталась навсегда источникомъ религіозной настроенности Достоевскаго. Проще и смѣлѣе, чѣмъ въ писаніяхъ Мережковскаго, эта мысль выражена В. Джемсомъ, въ замѣчательномъ его трудѣ о „Многообразіи религіознаго опыта“: „центромъ, вокругъ котораго вращается религіозная жизнь, является забота человѣка о своей личной участи. Религія, говоря коротко, является одной изъ обширнѣйшихъ главъ исто-

ріи человѣческаго эгоизма“. Оспаривать подмѣченный Джемсомъ фактъ не приходится. Но нельзя и принять его. Утвержденіе Джемса способно своею наглядностью увлечь насъ на ложные пути. Связь религіи съ неудовлетворенными потребностями сегодняшняго дня и съ надеждами завтрашняго не можетъ не отравить довѣрія къ ея источникамъ. Джемсъ признавался, что ему были чужды религіозныя настроенія, и оттого понятною становится его терпимость къ столь преувеличенной заботѣ человѣка о личной участи. Мережковскій—побывавшій въ школѣ Нитче—еще невиннѣе Джемса проходитъ мимо опасной западни. Его соблазнила возможность подтвердить неизбѣжность религіи естественными мотивами; онъ и не замѣтилъ, какъ подъ флагомъ естественной или мистической потребности въ его философію пробралась позитивнѣйшая контрабанда, и какъ разъ въ томъ своемъ видѣ, который вызывалъ наибольшую ненависть писателя: разсчитывать, что забота человѣка о себѣ оправдается въ потустороннемъ мірѣ, значитъ являться туда въ пыльной одеждѣ незаконченныхъ земныхъ скитаній. Ничто не перегорѣло въ немъ. Что было здѣсь, то будетъ и тамъ. Онъ мыслитъ потустороннее въ узкихъ предѣлахъ познаннаго на опытѣ.

Здѣсь умѣстно помянуть Лютера,—едва ли не послѣдняго въ ряду мыслителей, дерзавшихъ не только на личномъ, но и на народномъ опытѣ провѣрять цѣнность молитвы и цѣнность связанныхъ съ молитвою человѣческихъ, слишкомъ человѣческихъ упованій. Лютеръ болѣе, чѣмъ кто-либо, сомнѣвался въ томъ, правильно ли онъ истолковываетъ минуты внутренняго просвѣтлѣнія,

которыя ему приходилось оплачивать очень дорогою цѣною. Поэтому, на вкусъ догматиковъ, вся его работа была работой отрицанія и ожиданія. Онъ стремился разъ навсегда отграничить небесное отъ земного, и больше всего на свѣтѣ боялся запятнать небесное корыстью жаждущаго спокойствія и побѣды духа. Поэтому онъ считалъ желательность тѣхъ или иныхъ благъ потусторонняго міра, ихъ соотвѣтствіе инстинктамъ голодной человѣчности—не доказательствомъ ихъ бытія, а скорѣе доказательствомъ ихъ сомнительнаго происхожденія. Безконечно суживая кругъ признанныхъ имъ достовѣрными благъ, онъ даже идею спасенія отравилъ мыслью о заранѣе намѣченныхъ къ спасенію душахъ. „Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю“, повторялъ онъ вслѣдъ за апостоломъ Павломъ, и въ этомъ сознаніи былъ первый шагъ его къ тому—на взглядъ Мережковскаго, демоническому — самоограниченію, которое было указано у Достоевскаго и Іова. Слѣдующій его шагъ былъ направленъ противъ здоровой самоувѣренности человѣка, поднявшаго отвѣтственность за свои дѣла, но получившаго взамѣнъ—бодрое чувство личной заслуги. Здѣсь Лютеръ присоединяется къ ученію бл. Августина: „Пусть никто не надѣется исполнить обѣты Богу, полагаясь на собственныя силы... Тотъ, Кто призвалъ тебя, поможетъ тебѣ и нести ихъ“. Но и этотъ якорь казался Лютеру слишкомъ надежнымъ. Разрушеніе должно было итти вглубь всегда готоваго къ успокоенію духа. А что, если все-таки никто и не поможетъ?—спрашивалъ Лютеръ. И ему, дѣйствительно, никто не помогъ въ самыя горькія минуты его ломающейся монашеской жизни. 9 сентября 1521 г. онъ писалъ Спалатину: „А я несчастный остываю духомъ.

Сонъ и лѣнь мѣшаютъ молиться. Нужно молиться и бодрствовать, чтобы не впасть въ искушеніе". „Можетъ быть, ты посовѣтуешь, какъ это дѣлаютъ многіе простаки, свободные отъ горькихъ заботъ о душѣ, молить Бога о милосердіи, въ которомъ Онъ никому не отказываетъ? Прекрасно! Почему же ты не посовѣтуешь помолиться св. Петру, почему бы ему не попросить избавленія отъ Иродовыхъ цѣпей? Почему не молился Павелъ, чтобы Богъ убралъ препятствія съ его пути къ римлянамъ? Почему не молились мученики, чтобы тюрьмы не отрывали ихъ отъ дѣлъ любви? И почему ты не посовѣтуешь помолиться тому пилигриму, который шелъ въ Компостеллу (и котораго убили по дорогѣ разбойники), чтобы Богъ спасъ его отъ лишеній, болѣзни, смерти и плѣна во время пути?" И далѣе, Лютеръ бросилъ христіанству невыносимый укоръ. Молиться не значитъ ли шутить серіозными вещами? Молиться,—но что, если Богъ не хочетъ, чтобы Его умоляли о чемъ бы то ни было? Или вотъ, Ему молятся, а Онъ не захочетъ услышать? Все глубже уходя въ свое отступничество, Лютеръ пытался засыпать тѣ дороги къ раю, которыя были завѣщаны христіанству примѣромъ святыхъ и мучениковъ. „Паписты—говорилъ онъ—нарекаютъ святыхъ по дѣламъ ихъ, но среди столь многочисленныхъ священныхъ преданій нѣтъ ни одного, которое бы указывало на христіанскую святость, т. е. на святость, пріобрѣтенную вѣрой. Вся ихъ (папистовъ) святость построена на томъ, что они много молились, постились, работали, истязали себя, спали на жесткомъ ложѣ и одѣвались въ суровыя одежды". И даже Евангеліе, единственный, по его мнѣнію, достовѣрный источникъ мудрости, не оставилъ онъ въ покоѣ. 16 февраля 1568 года, за два

дня до смерти, которую онъ давно предчувствовалъ и звалъ, равно томясь и внѣшнимъ успѣхомъ реформаціи и внутреннею неувѣренностью въ своей правотѣ, Лютеръ писалъ: „Виргилія въ его Bucolica пойметъ лишь человѣкъ, бывшій въ теченіе пяти лѣтъ пастухомъ. Виргилія въ его Georgica пойметъ тотъ, кто пять лѣтъ занимался земледѣліемъ. Цицероновы письма вполнѣ доступны лишь тому, кто въ теченіе двадцати лѣтъ участвовалъ въ управленіи государственными дѣлами. И пусть никто не надѣется постигнуть священное писаніе, если онъ не управлялъ общинами и не прожилъ сотню лѣтъ съ пророками, съ Іоанномъ Крестителемъ, съ Апостолами и со Христомъ... Этой „Энеиды“ не смѣй касаться—и лишь смиренно молись надъ ея остатками. Мы—нищіе. Вотъ истина“.

И не только Достоевскій въ лицѣ своихъ героевъ, Іовъ или Лютеръ—нѣтъ на вершинахъ религіозной мысли никого, сильнаго духомъ и дожившаго до поры итоговъ, кто бы не отвергъ въ свое время игру окрашенныхъ подъ религію догадокъ ради грубой, однообразной, какъ будто позитивной работы надъ конкретными и эгоистическими—тутъ Джемсъ и Мережковскій правы—задачами. Если вкусъ къ метафизикѣ былъ очень силенъ, онъ удовлетворялся болѣе или менѣе блестящими пророчествами и обобщеніями. Но чѣмъ убѣдительнѣе для ближнихъ обставлялись эти догадки, тѣмъ суровѣе казнилъ себя за нихъ ихъ глашатай. Судьба становилась обыкновенно на сторону правды, и ударами и глумленіемъ загоняла въ свое время довѣрчивыхъ служителей истины въ темный тупикъ обыденныхъ дѣлъ и великой

надъ ними сосредоточенности. Ибо обыденностью и только обыденностью можно назвать внутреннее недовольство своимъ дѣломъ, болѣзни, старость и смерть, паденья и грѣхи, отвращеніе къ себѣ, слѣпоту или стыдъ за проигранную жизнь—вообще все въ психологіи, что не вошло въ концепцію Мережковскаго, а было имъ отброшено съ презрѣніемъ. Несомнѣнно, что именно эти силы приводятъ къ эгоизму, и что онѣ же толкаютъ къ подлинной религіи. Но переходъ отъ эгоизма къ религіи труднѣе, чѣмъ предполагали Джемсъ и Мережковскій. Силы эгоизма и стремленіе личности сохранить себя не безконечны. Наступаетъ моментъ, когда, точно войдя въ сферу притяженія другой планеты, центръ тяжести эгоизма перемѣщается; верхъ становится низомъ, низъ верхомъ, и инстинктъ самосохраненія замѣщается равнодушіемъ; отъ равнодушія же недалеко и до прихода робкаго и страннаго гостя, выходца невѣдомыхъ намъ странъ—инстинкта гибели, знакомаго психически неуравновѣшеннымъ, больнымъ и религіозно одареннымъ людямъ. Его приходъ обозначаетъ начало того, что Нитче по праву называлъ „переоцѣнкой всѣхъ цѣнностей“ и „философствованіемъ съ молотомъ въ рукахъ“, т. е. того, что никогда не входило въ сферу интересовъ Мережковскаго.

Прислониться къ „инстинкту гибели“ и на немъ основать свое міровоззрѣніе смертному не дано. Этотъ инстинктъ сходитъ подобно осенней, безгромной молніи, не приносящей землѣ ни радости, ни разрѣшенія. О немъ можно говорить—и то въ исключительныхъ случаяхъ—тѣмъ притворно-спокойнымъ, иногда ироническимъ тономъ, какой поэты избирали для наиболѣе проблематическихъ темъ.

На основныхъ массахъ творчества эти перевороты не отражаются. Зато предшествующій имъ моментъ, утомленіе, скука, рѣшимость ограничить себя ближайшими дѣлами и заботами, беретъ иногда годы и годы напряженнѣйшей творческой работы. Какъ будто сознательно возлагаетъ на себя этотъ крестъ художникъ. И въ этой работѣ скрыто оправданіе извѣстной формы искусства — реализма, ибо всякое отклоненіе отъ него неизбѣжно ведетъ къ мечтательности и праздности. Тютчевъ, яснѣе многихъ, опредѣлялъ для себя эти ступени и переходы отъ жестокаго реализма дѣлъ къ знаменующимъ праздничное бездѣлье символамъ. Теоретики символизма осторожно обходятъ стихотвореніе, чудесно совмѣстившее въ себѣ обѣ стороны его творческаго отношенія къ міру: онъ сознаетъ послѣднюю необходимость томительнаго безочарованія, тянется къ мечтательности, не знаетъ, что поставить выше, и клянетъ равно и безочарованіе и мечтательность. Я не знаю произведенія, болѣе точно и глубоко ставящаго вопросъ о соотношеніи дѣйствительности и попытокъ обойти ее, и болѣе точно и глубоко разрѣшающаго этотъ вопросъ—въ образѣ, конечно, а не въ идеѣ.

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ,
Тамъ въ беззаботности веселой
Безумье жалкое живетъ.
Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ.
То вспрянетъ вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Припавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ.

И мнитъ, что слышитъ струй кипѣнье,
Что слышитъ токъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье,
И шумный изъ земли исходъ.

Такъ оправдываетъ Тютчевъ „жалкимъ безуміемъ“ то, что современные лирики считаютъ въ немъ наиболѣе цѣннымъ и достойнымъ подражанія. Острый же его анализъ собственной судьбы пріобрѣтаетъ подъ этимъ угломъ зрѣнія совершенно новыя права на существованіе. Эта сторона его творчества соотвѣтствуетъ по смыслу второй части „Фауста“ въ творчествѣ Гете и идеямъ добра у Толстого, особенно послѣдней схемѣ, въ какую онѣ вылились въ „Отцѣ Сергіи“. Отецъ Сергій не можетъ не опорочить всѣ возвышенные мотивы, руководившіе имъ до бѣгства изъ монастыря, ибо знаетъ, что эти возвышенные мотивы неизбѣжно переплетаются съ плотскими страстями и служатъ имъ если не открыто, то тайно. Существуетъ единственный лишь путь къ относительному совершенству—не искать никакого совершенства, не думать, не желать, не окрыляться, а равномѣрно ослаблять инстинкты жизни, ибо всякій ихъ взрывъ, въ сторону добра или зла одинаково, приводитъ къ ошибкамъ, запутанности и лжи. И хуже всего предаютъ насъ именно возвышенные мотивы: опьяняя сознаніемъ силъ и заслугъ, они дѣлаютъ насъ безоружными и довѣрчивыми, какъ дѣтей. Конечно, это чувство глубоко пессимистично, если глядѣть на него со стороны. Но внутренняя возможность жизни въ немъ и внѣ паѳоса и опьяненія не можетъ быть признана плодомъ безнадежности. Ибо за внѣшнею связанностью и за внѣшнимъ безволіемъ, какъ за стѣнами тюрьмы, въ Толстомъ и въ Тютчевѣ бродятъ всѣ тѣ же силы, которыя заставили перваго пережить десять жизней

въ личинахъ его героевъ, а второго—со спокойствіемъ и торжественностью заглянуть въ глаза тому, что я нѣсколькими строками выше назвалъ инстинктомъ гибели:

Люблю сей Божій гнѣвъ!..
Какъ вѣдать? Можетъ быть, и есть въ природѣ звуки,
Благоуханія, цвѣта и голоса—
Предвѣстники для насъ послѣдняго часа
И усладители послѣдней нашей муки.
И ими-то судебъ посланникъ роковой,
Когда сыновъ земли изъ жизни вызываетъ,
Какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ,
Да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой!

И—если не бояться выводовъ—въ этихъ областяхъ можно по скрытымъ признакамъ угадать теченіе подземной рѣки, соединяющей ученіе Толстого съ великими бассейнами религіозной мысли, ставившей самоограниченіе выше гордой добродѣтели, а грѣхъ выше самоограниченія...

Еще поразительнѣе соотношеніе двухъ стихій человѣческой жизни въ изображеніи Гете. Фаустъ первой части разлился, какъ море, онъ измѣнчивъ и многообразенъ, какъ оно. Фаустъ второй части, какъ бы велики ни были его заслуги передъ человѣчествомъ, утратилъ широту прежняго кругозора и показную мудрость своей первой, столь блестящей старости. Ни красокъ, ни пластичности—одни дѣла и дѣла, вопреки насмѣшкамъ Мефистофеля и собственнымъ размышленіемъ екклезіастовскаго пошиба. Словно одержимый запоздалымъ недугомъ строительства, онъ, когда-то столь чуткій къ ударамъ судьбы и

къ гибели ближняго, не помнитъ теперь ни о чемъ, кромѣ плотинъ, болотъ и работниковъ-лемуровъ. Только что сожжены Филемонъ и Бавкида. Только что ослѣпили его самого сестры-заботы, пообѣщавъ свой близкій возвратъ. Какъ послѣдній глупецъ, величаетъ онъ своего страшнаго помощника—„Надсмотрщикомъ за работами“, какъ разъ въ ту минуту, когда тотъ готовитъ ему могилу.

Ein Sumpf zieht am Gebirge hin,
Verpestet alles schon Errungene;
Den faulen Pful auch abzuziehn,
Das letzte wär' das Höchsterrungene...
Zum Augenblicke dürft ich sagen:
Verweile doch, du bist so schön!
Es kann die Spur von meinen Erdetagen
Nicht in Äonen untergehn...
Im Vorgefühl vom solchen hohen Glück,
Geniess' ich jetzt den höchsten Augenblick!

Если бы старый Гёте соблазнился этимъ бравурнымъ разрѣшеніемъ, „Фаустъ“ погибъ бы для человѣчества. Но Мефистофель не дремлетъ, и изъ поведенія его можно заключить, что его роль — не препятствовать человѣку спасаться и творить, а наоборотъ—открывать такія перспективы, какія не могутъ пригрезиться даже въ минуты злѣйшей угнетенности духа.

Ihn sättigt keine Lust, ihm gnügt kein Glück,
So buhlt er fort nach wechselnden Gestalten,
Den letzten, schlechten, leeren Augenblick,
Der Arme wünscht ihn fest zu halten...

Вотъ когда своевременно было бы отмѣтить совпаденія, болѣе разительныя, чѣмъ тѣ, надъ которыми останавливается Мережковскій. Ѣдкая и удивленная реплика Мефистофеля Фаусту возвращаетъ насъ къ вопросу Шатова

и не уступающему по ѣдкости и удивленію предсмертному письму Ставрогина: Мефистофель и Ставрогинъ говорятъ объ одномъ—именно о томъ, что Толстой, Тютчевъ, Іовъ или Лютеръ, какъ живые люди, не говорили, а переживали:

Die Zeit wird Herr, der Greis hier liegt im Sand.
Die Uhr steht still—

Хоръ.

Steht still! Sie schweigt wie Mitternacht.
Der Zeiger fällt.

Мефистофель.

Er fällt, es ist vollbracht.

Хоръ.

Es ist vorbei.

Мефистофель.

Vorbei! ein dummes Wort. Warum vorbei?
Vorbei und reines Nichts, vollkommnes Einerlei...
„Da ist's vorbei!“ Was ist daran zu lesen?
Es ist so gut, als wär es nicht gewesen *).

---

*) Роли „нигилизма“ въ творчествѣ Гёте, которой пришлось здѣсь коснуться столь бѣгло, авторъ предполагаетъ посвятить отдѣльныя главы въ подготовляемомъ къ печати изслѣдованіи о Гете и романтикахъ.

IX.

Въ „Открытомъ письмѣ Н. А. Бердяеву“ Мережковскій съ очень хорошей, честной скромностью признается въ отсутствіи въ его писаніяхъ „философской критики“. „Въ этой слабости моей Вы оказываете мнѣ великую помощь,—пишетъ онъ:—то, къ чему я подхожу лишь болѣе или менѣе темнымъ религіознымъ чутьемъ, Вы освѣщаете свѣтомъ философскаго сознанія“ *).

Статьи, собранныя въ книгѣ „Не миръ, но мечъ“, и особенно посвященная Серафиму Саровскому „Послѣдній

---

*) Язычество и христіанство, какъ два противоположныхъ электричества, соединеніе которыхъ должно дать міру свѣтъ—эта догадка Мережковскаго носитъ скорѣе „психологическій“, чѣмъ „догматическій“ характеръ. Ей посвящены многія страницы романовъ, большая часть II тома „Л. Толстого и Достоевскаго“ и большая часть статей. Наиболѣе ясное изложеніе этой идеи Мережковскаго — въ предисловіи ко II т. „Т. и Д.“. „Историческое христіанство усилило одинъ изъ двухъ мистическихъ полюсовъ святости въ ущербъ другому—святость духа въ ущербъ святости плоти. Безплотное и есть для историческаго христіанства духовное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чистое, доброе, святое, божеское, а плотское—нечистое, злое, грѣшное, діавольское“. Тамъ же: „Вмѣсто живого діалектическаго развитія, которое дано въ ученіи Христа: тезисъ—плоть, антитезисъ—духъ, синтезъ—„духовная плоть“, въ историческомъ христіанствѣ получилось только мертвое логическое тожество — получилась безплотная святость, вмѣсто святой плоти, безплотная духовность, вмѣсто духовной плоти“. Въ статьѣ „Революція и религія“, которая является сравнительно яснымъ и отчетливымъ изложеніемъ взглядовъ Мережковскаго на исторію идеи самодержавія въ связи съ колебаніемъ религіозныхъ настроеній русской интеллигенціи—о томъ же: „Внѣшняя видимость совершенно противоположна внутренней сущности Евангелія; извнѣ

святой", представляютъ собою немногочисленныя попытки Мережковскаго теоретизировать безъ помощи литературы. Онъ и здѣсь осложняетъ свою работу, полагая, что всякій сдѣланный шагъ нуждается въ санкціи разума. При этомъ его „религіозное чутье", по крайней мѣрѣ по отношенію къ Серафиму Саровскому, обманываетъ его такъ же, какъ обманываетъ и разумъ,—такимъ образомъ, ошибочные логическіе выводы дѣлаются изъ логически-ошибочныхъ данныхъ. Появленіе „Послѣдняго святого" за подписью Мережковскаго можно было объяснить

слово становится плотью; внутри плоть становится словомъ, безплотною, отвлеченною духовностью; извнѣ—побѣда жизни надъ смертью, внутри—побѣда смерти надъ жизнью; извнѣ царствіе Божіе—брачный пиръ; внутри—постъ безбрачный, скопчество ради царствія Божія"... Въ статьѣ о Серафимѣ Саровскомъ, „Послѣдній святой": „Не Богъ, а дьяволъ создалъ міръ, это сказать для христіанина—кощунство, а дѣлать—святость, ибо не можетъ христіанинъ угодить Богу, не отрекшись отъ міра, не возненавидѣвъ міръ,—не какую-либо часть міра, а именно весь міръ, какъ царство дьявола". Въ той же статьѣ мы находимъ строки, выясняющія, почему Мережковскій взялся за проповѣдь соединенія христіанства и язычества. „Танобъ („темница", гдѣ отшельники христіанскіе, по словамъ Іоанна Лѣствичника, смертельно истязали себя)—бездонный ровъ, отдѣляющій христіанство отъ язычества; благо, что ровъ этотъ вырылся; но благо и то, что человѣчество вышло изъ него навсегда: скорѣе выйдетъ оно совсѣмъ изъ христіанства, чѣмъ вернется въ Танобъ. Тутъ наша непоколебимая твердость, нашъ бѣлый алмазъ противъ чернаго." Подчеркнутыя мною слова Мережковскаго характеризуютъ лучшую и благороднѣйшую сторону его литературной работы—любовь къ культурѣ и исторіи во всемъ ея объемѣ. Едва ли не всѣ, однако, писавшіе о Мережковскомъ отмѣчали его неумѣнье оформить свои вкусы и полную его безпомощность, какъ мыслителя. Не только выводы, само изложеніе, стремясь къ логической правиль-

развѣ лишь, какъ предательскій ударъ въ спину, задуманный какимъ-нибудь злымъ и нечестнымъ врагомъ-поддѣлывателемъ: какъ бы ни былъ нечутокъ Мережковскій къ событіямъ религіозной жизни, Серафимъ Саровскій не могъ выйти изъ-подъ его пера. Тамъ, гдѣ Серафимъ нѣженъ, Мережковскій видитъ гримасу издѣвательства. Тамъ, гдѣ онъ, нарушая всѣ принятыя церковью формы, робко тянется къ вселенскости, Мережковскому чудятся темныя страсти. Подъ простоту онъ подставляетъ лукавство. За смиренное признаніе тяжести избраннаго креста казнитъ, какъ за кощунство. Выдержки изъ житія Серафима сдѣланы такъ, что за отрывочностью ихъ угадываются общія очертанія его лика. И рядомъ перелицованный Серафимъ, искаженный точно въ зеркалѣ Андерсоновской сказки, на которую любитъ ссылаться Мережковскій,— отталкиваетъ психологически невѣроятными проявленіями злобы. Меня занимаютъ въ „Послѣднемъ святомъ“ не отступленія Мережковскаго отъ канона и не психологическая близорукость его, а болѣе общій вопросъ—

ности, погрѣшаетъ противъ самыхъ элементарныхъ требованій логики и теоріи познанія. Ср. статьи Н. К. Михайловскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“, С. Лурье въ „Русской Мысли“, Льва Шестова—„Власть идей“, Андрея Бѣлаго въ его книгахъ „Арабески“ и „Лугъ зеленый“, Иванова-Разумника и А. Блока. Въ частности, А. Бѣлый любезно называетъ сочиненія Мережковскаго „логически парадоксальными“, хотя суть тутъ, конечно, не въ парадоксальности: „Смѣсь діалектики съ удивительнымъ психологическимъ анализомъ объективно не оправдываетъ религіозную проблему, отсутствіе прямой связи между психологически данной сознанію онтологіей и гносеологической данностью превращаетъ quasi-философское обоснованіе христіанства въ эстетическое; религія эстетики все же остается эстетической религіей“.

вопросъ красоты или уродства, добродѣтельности или недобродѣтельности даннаго явленія религіозной жизни.

Предположимъ, что Мережковскому удастся доказать относительно Серафима Саровскаго, какъ онъ доказалъ относительно Л. Толстого, что его ликъ двойственен, и что стихія свѣта въ немъ въ той или другой степени обезцѣнена темнотой полуотрицанія или полуневѣдѣнія. Неужели это открытіе обезцѣнило бы не только относительное, но и абсолютное—„на Страшномъ Судѣ"—значеніе Серафима? Вѣдь цѣнность религіознаго творчества опредѣляется вовсе не моральными качествами или откровеннымъ знаніемъ того или иного творца, не положительными результатами его жизни, а всего лишь сопоставленіемъ силы сопротивленія матеріала, среды, надъ которой ему приходится трудиться, съ размахомъ и упорствомъ его самоутверждающейся воли.

Чѣмъ безнадежнѣе сопротивленіе матеріала, тѣмъ меньше число творческихъ рукъ, готовыхъ приложить къ нему свои усилія. Одна только готовность не покидать свой урокъ,—отведенную подземному работнику шахту, означаетъ ужъ очень много *даже въ томъ случаѣ*, если добытыя изъ нея горныя породы и представляются стороннимъ наблюдателямъ не имѣющими особой цѣны. Слишкомъ ранніе и обильные положительные результаты часто, вопреки очевидности, свидѣтельствуютъ о ненадежности подземнаго работника. Разнообразіе творческихъ усилій, богатство методовъ борьбы, готовность начинать работу сызнова и, наконецъ, неуклонное противопоставленіе необъятности матеріала осознанной или неосознанной неистощимости наличныхъ творческихъ силъ мыслителя,—таковы признаки благородства и могучей своеобразности натуры.

Въ статьѣ „Мечъ“ Мережковскій сводитъ счеты съ религіей рода, религіей красоты, религіей общественности и съ пріобрѣтающей будто бы смыслъ религіи наукой. Онъ очень легко и просто доказываетъ, что красота не скрываетъ тлѣнности міра; родъ подлежитъ смерти такъ же, какъ и индивидуумъ; общественные инстинкты, т.-е. любовь къ человѣчеству, обмануты призракомъ, ибо и человѣчество смертно; Grand-Etre—фикція. Наука не имѣетъ подъ собою вѣчнаго фундамента. Вѣренъ и вѣченъ одинъ путь—религіозный.

Быть можетъ, эти разсужденія и очень основательны. Бѣда лишь въ томъ, что ни наука, ни общественность—въ лицѣ подлинныхъ своихъ представителей, не болтуновъ и не прислужниковъ жизнерадостнаго идеализма—не претендуютъ на званіе религіи и не обѣщаютъ вѣчности. Онѣ—матеріалистичны, и довольны своею долею. Недовольныхъ и, по ихъ мнѣнію, слабыхъ членовъ общества онѣ и сами отсылаютъ—къ религіи. Позиція безупречная. И я не знаю, что тутъ можно возразить?

Религія рода вся въ нюансахъ и въ безсознательномъ. Это ея свойство признаетъ и Мережковскій. Разумомъ ее не убьешь. Между прочимъ, самое выраженіе „религія рода“ кажется мнѣ подозрительнымъ. Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ подобная религія? Или просто малопонятному—и тѣмъ не менѣе сколь живучему—человѣческому инстинкту Мережковскій придалъ это ничего не объясняющее названіе.

„Итакъ *) ложными оказываются всѣ религіозные исходы“, заключаетъ Мережковскій и, вслѣдъ за тѣмъ, строитъ одно изъ любимыхъ своихъ противоположеній:

---

*) Намъ уже знакома роль слова „итакъ“ въ діалектикѣ М.

„это значитъ, что религіозный смыслъ міра уже потерянъ, или еще не найденъ современнымъ человѣчествомъ. Міръ—безсмыслица, жизнь—неисцѣлимое зло—вотъ послѣднее, можетъ быть, не сказанное, но неминуемое слово современнаго религіознаго или антирелигіознаго сознанія. Если Богъ есть, то людямъ остается только проклясть Бога“. „Едва ли даже люди, чуждые всякой религіи, не согласятся съ тѣмъ, что цѣль и смыслъ жизни есть счастье, и что счастье—любовь“.

Перефразировавъ слова Мережковскаго, я бы сказалъ: едва ли даже люди религіозные согласятся съ тѣмъ, что цѣль и смыслъ жизни есть счастье и что счастье—любовь.

Допущеніе Мережковскаго, несомнѣнно должно, вызвать негодованіе со стороны религіозныхъ людей: да развѣ они когда-либо видѣли смыслъ и цѣль жизни въ счастьѣ? Рѣчь идетъ, конечно, не о томъ грубомъ элементарномъ счастьѣ ѣды и любовныхъ наслажденій, которое такъ накрѣпко связало съ бытіемъ благороднаго и безсмертнаго Фальстафа. Не объ этомъ счастьѣ рѣчь,—отвѣтятъ религіозные люди,—даже высшее, чистое счастье не было цѣлью ихъ жизни: они желали лишь покорности Богу, что бы эта покорность имъ ни принесла. Неохристіане, напротивъ, обязаны вступиться за Фальстафа: онъ—плотяной, и пятами вверхъ ринулся въ бездну плоти, любя себя, какъ Бога. Правда, онъ на самой низшей ступени великой эволюціонной лѣстницы Мережковскаго, но кто лучше его позналъ святость „нижняго неба“?

Итакъ, счастье—„цѣль жизни“ или нѣтъ?

Я думаю, что Мережковскій невольно обмолвился жесточайшимъ парадоксомъ: именно нерелигіозные люди говорятъ о счастьѣ, какъ о цѣли жизни. Представители

же существовавшихъ донынѣ религій говорили только—о Богѣ, и лишь послѣ Бога—о небесномъ блаженствѣ, весьма мало похожемъ на счастье и подчасъ противоположномъ ему. Но какъ любители счастья, такъ и служители Бога могутъ, по совѣсти, согласиться въ одномъ: если смыслъ жизни въ счастьѣ, то въ предѣлахъ земли его не даютъ ни религія, ни иррелигіозность. Если цѣль жизни въ счастьѣ—тогда все потеряно. И религія и иррелигіозность служатъ намъ здѣсь лишь въ одномъ: онѣ приносятъ мгновенія отдыха, поводъ для раздумья, а въ лучшемъ случаѣ—силы, лишнюю каплю упорства, чтобы нести нашъ жестокій, непрерывный трудъ. Значитъ ли это, что можно „проклясть Бога“? Если не вѣрить въ Него, Кого же клясть? Со злобой поднятый къ пустому небу кулакъ—признакъ глупца или самаго подлаго изъ подлыхъ рабовъ. Если вѣрить въ Бога, если Онъ—Истина, и если Онъ, во всеоружіи своихъ великихъ качествъ Истиннаго, обрекаетъ насъ на земную гибель, безцѣльность и смерть, даже тогда подымется ли голосъ проклясть Его? Можно спросить: отчего, Господи, такъ, а не иначе судилъ Ты? Можно попытаться построить въ узкихъ предѣлахъ земного существованія свой независимый отъ Него мірокъ. Но проклятіе Истинѣ—только за то, что Она обманула наши бѣдные дѣтскіе сны, падетъ позоромъ на насъ же. Вопреки мнѣнію Мережковскаго, жажда счастья, высокаго или низкаго, лишь обманомъ закрадывается въ наши исканія.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что намѣченные мною только-что исходы будутъ отстранены Мережковскимъ, какъ неудовлетворительные. Умаливъ науку, инстинктъ

рода, искусство и общественность, какъ цѣнности относительныя, Мережковскій отказывается и отъ возможности существованія im ewigen Werden—въ колебаніяхъ, опытахъ и догадкахъ. Онъ помнитъ о Христѣ,—о единственномъ Человѣкѣ, который раскрылъ ужасающую антиномію любви и смерти, абсолютнаго утвержденія и абсолютнаго отрицанія бытія съ совершенной неотразимостью. Если Христосъ не воскресъ, продолжаетъ Мережковскій, то тщетна вѣра наша... И не только вѣра, но и надежда и любовь... Но Сына Человѣческаго нельзя не любить. Любить же—это значитъ утверждать волею абсолютное бытіе того, кого любишь, то-есть хотѣть его абсолютной побѣды надъ смертью—воскресенія. Любить Христа невоскресшаго значило бы утверждать волею абсолютное бытіе Того, кто этого бытія по свидѣтельству разума не имѣетъ. Такимъ образомъ, возможны два исхода: либо повѣрить разуму и согласиться съ буддійской метафизикой, съ идеей небытія, какъ послѣдней истиной; либо отвергнуть указанія разума и признать воскресеніе Христа.

Разсужденіе далеко не безукоризненное. Но не станемъ отвлекаться частностями; я откажусь даже отъ поправокъ, которыя необходимо внести въ понятіе „буддійской нирваны“, далекой по значенію своему отъ небытія. Послѣдуемъ за Мережковскимъ къ послѣднимъ его выводамъ.

Быть можетъ, фактъ воскресенія вовсе не противорѣчитъ разуму? Дѣйствительно; скептикъ отвергаетъ воскресеніе не потому, что самое понятіе физическаго воскресенія противорѣчитъ „законамъ чистаго разума“; законамъ разума оно представляется безразличнымъ; скептикъ основывается на опытномъ своемъ знаніи:

никто изъ мертвыхъ никогда не воскресалъ, а свидѣтельству горсти невѣжественныхъ галилеянъ онъ не вѣритъ*).

Но, во первыхъ, вѣроятность лжи со стороны галилейскихъ рыбаковъ и лживость большинства легендъ не есть прямое опроверженіе вѣсти о Воскресеніи Христа. Во-вторыхъ, безусловность сужденій разума ограничивается содержаніемъ, почерпнутымъ изъ данныхъ существующаго міропорядка; о содержаніи и предѣлахъ возможностей, скрытыхъ въ неизвѣстномъ будущемъ, опытный разумъ заключать не можетъ за отсутствіемъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ строитъ свои заключенія, т. е. именно опытныхъ данныхъ; онъ только знаетъ, что есть то, чего не было, будетъ то, чего нѣтъ. Не было органическаго состоянія матеріи—оно есть; будетъ-ли еще иное, дальнѣйшее, этого онъ знать не можетъ, не выходя изъ предѣловъ, которые полагаетъ ему разумъ критическій... Съ точки зрѣнія опытнаго разума, то, что человѣкъ могъ родиться, отнюдь не болѣе понятно и закономѣрно, чѣмъ то, что онъ можетъ воскреснуть, и переходъ изъ небытія довременнаго во временное бытіе земной жизни отнюдь не менѣе „сверхъестественъ", чѣмъ переходъ изъ временнаго бытія въ вѣчное бытіе Воскресенія.

Итакъ, противорѣчіе реальной возможности Воскресенія—опытному разуму кажущееся. На вопросъ о возможности Воскресенія критика познанія не могла бы дать ни утвердительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. А глубочайшая религіозная воля и высочайшее религіозное созна-

---

*) Здѣсь и ниже иныя утвержденія Мережковскаго переданы очень близко къ подлиннику, но въ виду упрощеній и сокращеній не отмѣчены знакомъ „", чтобы не пестрить текста.

ніе требуютъ и утверждаютъ не только идеальную возможность, но и реальную необходимость абсолютнаго торжества Всечеловѣческой Личности надъ смертью, какъ единственный выходъ изъ міровой антиноміи жизни и смерти. Или послѣдняя цѣль всего мірового процесса—небытіе, нирвана;—или Христосъ, воистину, воскресъ. Или нѣтъ никакого примиренія между волей, ищущей религіознаго смысла жизни въ любви, въ абсолютномъ утвержденіи личнаго бытія,—и человѣческимъ разумомъ, отрицающимъ возможность этого утвержденія при существующемъ порядкѣ міра;—или Христосъ, воистину, воскресъ. Или весь міръ—безуміе, проклятіе и хаосъ, и человѣкъ жертва этого безумія,—или Христосъ, воистину, воскресъ. *)

Слѣдующая, шестая, глава той-же статьи начинается словами:

„Но какъ могло человѣчество забыть благую вѣсть о Воскресеніи, потерять этотъ единственный путь спасенія?..“ **)

Итакъ, все уже свершилось: и разумъ, и религіозная воля признали воскресеніе Христа. Когда?

---

*) Стр. 14—16 Х-го тома. изд. Вольфа.

**) Ср. указанную выше статью о Мережковскомъ А. Бѣлаго изъ его „Арабесокъ“: „Особенно досадно превратное употребленіе Мережковскимъ термина „ноуменальный“; „міръ ноуменовъ“, въ точномъ смыслѣ этого слова (по Канту) есть міръ мыслимый, а не міръ существующій. Досадно также выраженіе „законы чистаго разума“, вмѣсто „идеи“; „законъ“ относимъ только къ опыту. Отсутствіе противорѣчія между закономъ разума и физическимъ воскресеніемъ у Мережковскаго основано на произвольномъ смѣшеніи терминовъ: „физическій міръ“, управляемый законами, продиктованными разсуждающимъ знаніемъ и „идея“ несоизмѣримы“; и т. д.

Повторяю то, чѣмъ началъ: религіозная воля Мережковскаго, его воля къ безсмертію могла признать это событіе воистину совершившимся, помимо разсужденій объ ограниченности опытнаго разума. Она могла и должна была декретировать основы своего оптимизма. Ограниченность же разума лучше бы было оставить неизмѣнной. Разуму доступно только „то, что есть“, да и послѣднее лишь отчасти. Онъ знаетъ, что, вѣроятно, сегодня есть то, чего не было вчера, и, вѣроятно, завтра будетъ то, чего не было сегодня. Чтобы перейти къ воскресенію Христа отъ столь не-юныхъ опредѣленій опытнаго разума, Мережковскому пришлось сдѣлать рискованный прыжокъ отъ аскетической, черной послѣдовательности къ вакхически-буйному произволу: „или нѣтъ никакого примиренія между человѣческой волей и разумомъ, или Христосъ воистину воскресъ“.

Но вѣдь именно первое или истинно: примиренія между человѣческой волей и разумомъ нѣтъ. Вѣрнѣе даже, такого примиренія и быть не можетъ. Вотъ случай, гдѣ пригодилась бы антиномія Христа и Антихриста—лишь безъ перспективы грядущаго соединенія несоединимыхъ, какъ ледъ и пламень, крайностей. Мережковскій добился успокоенія и права взять минорныя ноты начала шестой главы — неудачно инсценированнымъ пренебреженіемъ къ правамъ и обязанностямъ опытнаго разума, старой дурной привычкой къ незаконнымъ синтезамъ да туманящей умъ декламаціей фразъ, усиленныхъ словомъ или и заключенныхъ патетическимъ: „Христосъ, воистину, воскресъ“. Я вынужденъ отмѣтить еще одну погрѣшность. Обосновывая ограниченность опытнаго разума, которому дано знать лишь

„то, что есть“, и предполагать, что будетъ то, чего не было, Мережковскій отступаетъ даже отъ принятаго для этихъ идей шаблона, подкрѣпляя свои разсужденія явно-ошибочнымъ аргументомъ: величайшее открытіе самого же опытнаго разума—законъ эволюціи, говоритъ Мережковскій, обнаруживаетъ непостоянство каждаго даннаго мірового порядка и постепенные переходы міра отъ одного состоянія къ другому, отъ болѣе простого къ болѣе сложному, отъ настоящаго извѣстнаго—къ незвѣстному будущему... Слѣдуютъ примѣры перехода матеріи изъ неорганическаго состоянія въ органическое.

Итакъ, разумъ снова буйствуетъ подъ присмотромъ Мережковскаго, и буйствуетъ настолько упорно, что намъ трудно рѣшить, чья здѣсь вина: пастыря или овцы. Мы уже пришли къ соглашенію съ Мережковскимъ, что опытному разуму дано знать лишь то, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, завтра принесетъ нѣчто иное, чѣмъ принесло сегодня. Утверждать непостоянство каждаго даннаго мірового порядка, а тѣмъ паче постепенность переходовъ отъ одного состоянія къ другому, и—еще хуже—заявлять, что переходы эти ведутъ отъ болѣе простого къ болѣе сложному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному,—иными словами, учреждать законъ эволюціоннаго движенія—все это лишь свидѣтельствуетъ о грабительскихъ наклонностяхъ поступившаго на службу къ Мережковскому опытнаго разума.

Или Мережковскому не слѣдовало столь „точно“ опредѣлять компетенцію опытнаго разума; или слѣдовало установить наличность какого-либо особаго познавательнаго аппарата, стоящаго внѣ предѣловъ опытнаго разума и открывшаго въ дѣйствительности вліяніе за-

кона эволюціи; или же, наконецъ, эволюціонную теорію такъ же, какъ фактъ воскресенія Христа, слѣдовало назвать дѣтищемъ все той же оптимистической, религіозной воли къ вѣчному бытію. Мережковскій говоритъ объ эволюціонной теоріи, какъ о законѣ. Гипотезы, подобныя этой теоріи, носятъ у представителей науки скромное имя рабочихъ гипотезъ. Онѣ имѣютъ чисто служебное, вспомогательное значеніе—при группировкѣ добытыхъ опытнымъ знаніемъ фактовъ. Группировка эта совершается съ опредѣленными цѣлями—пріобрѣтенія большей гибкости и подвижности; удачная группировка, удачная рабочая гипотеза—залогъ новыхъ открытій, новыхъ вопросовъ и новаго ряда фактовъ. На бóльшую роль въ рукахъ ученыхъ эти гипотезы, да и самъ опытный разумъ, претендовать не смѣютъ. Очутившись въ рукахъ Мережковскаго, онѣ, какъ норовистые кони, сразу учуяли въ слабо натянутыхъ вожжахъ поблажку и понесли. Но дѣло не въ этой печальной случайности: жокеи говорятъ, что плохъ тотъ ѣздокъ, который не лежалъ въ свое время подъ конемъ. Дѣло въ томъ, что дурные задатки въ характерѣ опытнаго разума и обычная въ наше время чванливость эволюціонной гипотезы—сослужили Мережковскому не плохую, какъ слѣдовало ожидать, а хорошую службу, домчавъ его до вѣрной цѣли. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимся къ статьямъ „Послѣдній святой“ и „Отвѣтъ на вопросъ“.

„Послѣдній святой“, несмотря на искаженія и психологическую грубость, мастерски сдѣланная статья. Она наноситъ ударъ православію—конечно, въ томъ случаѣ,

если православіе не захочетъ отречься отъ мысли, что аскетизмъ имѣетъ исключительное значеніе въ религіозной жизни, и признаетъ, ослабляя напоръ Д. Мережковскаго и В. Розанова, что общественная жизнь и бракъ освящаются имъ. Въ заключеніе статьи Мережковскій очень кратко излагаетъ основу своего ученія, повторенную, вслѣдъ за тѣмъ, въ идентичныхъ выраженіяхъ въ „отвѣтѣ“ на запросъ „Mercure de France“: „присутствуемъ ли мы при разложеніи (dissolution) или развитіи (évolution) религіозной идеи въ современномъ человѣчествѣ? *)

Безконечное открывается конечному разуму не иначе, какъ по законамъ этого разума,—говоритъ Мережковскій; а глубочайшій изъ нихъ – законъ діалектическаго развитія, по которому совершенное соединеніе двухъ противоположныхъ началъ, синтезъ тезиса и антитезиса, не можетъ произойти прежде, чѣмъ не раскроется совершенная противоположность этихъ началъ. Всякая эволюція проходитъ черезъ три объективные момента, соотвѣтствующіе тремъ субъективнымъ моментамъ діалектическаго развитія: первый моментъ есть первое низшее интегральное единство, слитность противоположныхъ началъ; второй—ихъ разъединеніе, дифференціація; третій—послѣднее соединеніе, совершенная интеграція въ высшій эволюціонный типъ. Первый моментъ—тезисъ; второй—антитезисъ; третій—синтезъ. Этимъ тремъ моментамъ біологическаго и діалектическаго развитія соотвѣтствуютъ три момента религіозной эволюціи человѣчества. Первый—всѣ дохристіанскія религіи, отъ языческаго политеизма, до европейскаго монотеизма; ихъ

*) См. стр. 148—150 и стр. 153—155 X т., изд. Вольфа.

безсознательная основа—пантеизмъ, все—божіе, въ которомъ Pan, Все, не отдѣляется отъ Theos — Богъ; все въ Богѣ, Богъ—во всемъ, — безъ движенія, безъ динамическаго процесса. Второй моментъ—христіанство, нарушаетъ интегральное единство, дифференцируетъ и противополагаетъ субъектъ—объекту, личное—безличному. Третій и послѣдній моментъ религіозной эволюціи, моментъ, который именно теперь наступаетъ, есть откровеніе Духа, которое соединитъ откровеніе Отца съ откровеніемъ Сына. Религіи дохристіанскія—тезисъ; христіанство—антитезисъ; религія Духа—синтезъ. Первый завѣтъ — религія Бога въ мірѣ. Второй завѣтъ Сына—религія Бога въ человѣкѣ — Богочеловѣка. Третій завѣтъ—религія Бога въ человѣчествѣ—Богочеловѣчества.. Отецъ воплощается въ Космосѣ. Сынъ—въ Логосѣ. Духъ въ послѣднемъ соединеніи Логоса съ Космосомъ, въ единомъ соборномъ вселенскомъ Существѣ — Богочеловѣчествѣ. Для того, чтобы вступить въ третій моментъ, міръ долженъ окончательно выйти изъ второго момента; для того, чтобы вступить въ религію Духа, міръ долженъ окончательно выйти изъ религіи Сына: въ настоящее время въ кажущемся отреченіи отъ Христа это необходимое выхожденіе и совершается.

Независимо отъ формальныхъ логическихъ недочетовъ, здѣсь умѣстно напомнить Мережковскому слова Нитче о мыслителѣ, приходящемъ въ отчаяніе отъ того, что не только логичное, но и не-логичное бываетъ необходимо человѣку. Лишь слишкомъ наивные люди могутъ предполагать, что человѣческая природа когда-нибудь подчинится логикѣ. Знаетъ про это и Мережковскій. Такъ, о Розановѣ онъ разсказываетъ, что тотъ, признавъ Христа—Денницею, все же не отрекся отъ

Христа до конца. Розановъ смутно чувствуетъ, что, рѣшившись на этотъ шагъ, онъ провалится въ пошлость и скуку.

Я отказываюсь вложить конкретное содержаніе въ схему Мережковскаго. Думаю, что религіозному человѣку она дастъ поводъ, пожавъ плечами, вспомнить предостереженіе ап. Павла противъ умствованія мудрецовъ, которыхъ Богъ уловляетъ въ лукавствѣ ихъ. „Каждаго дѣло обнаружится; ибо день покажетъ; потому что въ огнѣ открывается, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть. У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду. А у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ; впрочемъ самъ спасется, но какъ бы изъ огня“. (Перв. посл. къ Кор.).

Съ точки зрѣнія христіанской догматики, врядъ ли допустимъ разрывъ, вносимый Мережковскимъ въ представленіе о Св. Троицѣ. Каждой слѣдующей ипостаси онъ подчиняетъ предыдущую, опредѣленно говоря о высшемъ эволюціонномъ типѣ. Ясно, что воплощеніе отца въ Космосѣ есть нѣчто болѣе грубое и элементарное, чѣмъ воплощеніе Св. Духа въ Богочеловѣчествѣ. Своеобразное искаженіе закона діалектическаго развитія приводитъ Мережковскаго къ идеямъ, которыя даже профану въ религіозныхъ вопросахъ представляются сомнительными. Для того, чтобы вступить въ третій моментъ, міръ долженъ окончательно выйти изъ второго. Другими словами: чтобы восторжествовала религія Духа, Христово христіанство должно погибнуть. Это утвержденіе предоставляетъ писателю огромныя выгоды: чѣмъ скорѣе пойдетъ вывѣтриваніе и разложеніе

христіанства, тѣмъ пламеннѣе будутъ надежды Мережковскаго на близость религіозной реставраціи. Мечтою добраго христіанина отнынѣ должна быть гибель христіанства, „второй ипостаси“.

Мы видѣли выше, какъ Мережковскій обосновываетъ эволюціонную теорію въ согласіи съ опытнымъ разумомъ. Въ статьяхъ десятаго тома мы находимъ эту теорію краеугольнымъ камнемъ его исповѣданія. Несомнѣнно, что не формулы панлогизма, а именно эволюціонная теорія вызвала къ жизни его ученіе. Какъ непонятна ограниченность воображенія современныхъ реставраторовъ религіи: вѣдь и художественный вкусъ и логика должны были подсказать имъ, что сочетаніе идеи прогресса съ религіозными пророчествами столь же бѣдно поэзіей, сколь и далеко отъ философіи. Что сдѣлается съ космосомъ, воплощеніемъ Бога—Отца, во второй половинѣ эпохи, которую Мережковскій назвалъ тезисомъ, когда Богу-Творцу придется, уступая мѣсто Логосу, на время уйти изъ предѣловъ созданнаго имъ міра? Какъ можетъ въ религіозной жизни міра, разлагающійся, самъ себя отрицающій тезисъ выдѣлить изъ себя діаметрально-противоположное своей сущности зерно, которое станетъ впослѣдствіи, послѣ смерти тезиса—антитезисомъ? Гдѣ скрыто это зерно и на чемъ оно прорастетъ? Какимъ образомъ случилось то, что процессъ эволюціи, принятый въ качествѣ гипотезы для матеріальнаго міра, чудесно совпалъ съ субъективнымъ моментомъ діалектическаго развитія и съ моментомъ религіозной эволюціи человѣчества? Впервые приходится столкнуться съ подобнымъ сочетаніемъ разнородныхъ элементовъ, утверждаемымъ такъ увѣренно въ сомнительномъ единствѣ.

И, наконецъ, послѣднее. Мережковскій утверждаетъ, будто безконечное можетъ открыться конечному разуму не иначе, какъ по законамъ этого разума. Глубочайшій же законъ разума, по Мережковскому, опять-таки законъ діалектическаго развитія.

Въ основаніи подобныхъ узаконеній лежитъ неизмѣнная привычка разсматривать познавательный аппаратъ, какъ нѣчто до послѣдней черты опредѣленное, именно, какъ „аппаратъ“, какъ машину. Такимъ же навѣки застывшимъ и всегда себѣ равнымъ представляется и безконечное. Противъ первой половины этого узаконенія говоритъ очень многое, какъ въ исторіи роста отдѣльныхъ личностей, такъ даже въ исторіи философскихъ ученій. Вторая половина, неподвижная кристалличность безконечнаго, не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута. Мережковскій мыслитъ безконечное неподвижнымъ: я же мыслю его вѣчно измѣнчивымъ. Кто правъ? Увидимъ. „У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду“, обѣщаетъ ап. Павелъ. И награду и неподвижность безконечнаго я охотно уступаю Мережковскому. Подчинять же безконечное закону, тяготѣющему надъ нашими способами познанія, независимо отъ величины обѣщанной за это награды, означаетъ сознательное ограниченіе своего земного кругозора. Есть нѣчто безнадежное въ мысли, что безконечное предпочитаетъ лучше популяризировать себя, перелагать свои тайны въ доступныя разуму формы, чѣмъ разрѣшить послѣдній отъ висящаго надъ нимъ, — вѣрнѣе призрачнаго, чѣмъ реальнаго — проклятья. Но можетъ быть само безконечное подчинено тому же закону? Мережковскій не говоритъ

ни да ни нѣтъ, хотя общее впечатлѣніе отъ его писаній таково, что начинаешь сомнѣваться въ свободѣ его безконечнаго начала. Пропасть между объектомъ познанія и субъектомъ его укрѣплена Мережковскимъ на вѣчныя времена. Но вѣдь подобное разграниченіе очень похоже на присвоеніе правъ, принадлежащихъ безконечному. Что, если, скрываясь до сего часа, подобно Эросу, лишь подъ кровомъ ночи дарившему Психеѣ свои божественныя ласки, безконечное вдругъ измѣнитъ своей склонности къ маскамъ и къ таинственности? Этого быть не можетъ, отвѣчаетъ Мережковскій: оно открывается конечному разуму не иначе, какъ по законамъ разума. Кто же нашепталъ Мережковскому это откровеніе? Оно добыто не діалектическимъ путемъ. Мережковскій не отвѣтитъ на нашъ вопросъ. Но отвѣтъ и безъ того ясенъ: подчиненіе разуму—„блудницѣ“, по выраженію Лютера,—подчиненіе традиціоннымъ идеямъ европейской будничной культуры привело Мережковскаго, несмотря на пророческую внѣшность его писаній къ религіозному вырожденію и недѣланію—къ злѣйшимъ врагамъ великаго духа религіозной пытливости.

Религія и лирика несвободной души.

(З. Н. Гиппіусъ).

I.

Ищу напѣвныхъ шопотовъ
Въ несвязномъ шумѣ,
Ловлю живые шорохи
Въ ненужной шуткѣ.
Закидываю неводы
Въ озера грусти,
Иду къ послѣдней нѣжности
Сквозь пыль и грубость.
Ищу росинокъ искристыхъ
Въ садахъ неправды,
Храню ихъ въ чашѣ истины,
Беру изъ праха.
Хочу коснуться смѣлаго
Чрезъ горечь жизни,
Хочу прорѣзать смертное
И знать, что живъ я.
Межъ цѣпкаго и липкаго
Скользнуть бы съ чашей.
По самой темной лѣстницѣ
Дойти до счастья.

Такъ опредѣляетъ З. Н. Гиппіусъ значеніе своего творчества въ малоудавшихся „Неумѣстныхъ риѳмахъ". Наиболѣе смѣлыя строки этой пьесы представляются мнѣ и наиболѣе вѣрными. Писательница, дѣйствительно, всегда закидывала свой неводъ въ озера грусти, а дорога ея къ „счастью" пролегла по самой темной лѣстницѣ. Однако, и стертые, вялые образы этого стихотво-

ренія имѣютъ особый, многое опредѣляющій смыслъ. Подборъ ихъ таковъ, что сразу и безъ колебаній убѣждаешься, что всѣ эти ищу, иду, ловлю относятся не къ лирикѣ несвободной души, а къ той религіи, за которой она погналась, чтобы обрѣсти свободу. Говорю это вовсе не въ укоръ. Есть писатели, которымъ нельзя обойтись безъ религіи, какъ хромому безъ костылей. Печально лишь то, что костыли стали для З. Гиппіусъ символомъ движенія, и что она отдала едва ли не всѣ свои творческія силы малоинтересному дѣлу пріисканія возможно-удобныхъ костылей. Подобно Д. Мережковскому, она раздѣлила міръ на двѣ неравныя половины. Въ одной—ищу, иду, нѣжность, любовь, жизнь, смыслъ. Въ другой—пыль, смерть, горечь, плѣнъ, цѣпкое и липкое. Въ одной—ея надежда и вѣра. Въ другой—паденія и раскаянія. По существу дѣла подобное раздѣленіе основаній не имѣетъ: разъ есть паденія и раскаянія, значитъ пыль и смерть любезны не одному только внѣшнему, навязанному поэтессѣ судьбою міру, но и ея душѣ. Литературному же дарованію З. Гиппіусъ это раздѣленіе принесло не мало вреда. Съ нимъ связаны едва ли не всѣ моменты ея творчества: и мечтательный пессимизмъ, и презрительная, злая скука, и чувство опустошенности. Вѣрованія свои З. Гиппіусъ излагаетъ наскоро, случайными словами, тусклымъ, притворно-трагическимъ голосомъ ненавидящей свое дѣло актрисы. Такимъ голосомъ вопитъ, вѣроятно, у Льва Толстого солдатъ, котораго сѣкутъ передъ строемъ подъ однообразно-укоризненную фразу ротнаго: „Солдатъ долженъ быть честенъ". Но, какъ это часто случается въ литературѣ, достоинства поэтессы растутъ на одномъ корню съ ея недостатками: когда скука и опустошенность перельются черезъ край,

и сухой, но по-своему требовательной душѣ станетъ невыносимо вѣчно жить съ собою и только съ собою, З. Гиппіусъ создаетъ превосходныя стихотворенія, ради которыхъ легко и охотно забываются всѣ ея прозаическіе грѣхи и несовершенства. Грѣховъ у нея накопилось не мало. Тягчайшій изъ нихъ—романы; разсказы—поменьше. Критическія замѣтки Антона Крайняго, иногда очень тонкія, чаще—сварливыя, даже не грѣхи, а грѣшки и будничная суета литератора-ремесленника. Дозволяетъ себѣ З. Н. Гиппіусъ и смѣшныя чудачества,—изъ тѣхъ, какія свойственны очень умнымъ, но и очень капризнымъ людямъ: къ чудачествамъ я отношу кокетливо убранныя нитчеанскія идеи первыхъ ея произведеній, притворно-наивную презрительность по отношенію къ долгу и не слишкомъ серіозную апологію лжи, о которой, какъ объ очень характерномъ явленіи иной человѣческой души, З. Гиппіусъ могла бы разсказать болѣе точно и внимательно... Къ чудачествамъ я вынужденъ отнести и ея разработку религіозно-общественныхъ вопросовъ, ея полуреволюціонный, полуханжескій плачъ о заблужденіяхъ русской интеллигенціи. Иной разъ поневолѣ пожалѣешь, что эта писательница позволяетъ себѣ говорить все и обо всемъ, и, вопреки преклоненію предъ идеями женской эмансипаціи, сочувственно вспомнишь нѣмую сцену въ любой крестьянской избѣ: баба вмѣшалась не въ свое дѣло, заговорила не объ ухватѣ, а о лошади; мужикъ молчитъ, точно не слышитъ; умолкаетъ и баба, сконфуженная своею безтактностью. Я слишкомъ люблю свободу, чтобы возводить въ принципъ грубое, мужичье обращеніе. Однако, въ исключительныхъ случаяхъ оно такъ кстати—и, конечно, для обѣихъ сторонъ.

Добрыхъ дѣлъ за З. Гиппіусъ количественно меньше, чѣмъ грѣховъ: двѣ небольшія книжки лирическихъ стихотвореній. Зато къ нимъ можно примѣнить поговорку: малъ золотникъ, да дорогъ. Если въ загробномъ мірѣ существуютъ развлеченія, подобныя нашимъ, З. Гиппіусъ сможетъ прочесть тамъ одинъ изъ своихъ разсказовъ, когда достигшія блаженства души захотятъ узнать самое стыдное дѣло, свершенное каждой на землѣ. Такъ разсказываетъ у Достоевскаго свои анекдоты злополучный Фердыщенко. Я говорю здѣсь, конечно, о безотносительной оцѣнкѣ разсказовъ З. Гиппіусъ: относительно они лучше многаго, что появляется на литературномъ рынкѣ въ наши дни. Но такъ какъ сама писательница, по стремленіямъ своимъ, хочетъ примкнуть къ тѣмъ представителямъ русской литературы, которые считали себя рожденными для большого дѣла, то и судить о ея произведеніяхъ слѣдуетъ, предъявляя къ нимъ самыя высокія требованія. Тѣмъ болѣе, что стихотворенія ея выдержатъ подобный искусъ. Насколько позволено объ этомъ знать современникамъ, ея лирика останется надолго въ сокровищницѣ литературы. Здѣсь Гиппіусъ—сама, одна, и такъ много благородства проявляетъ ея непреклонно-тоскующій духъ, не по-женски острый въ своихъ отрицаніяхъ. Съ величайшимъ вниманіемъ и любовью слѣдишь за непрекращающимся движеніемъ поэтессы, независимо отъ того, удача или неудача ждетъ ее въ той борьбѣ, которую она ведетъ сама съ собою. Большая половина ея существа отравлена настроеніемъ, выраженнымъ Ѳ. Сологубомъ въ четырехъ смѣлыхъ строкахъ:

Томительно молчитъ могила,
Раскрытъ напрасно смрадный склепъ,
И мертвый ликъ Эммануила
Опять ужасенъ и нелѣпъ.

Мнѣ кажется, что сама писательница оцѣниваетъ свои произведенія совершенно иначе. Она, должно быть, любитъ свою прозу, а къ поэзіи, сравнительно, равнодушна и о достоинствахъ ея судитъ больше съ чужихъ словъ. Расправиться съ Юрулей въ „Чортовой куклѣ" или написать десять невѣрныхъ и циничныхъ строкъ о бракѣ въ „Suor Maria" представляется ей дѣломъ, имѣющимъ по меньшей мѣрѣ общественное значеніе. Свою прозу она считаетъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ войти въ историческую жизнь Россіи. Понятно тогда ея равнодушіе къ лирикѣ. Тверда ея вѣра или нѣтъ—все равно невесело носиться изъ года въ годъ съ подобными вопросами:

Вѣрили мы въ невѣрное,
Мѣрили міръ любовью,
Падали въ смерть безъ ропота,
Радо ли сердце Божіе?
Зори встаютъ послѣднія,
Горе земли не изжито.
Сѣти крѣпки искусныя,
Чаша еще не выпита.
Сѣти невинныхъ спутали,
Дѣти земли обмануты.
Падали, вѣчно падаемъ...
Радо ли сердце Божіе?

Снова—„неумѣстныя риѳмы" (вѣрили—мѣрили, падали—радо ли). Я прибѣгаю къ нимъ не потому, чтобы считалъ этотъ опытъ удавшимся. Но, чтобы преодолѣть трудности новой, и столь ненужной, формы, писательница использовала содержаніе старыхъ и лучшихъ своихъ клише. Тѣ же мотивы она обрабатывала гораздо болѣе пѣвуче въ двухъ книгахъ чистой лирики. Но почему взяты именно эти клише, именно эти мотивы? Недо-

умѣнные и тоскующіе? „Зори встаютъ послѣднія, горе земли не изжито“. Это очень хорошо—этотъ темный переломъ отъ зрѣлости къ старости. Значитъ, восемь, а можетъ быть и всѣ десять лѣтъ неохристіанскихъ упованій З. Гиппіусъ не осилили томительнаго лейтмотива первоначальной упадочной лирики? Эта живучесть должна была бы смутить не слишкомъ стыдливый взоръ неохристіанства, но оно, къ сожалѣнію, не любитъ уступать присвоенныя цѣною всякихъ неправдъ позиціи. Можетъ быть, такъ и надо, такъ легче.

Упорная слѣпота неохристіанства вѣдь такая человѣческая слѣпота. И не намъ бороться съ нею, пока она не выходитъ за предѣлы лирики и художественной литературы вообще. Здѣсь, пожалуй, неумѣстно и грубое слово—ложь, и прощающее—слабость. Не будь слабости и лжи, что сталось бы съ литературой? И если можно упрекать писательницу, то лишь—за безкрылость, за недостаточную занимательность ея прозаической лжи, такой ничтожной передъ силою ея правдивой поэзіи. И еще одно: зачѣмъ она связываетъ поэзію и прозу общностью темъ и проповѣди? Мы предпочли бы знать двухъ ни въ чемъ не схожихъ писательницъ, носящихъ одно имя: прозаика—для идеально настроенныхъ подростковъ, и поэта—для взрослыхъ и умѣющихъ цѣнить поэзію взрослыхъ людей.

Прозаическія произведенія З. Гиппіусъ посвящены тѣмъ просвѣтамъ, тѣмъ минутамъ освобожденія, которыя приноситъ въ жизнь любовь, вѣра или природа. И наряду съ сантиментальными разсказами объ этихъ просвѣтахъ, она нашла въ себѣ мужество такъ просто и ясно написать, что никто не знаетъ, что значитъ слово—любовь. Можно разсмѣяться надъ этой фразой, отрицаю-

щей полдесятка томовъ, написанныхъ тою же рукою— но смѣхъ ничего не измѣнитъ: число томовъ растетъ, не теряетъ своего смысла и жестокое слово о нашемъ невѣдѣніи. Чтобы заполнить пропасть вокругъ послѣдняго, З. Гиппіусъ накопляетъ цитаты и уподобленія, заимствуя ихъ то у Надсона, то у Влад. Соловьева, то у Достоевскаго. То же и съ природой, которой З. Гиппіусъ въ стихахъ боится, а въ прозѣ прославляетъ, подмѣняя ее тѣмъ архаическимъ, хотя и подновленнымъ, представленіемъ, которое ведетъ къ сантиментальному пантеизму, уже знакомому намъ по произведеніямъ Д. Мережковскаго.

Отчего же случилось такъ, что въ разсказахъ З. Гиппіусъ нѣтъ ни значительности, ни волненія, свойственнаго ея поэзіи? Будь ея проза всего лишь разъясненіемъ и повтореніемъ затронутыхъ въ поэзіи темъ, этого одного было бы достаточно, чтобы сдѣлать ее интересной и необходимой.

Причинъ этой неудачи слѣдуетъ искать не въ прирожденныхъ свойствахъ писательницы, а въ ея замыслахъ. Ей захотѣлось скрыть въ прозѣ тѣ усилія воли, которыхъ стоитъ ея религіозная лирика, захотѣлось показать, что идеалы такъ близки и доступны, что и задумываться надъ ними нечего: они тутъ, подъ руками и достаются всякому, кому не лѣнь протянуть за ними руку. Любовь? Конечно, будетъ любовь, дайте лишь зацвѣсти яблонямъ и загоните чувственность внутрь, чтобы она вѣчно васъ тревожила, не находя исхода. Надежды? Онѣ здѣсь, и вѣчно съ нами, а тому, кто ихъ не замѣтилъ, еще можно воротиться къ прилавку и за сходную цѣну купить ихъ, и на сегодня, и на завтра, и впрокъ. Безсмертіе? Какъ обойтись безъ безсмертія! Оно дается даромъ, стоитъ

лишь попросить хорошенько щедраго хозяина этого страннаго торговаго дома, гдѣ священные предметы культа смѣшаны съ овощами и туалетными принадлежностями, и гдѣ человѣческія надежды, какъ битая птица, печально свѣсили свои окровавленныя головки.

Въ аѳинскомъ Акрополѣ стоитъ почти нетронутый временемъ храмъ Побѣды безкрылой: аѳиняне лишили Нике едва ли не самаго значительнаго изъ ея аттрибутовъ—крыльевъ—затѣмъ, чтобы богиня навсегда осталась у нихъ. Во имя купеческой расчетливости они попытались задушить божественное своеволіе... Аѳинскіе купцы согрѣшили не первые и не послѣдніе. Нике—только символъ. Дѣйствительной побѣдѣ крыльевъ не связать, и не заключить ее насильно въ своемъ дому: примѣръ—исторія тѣхъ же Аѳинъ. Но надежду на побѣду, вообще всякую надежду, люди привыкли обезкрыливать и приковывать къ дверямъ, какъ сторожевого пса. Съ любовью случается то же, что и съ побѣдой или съ надеждой на нее. Лишенная крыльевъ, она умираетъ, превращаясь въ глыбу померкшаго камня. Она не терпитъ сосѣдства всевозможныхъ выгодъ и не хочетъ быть низведенной до званія пути, до званія средства, посредницы между земнымъ и небеснымъ. Она любитъ не только миловать, но и казнить—виноватыхъ и невинныхъ равно. Казнь и награду слѣдуетъ принимать изъ ея рукъ со смиреніемъ и чистотой безкорыстія. Не даромъ трагическое творчество такъ охотно ставитъ смерть рядомъ съ любовью, а обыденность—неудачи рядомъ съ надеждами.

Не любя идилліи, З. Гиппіусъ только къ ней и стремится, и, не умѣя ея дать, останавливается на полудорогѣ между цинизмомъ и ханжествомъ, и между тревогой творца и лукавствомъ идолопоклонника, только

что принесшаго своему божку обильныя жертвы. Подобно аѳинскимъ расчетливымъ купцамъ, она приковываетъ на цѣпь сначала любовь, потомъ природу и полъ, затѣмъ свой „огненно-ясный разумъ“, а затѣмъ и смерть. Уже Н. К. Михайловскій отмѣтилъ въ ней эту черту. „Ее тянетъ“, писалъ онъ, „ко всему таинственному, необъяснимому, неясному, и ей хочется и читателю своему внушить почтеніе къ этимъ туманамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она чрезвычайно торопливо и въ высшей степени антихудожественно раскрываетъ свои неясности“. Михайловскій презиралъ то, что̀ окрестилъ здѣсь кличкой „туманы“, но даже онъ вступается за темы З. Гиппіусъ передъ антихудожественнымъ ихъ разрѣшеніемъ.

Апокалипсисъ и нѣкоторыя произведенія Достоевскаго поработили З. Гиппіусъ, какъ и Д. Мережковскаго, грандіозностью перспективы. Когда нужно изобразить любовь, З. Н. Гиппіусъ стилизуетъ „Идіота“. Когда нужно осудить современниковъ, помогаютъ „Бѣсы“. Въ концѣ же концовъ, Духъ обѣщаетъ дать побѣждающему бѣлыя одежды—область пророчества. Послѣднія крупныя произведенія Гиппіусъ, „Чортова кукла“ и „Романъ-Царевичъ“, возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ „Бѣсовъ“. Слишкомъ тѣсная, слишкомъ формальная зависимость писательницы отъ великаго учителя, какъ и у Д. Мережковскаго, убиваетъ самостоятельность ея наблюденій. Идя въ науку къ Достоевскому и къ автору откровеній, не мѣшало бы усвоить одну, имъ обоимъ свойственную, черту—огромность, монументальность замысла и исполненія. Достоевскій иногда тоже погрѣшалъ, но лишь въ исполненіи. Если же монумен-

тальность вовсе не дается писателю, безтактно и смѣшно, когда онъ упорствуетъ и строитъ садовыя бесѣдки въ стилѣ, приличномъ дворцу или собору. И въ „Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ“ и въ „Запискахъ изъ подполья“ впечатлѣніе достигается планомъ цѣлаго, его устремленіемъ, его силой, а не украшеніями отдѣльныхъ частей зданія. Иначе поступаетъ З. Гиппіусъ. „Вотъ такъ живутъ новые люди“, говоритъ она и показываетъ „новыхъ людей“. Такъ тоскуютъ люди, не умѣющіе по-христіански отпраздновать Пасху — и представляетъ ихъ тоску. Вотъ босякъ, и босякомъ онъ сталъ потому, что не понималъ, что такое любовь—и впрямь передъ нами босякъ, соблазнитель и фатъ.

У Достоевскаго всякая трещина разсѣкаетъ и скашиваетъ все зданіе, вызывая мысль о землетрясеніи; она ни за что не завьется паутиной узора, который можно закрасить и скрыть широкимъ мазкомъ идеалистическихъ бѣлилъ. Достоевскій не знаетъ ничтожнаго.

З. Гиппіусъ, стремясь подражать Достоевскому, не умѣетъ пользоваться суровыми линіями и не знаетъ законовъ пропорціональности частей и цѣлаго. Она размѣнивается, влагая основныя свои идеи въ уста ничтожныхъ людей, легко справляется съ еще болѣе ничтожными противниками; придаетъ описаніямъ платья, комнаты или чьихъ-нибудь рукъ черты чрезмѣрной значительности. Когда опредѣленное явленіе нужно назвать „вселенскимъ“, она не брезгуетъ и фальшивымъ параллелизмомъ (Миссъ Май и Suor Maria)... Писатели, одаренные бѣднѣе, чѣмъ З. Гиппіусъ, какъ Иванъ Бунинъ или Борисъ Зайцевъ, даютъ русской литературѣ много больше ея. Имъ помогли тактъ, осторожность и готовность ограничиться посильными задачами. З. Гиппіусъ не

чувствуетъ, что нельзя къ словамъ Апокалипсиса: „...И клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ, Который сотворилъ небо и все, что на немъ, и землю и все, что на ней, и море и все, что въ немъ, что времени больше не будетъ“—что нельзя къ этимъ словамъ пришивать веселенькій ситецъ дѣтски-неубѣдительной и банальной сказки: „Очень далеко на сѣверѣ жила принцесса Бѣлая Сирень. Принцесса жила въ большомъ красивомъ саду. Въ немъ не было другихъ деревьевъ, кромѣ сиреневыхъ, даже павильонъ посрединѣ сада былъ выстроенъ изъ стволовъ сирени, а мебель внутри павильона стояла только бѣлая и свѣтло-лиловая“. И лиловая мебель и павильонъ стыдливо провалятся сквозь землю при первой же трубѣ архангела. Но куда скрыть эту вереницу влюбленныхъ кузеновъ и кузинъ, живущихъ подъ сѣнью библейскаго эпиграфа: „Солнце, остановись“? Что дѣлать съ гимназистами и гимназистками, приказчиками и монахами, свѣтлыми дѣвами и злыми мальчишками, слишкомъ нелѣпыми для обычной, здоровой, земной жизни и слишкомъ ничтожными для того, чтобы оторваться отъ нея и творить новое? З. Гиппіусъ неизмѣнно берется за огромныя, требующія совершенныхъ словъ и образовъ задачи. Таковъ „Алый мечъ“ съ преждевременнымъ воскресеніемъ Христа, и очень мило задуманныя „Небесныя слова“, и окончательно неудавшаяся послѣдняя книга разсказовъ „Лунные муравьи“. Ей кажется, что словцомъ, заглавіемъ, умѣло расправленными складками бѣло-розоваго платья героини можно міръ перевернуть. Оттого и происходитъ, что ея художественный интересъ прилѣпился къ внѣшней, показной сторонѣ искусства.

„Что мнѣ въ этихъ трескучихъ фразахъ,—говоритъ

влюбленный въ таинственную „новую“ женщину музыкантъ,—гдѣ я такъ быстро перебираю пальцами, и всѣ удивляются и хвалятъ меня? Когда же я смогу сыграть то, что слышу часто, и что ускользнетъ отъ меня? Если сумѣю, если найду, то все сразу измѣнится, и буду одно чувствовать съ тѣми, кто слушаетъ. Мы вмѣстѣ будемъ плакать, потому что оно пройдетъ не мимо, а задѣнетъ, зацѣпитъ самое тайное, самое глубокое, одно для всѣхъ. Да, мы будемъ плакать; а потомъ... потомъ все равно, ну, умремъ. Все равно... Я зналъ, что пока я самъ не чувствую—ничего не будетъ; и вѣрилъ безъ сомнѣній, что если придетъ ко мнѣ—то и ко всѣмъ придетъ, кому я буду „говорить“. Я всегда, вмѣсто „играть“, употреблялъ мысленно выраженіе „говорить съ людьми“.

Таковы силы и цѣли искусства. Музыкантъ, произносящій эту рѣчь, располагаетъ всѣми данными, чтобы быть глашатаемъ истины: онъ юнъ; онъ очень любитъ свою мать; онъ надоѣдливо твердитъ о томъ, что онъ—чистый: и наконецъ, онъ влюбленъ въ „новую женщину“, и вовсе не какъ-нибудь грѣшно влюбленъ, а любитъ въ женщинѣ природу, въ природѣ—женщину, и въ той и въ другой любитъ—в с е. Поэтому ему дано право говорить заповѣдями, которымъ и сама З. Гиппіусъ остается вѣрной въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Музыкантъ ни единымъ намекомъ не указываетъ на то, ч т ó онъ слышитъ, к а к о в ó это услышанное, но что „будемъ вмѣстѣ плакать“ — а потомъ кокетливо и глуповато скажемъ: „ну, все равно, ну, умремъ“—это-то онъ знаетъ навѣрное... Данное З. Н. Гиппіусъ опредѣленіе искусства отравляетъ не только интересъ, но и довѣріе къ нему. Ея опредѣленіе напоминаетъ мнѣ невинно-безстыдную фразу теософа, счи-

тавшаго, что проникнуть въ „астральный міръ“ такъ же вѣрно и просто, какъ проѣхать въ поѣздѣ прямого сообщенія изъ Петербурга въ Парижъ и обратно. З. Н. Гиппіусъ въ такой степени удовлетворилась формулой своего музыканта, будто извозчикъ-искусство довезетъ, куда надо, что распространила ее и на религію, и на философію, и на общественную жизнь. Обратившись къ критическимъ статьямъ Антона Крайняго, мы увидимъ, какъ она обсуждаетъ уходъ бывшаго декадента Александра Добролюбова и его замѣчательный разрывъ съ культурой, литературой и привычными условіями жизни. „Онъ углубилъ одиночество, создалъ для своей внутренней судьбы соотвѣтственную внѣшнюю судьбу— ушелъ въ аскетизмъ. Если говорить проще и прямѣе, то будетъ такъ: люди нашего времени отчаиваются и гибнутъ—иногда сознательно, иногда безсознательно— потому что нельзя человѣку жить безъ Бога. А Бога мы потеряли и не находимъ. Религіи отреченія, аскетизма, одиночества противится наше углубившееся сознаніе, которое видитъ, что въ природѣ человѣческой рядомъ съ желаніемъ Бога лежитъ желаніе жизни, и мы хотимъ религіи, которая бы оправдала, освятила, приняла жизнь. Религіи не одиночества, а общенія, соединенія многихъ—во имя единаго. Но сознаніе наше все-таки еще слабо, и потому мы, хотя и мучительно хотимъ общенья, хотимъ высказать свое людямъ, создать святость—не умѣемъ слушать другихъ, подать имъ знакъ во-время, спасти ихъ и себя“.

Легкомысленная небрежность въ умозаключеніяхъ влечетъ за собою безсиліе языка: „внутренняя судьба“, „внѣшняя судьба“, „мы будемъ плакать, потому что оно пройдетъ не мимо, а зацѣпитъ, задѣнетъ

самое тайное, самое глубокое, одно для всѣхъ“, „создать святость“—всего больше похоже на неловкій переводъ съ нѣмецкаго.

Форма дневника очень изящна и даетъ большую свободу. Тѣмъ опаснѣе она для слабо дисциплинированныхъ талантовъ. Въ дневникѣ, какъ въ письмахъ и эскизахъ, наиболѣе отчетливо обнаруживаются подлинные интересы писателя, то, что́ онъ видитъ, и какъ видитъ. Дневникъ поѣздки З. Гиппіусъ на „Свѣтлое озеро“ интересенъ еще и потому, что то была единственная прогулка ея въ народъ. Писательница отправилась на свиданье съ народомъ съ тѣмъ немного смѣшливымъ, немного боязливымъ и жеманнымъ любопытствомъ, съ какимъ институтки старшаго класса ходятъ на кухню—въ первый разъ въ жизни взглянуть на сырое мясо, узнать, что сырое мясо вообще какъ-то существуетъ. Разница лишь въ томъ, что З. Гиппіусъ отправилась во всеоружіи идей, съ готовностью судить и мѣрить, измѣнивъ первому долгу писательскому—любви къ натурѣ. „Боже мой! Правда ли, что есть гдѣ-то желѣзныя дороги? А нашъ ковчегъ—не бричка ли Чичикова? Вотъ Чичиковъ навѣрно видалъ всякія дороги. Онъ изъѣздилъ всѣ, ища мертвыхъ душъ. Найдемъ ли мы хоть одну живую?“ Однако, дѣйствительность разсѣяла всѣ опасенія путешествующей писательницы. Оказалось, что у народа—tout comme chez nous, что народъ мыслитъ совсѣмъ, какъ мы. „Бесѣда продолжалась, заговорили о концѣ міра, о второмъ пришествіи. Радуются, понимаютъ съ полуслова нашъ неумѣлый, метафизическій, книжный языкъ, помогаютъ

намъ, переводятъ на свой, простой. Обо всемъ, о чемъ мы думали, читали, печалились—думали и они у себя, въ лѣсу, и, можетъ быть, глубже и серьезнѣе, чѣмъ мы. Но имъ легче, ихъ много, они вмѣстѣ,—а мы—немногіе живемъ среди толпы, которая встрѣчаетъ всякую мысль о Богѣ грязной усмѣшкой, подозрѣніемъ въ ненормальности или... даже нечестности... Намъ вспомнились „интеллигенты“, идущіе къ „меньшимъ братьямъ“, занятые тѣмъ, чтобы одѣться, „какъ, они“ ѣсть, „какъ они“, рубить дрова, „какъ они“, и вѣрящіе, что это путь къ „сліянію“. Думая, что думаютъ о „духѣ“ — думаютъ они о „брюхѣ“ народа, прежде всего, и влечетъ ихъ не любовь, а жалость. Жалость и любовь раздѣлены непереходной пропастью. Онѣ враги“.

Опровергать сдѣланную З. Гиппіусъ характеристику революціонной интеллигенціи я не стану. Клеветать писательница, конечно, не хотѣла, но отъ невольной клеветы не убереглась. Къ этому естественно привели излюбленные ею въ критическихъ статьяхъ, да и въ разсказахъ, пріемы подчеркиванья, подмигиванья и искаженія. Не могъ я разобраться и въ томъ, съ какимъ именно толкомъ раскольничьимъ удалось сговориться З. Гиппіусъ и ея неутомимому спутнику. Вѣдь не со всѣми же? „Скажутъ, какой это „народъ“ здѣсь на озерѣ? Маленькая кучка начетчиковъ и „сектантовъ“... И пусть это и не „народъ“. Часть народа во всякомъ случаѣ. Часть, обращенная къ намъ той единой точкой, въ которой возможно соприкосновеніе всѣхъ живыхъ людей безъ различія,—возможно истинное сліяніе. И эта одна точка—все. Истокъ всего. Жива она—все остальное приложится, можетъ приложиться. Такъ освѣщается вся темная комната, когда конецъ

тонкой проволоки прикоснется къ другому узкому концу“.

Только привычною небрежностью можно объяснить появленіе этихъ строкъ въ печати—въ такой степени компрометируютъ онѣ серьезность замысловъ З. Гиппіусъ и ея единомышленниковъ. Увеселительной поѣздкѣ въ ветлужскіе лѣса захотѣлось придать оттѣнокъ миссіи, и—ужъ коли ѣхать, такъ ѣхать—только одинъ шагъ отдѣляетъ насъ отъ мірового переворота. „Эта одна точка—толпа согласныхъ съ мнѣніями писательницы о второмъ пришествіи начетчиковъ—все. Истокъ всего. Жива она—все остальное приложится, можетъ приложиться. Такъ освѣщается вся темная комната, когда конецъ тонкой проволоки прикасается къ другому узкому концу“. Или, говоря „прямѣе и проще“: З. Н. Гиппіусъ и группа единомышленныхъ съ нею раскольниковъ призваны принести свѣтъ міру. З. Н. Гиппіусъ будетъ излагать эти спасительныя идеи въ книгахъ, а раскольники, какъ тридцать тысячъ курьеровъ, разнесутъ ихъ по Россіи на зло „грязнымъ усмѣшкамъ и подозрѣніямъ въ ненормальности“ образованной матеріалистической толпы. Вотъ это и называется сліяніемъ съ народомъ при посредствѣ любви, а не презрѣнной, интеллигентской жалости...

Каюсь: слишкомъ въ серьезъ принялъ я только-что приведенныя мечтанья талантливой поэтессы. Она вовсе не настаиваетъ на нихъ: ее соблазнилъ лишь презрительный жестъ въ сторону „не вѣдающей, что она творитъ“, интеллигенціи и право пройтись съ высоко поднятой головой мимо раздраженныхъ противниковъ..

Дѣйствительно, „Свѣтлое озеро“ вызвало въ свое время не мало излишней досады. А между тѣмъ, наиболѣе правильное отношеніе къ общественно-философскимъ и религіознымъ идеямъ писательницы — добродушное: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось; вѣдь всѣмъ извѣстна столько разъ наблюденная кровная связь наивной дѣтскости и самыхъ возвышенныхъ сторонъ поэтическаго характера. Религіозно-общественная полемика З. Гиппіусъ—поэтесса вообще слишкомъ много полемизируетъ—раздражаетъ сейчасъ только потому, что не осталась одиночнымъ явленіемъ и перестала быть смѣшною странностью умнаго, даровитаго и тонкаго человѣка: Гиппіусъ—одна изъ стаи славной людей, чувствующихъ себя въ правѣ указывать, какими путями должно итти общественное возрожденіе Россіи. Какъ художники и литераторы, какъ люди большой культуры, они, вмѣстѣ съ З. Гиппіусъ, достойны всяческаго уваженія. Но имъ не мѣсто быть на полѣ сраженія. Здѣсь они не больше, какъ военные корреспонденты, къ несчастью для себя и для своихъ сосѣдей, вообразившіе, что именно имъ дано направлять ходъ кампаніи и предсказывать, на чьей сторонѣ окажется побѣда. И одна изъ текущихъ задачъ русской критики состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы отвадить непризванныхъ отъ легкомысленной проповѣди, фантастическихъ лозунговъ и ни къ чему не обязывающихъ литературныхъ выступленій. Давно пора, чтобы „пустые покупатели“ поскорѣе „отвалились“ отъ Ермилиной мельницы... Недаромъ вѣдь на войнѣ принято посылать добровольцевъ подъ первыя пули. Какъ литературное „пушечное мясо“—З. Гиппіусъ и ея единомышленники еще терпимы, но въ рядахъ ихъ оставлять небезопасно: сомнутъ, смѣшаютъ

ряды, превративъ неизбѣжное въ трудную минуту отступленіе въ безпорядочное бѣгство.

Дѣло совѣсти каждаго изъ насъ, пришедшаго въ міръ въ одну изъ роковыхъ его минутъ, безошибочно и разъ навсегда опредѣлить свое отношеніе къ ходу событій и свое мѣсто—все равно, въ рядахъ ли, или въ тылу, или на передовыхъ позиціяхъ. Вѣдь не мѣсто человѣка красить, а человѣкъ мѣсто. Но, разъ избравъ его, нужно пребыть вѣрнымъ и нужно знать, что слово и дѣло—одно, что смолчать—не грѣхъ, а крикнуть не во-время да не про то въ иной часъ бываетъ позорно. Нехорошо уже и то, что въ эти дѣла личной совѣсти приходится замѣшивать постороннихъ судей—критику. Подлежащіе сейчасъ ея суду должны бы сами знать, что имъ можно и чего нельзя. Стѣна, которой когда-то отгородились отъ общественной жизни бывшіе декаденты и эстеты, разрушена ими же. В. Брюсовъ далъ намъ свой сильный „Кинжалъ", „Гдѣ вы, грядущіе гунны", и нѣсколько менѣе сильныхъ вещей. Ѳ. Сологубъ по своему преломилъ „событія". К. Бальмонтъ и Н. Минскій провели годы и годы въ изгнаніи. Но ни одинъ изъ только что упомянутыхъ поэтовъ, кромѣ З. Гиппіусъ, не потерялъ равновѣсія, не преувеличилъ своихъ силъ и своего общественнаго значенія.

Есть въ первомъ томѣ прозы З. Гиппіусъ разсказъ „Простая жизнь", таящій намеки на совершенно иную, спокойную и сосредоточенную манеру письма. Къ сожалѣнію, дальше двухъ-трехъ подобныхъ опытовъ писательница не пошла. Очень можетъ быть, что, если бы она родилась въ болѣе созерцательное, менѣе бурное время,

ея дарованіе нашло бы для себя подходящую почву и соотвѣтствующіе ему интересы. Случилось иначе,— и мы должны отвергнуть большую половину написаннаго ею. Чтобы показать, что̀ могла дать З. Гиппіусъ въ прозѣ, приведу отрывокъ, гдѣ такъ свободно и искренно-легко она переходитъ отъ самаго, казалось бы, для нея главнаго — трудовъ отшельника „отца Софонтія", къ еще болѣе главному—къ лѣсному букету яркой гвоздики и блѣдныхъ лиловыхъ цвѣтовъ. Такъ плѣнительно поженски она забываетъ о первомъ—ради вторыхъ, и въ легкости ея забвенія нѣтъ ни кощунства, ни позы, напротивъ: неожиданно выступаетъ свое, особое, тайное благочестіе. „Парило; солнце такъ и падало на плечи. Прошли мимо колодца, который своими руками выкопалъ Софонтій. Здѣсь онъ спасался, здѣсь же и принялъ вольную кончину, ради вѣры—сжегъ себя въ срубѣ. Отойдя нѣсколько саженей, вспоминаю о своемъ лилово-красномъ букетѣ". Ни жеста, ни остановки—ничего: не видящіе, обращенные къ своему, внутреннему, вольно переходящіе отъ „сжегъ себя въ срубѣ" къ „лилово-красному букету" глаза. „Надо было оставить на могилѣ. Вѣдь это его цвѣты, съ его поляны. Спутникъ мой уже далеко, но я возвращаюсь. Съ трудомъ отмыкаю калитку, потомъ тяжелыя двери могилы. Цвѣтамъ хорошо въ прохладной мглѣ, около темной иконы Богоматери".

Въ томъ же дневникѣ поѣздки на „Свѣтлое озеро" мы находимъ замѣчанія, которыя любопытно сравнить съ общимъ направленіемъ лирики З. Гиппіусъ.

—„Хорошо,—говоритъ мой спутникъ,—но если вы признаете, что безъ Евхаристіи нельзя спастись, то какъ

же быть? Вѣдь почему-нибудь не совершаете вы ея себя?—А мы еще не осмѣливаемся,—тихо и серьезно отвѣчалъ Иванъ Игнатьевичъ. Въ его серьезности и строгость, и надежда, и правда. Дмитрія Ивановича я пытаюсь убѣдить, что въ исключительной „духовности“ есть демоничность, ибо только „духъ“, „даймонъ“, плоти и костей не имѣетъ, вполнѣ „духовенъ“... Замѣчательно, что „духовность“ приводитъ къ раціонализму. Всѣ духовныя секты—секты раціоналистическія“.

Если отвлечься отъ частностей и взглянуть лирикѣ З. Гиппіусъ въ глаза, какъ человѣку, станетъ ясно, что она, подобно раскольникамъ, лишила себя „Евхаристіи“, т. е. акта, движенія, по мнѣнію однихъ, символически, по мнѣнію другихъ, реально свидѣтельствующаго о нашей связи съ Высшими Силами, иначе говоря—о томъ, что тлетворная дисгармонія нашего и всеобщаго бытія разрѣшена. И, правда, въ серіозности ея самоограниченія есть „и строгость, и надежда“. „Духовность“, которую, ради стройности своего ученія, Д. Мережковскій давно уже нарекъ демонической, вопреки всѣмъ усиліямъ З. Гиппіусъ, облекаетъ ея глазъ, какъ роговая оболочка; она воспринимаетъ все—черезъ „духовность“, и не можетъ иначе воспринимать. Демонизмъ это или нѣтъ, ей и подумать не приходится. Вступается ли она за дьявола, или разсказываетъ, какъ дьяволъ опуталъ сѣтями людей, или жалуется на то, что ея собственная душа суха и колюча, какъ сосновыя иглы—ея подходъ къ себѣ и къ міру всегда одинъ и тотъ же: идеалы чистоты, цѣльности и гармоніи владѣютъ ею, при томъ идеалы эти незамѣтно для поэтессы вытягиваются, расплываются, захватываютъ все шире границы бытія не затѣмъ, чтобы помочь бытію въ себѣ утвер-

диться, а затѣмъ, чтобы себя надъ бытіемъ и вокругъ него утвердить. Это ли не крайній предѣлъ самой раціоналистической „духовности“? Хорошо ли это, или плохо—судить не берусь. На мой вкусъ, З. Гиппіусъ направила свои силы не въ ту сторону, гдѣ возможна наиболѣе заманчивая добыча. Но таковъ только приговоръ личнаго вкуса. Стóитъ отвлечься отъ себя и увидѣть Гиппіусъ, какъ становится понятнымъ, что ей необходимы и ея духовность, и раціонализмъ, и жадные, опустошительные набѣги ихъ на бытіе. З. Гиппіусъ порою страшно, порою она побѣждаетъ. Цѣли этой игры намъ понять не дано, но если человѣческое имѣетъ смыслъ,—въ этой игрѣ достигнуто наибольшее возможное напряженіе въ его сторону.

Предутренній мѣсяцъ на небѣ лежитъ,
Я къ мѣсяцу ѣду, снѣгъ чуткій скрипитъ.
На дерзостный ликъ я смотрю неустанно,
И онъ отвѣчаетъ улыбкою странной...
И странное слово припомнилось мнѣ,
Я все повторяю его въ тишинѣ...
Печальнѣе мѣсяца свѣтъ, недвижимѣй,
А кони быстрѣе и неутомимѣй—
Скользятъ мои сани легко, безъ слѣда,
И я все твержу: никогда, никогда!
О ты ль это слово, знакомое слово?
Но ты мнѣ не страшно, боюсь я иного...
Не страшенъ и мѣсяца мертвенный свѣтъ.
Мнѣ страшно—что страха въ душѣ моей нѣтъ.
Лишь холодъ безгорестный сердце ласкаетъ,
А мѣсяцъ склоняется и умираетъ.

Что бы ни написала З. Гиппіусъ послѣ этой вещи, мы знаемъ: даромъ подобные опыты не проходятъ. Здѣсь воздухъ разрѣженъ, и бѣгъ саней уже не оставляетъ

слѣда на снѣгу. Мѣсяцъ, слово, страхъ, я—все стало призрачнымъ. Только „тайна лунная“ сплетаетъ „безструнную музыку“, убѣдительную и яркую, несмотря на холодъ, безнадежность и муку.

Въ началѣ своей дѣятельности, когда ни христіанство, ни общественность не имѣлись въ виду, Гиппіусъ сознательно останавливалась на тѣхъ моментахъ человѣческой жизни, когда общественныя связи рвутся и начинается свой, отдѣльный путь. „Новые люди“, „Зеркала“, отчасти и третья книга ея разсказовъ свидѣтельствуютъ о склонности писательницы къ непонятымъ, огорченнымъ, одинокимъ людямъ. Близость къ чудесному и тоска считались въ то время признаками значительности. Общество и общественное—символами пошлости. Земля, прекрасная только въ минуту перваго цвѣтенія, значительная только осенью, въ умираніи,—опутываетъ тысячью безсмысленныхъ, мертвящихъ путъ. Семья и бытъ—враги человѣку. Только влюбленность, уводящая отъ быта, можетъ дать подлинную связь съ ближнимъ. Но и влюбленность не отъ міра сего. Она приходитъ, какъ вѣстникъ другой страны, а уйти за нею нельзя. Иногда смерть разоряетъ гнѣзда благополучія. Но бытъ вездѣ и всегда гаситъ попытки движенія. Свѣтлый часъ издали представляется глупымъ сномъ. Дѣти и влюбленные приходятъ къ сознанію реальной связи между собою и міромъ, „я и ты одно“, говорятъ они, „все—Божье, и люди Божьи, Господня земля и что наполняетъ ее“, но въ нихъ же самихъ находятся уклоны къ разрыву.

Вниманіе къ столкновеніямъ „прекрасной души“ и „прекраснаго мига“ съ повседневностью могло бы далеко

завести Гиппіусъ и безконечно затруднить ей доступъ къ христіанству, если бы она внесла въ свою работу другіе пріемы. Она лишила свои „прекрасныя души“ упорства, искусственно остановивъ ихъ ростъ. Она изолировала опредѣленную черту въ нихъ, какъ можно растенie пересадить изъ парника на отдѣльную гряду, и точно такъ же изолировала разлагающую силу повседневности, остановивъ ея набѣги. Прекрасная душа и повседневность застыли, каждая отдѣльно. Конфликтъ разрѣшался въ сказкѣ, въ выдумкѣ о миссъ Май, или о полетахъ вѣдьмы, въ воспоминаніи или благомъ обѣтѣ, какъ въ Suor Maria, въ случайной смерти или самоубійствѣ. Борьба не переносилась внутрь, а подыскивался способъ устранить ее. Заклинаніе, формула считались достаточно сильными, и, хотя въ яви все остается на своихъ мѣстахъ, довѣріе писательницы къ заклинаніямъ стало такъ велико, что опредѣлило весь дальнѣйшій ростъ ея убѣжденій: нужно найти спасительную формулу, и все будетъ хорошо.

„Прекрасная душа“ была одинока, и потому слаба. Повседневность душила людей порознь. Полагаться на собственныя силы безумно. Таковы выводы изъ опыта прошлыхъ лѣтъ. Нетрудно догадаться, что спасеніе будетъ указано—у противоположнаго полюса.

Въ своихъ статьяхъ Гиппіусъ вспоминаетъ, что еще недавно слòва „Богъ“ боялись люди и думали, что „если Богъ, то онъ непремѣнно что-нибудь отниметъ“. Время это, очень недавнее, еще не обращеннаго „декадентства“. „Было и такъ, говоритъ Гиппіусъ, что стыдились этого слова, но теперь, благодаря обострившемуся сознанію нашего неизбывнаго голода, стыдъ, кажется, проходитъ. Не отнимающаго, а дающаго Бога намъ надо—приба-

вляющаго тѣмъ, кто уже имѣетъ, а мы имѣемъ много: цѣлую жизнь. Вотъ оттого-то и Бога надо искать и звать, не выходя изъ жизни, не покидая ни работы, ни крова, потому что и зовемъ мы его, любя наше жилище".

Въ „вопросахъ общественности"—если ужъ нужно какое-нибудь торжественное названіе для попытокъ спасти людей не только помощью Бога, но и помощью „соборности" — въ вопросахъ общественности Гиппіусъ руководится тѣмъ же позывомъ выбрать путь въ сторону наименьшаго сопротивленія. Одинокая личность разлагается. Въ стадѣ личность теряетъ самое свое цѣнное—какъ пыль съ бабочкиныхъ крыльевъ. Утверждая себя и только себя, личность отдается во власть мертваго кольца преходящихъ мгновеній. Утверждая Бога и только Бога, она вступаетъ въ конфликтъ съ собою. Итакъ, нужно равно любить и себя и Бога.—Міръ преходящъ. Любить міръ во имя міра—грѣшно и безцѣльно. Отвергать его, какъ то дѣлали аскеты, тоже грѣшно и безцѣльно. Міръ—Божій, и черезъ Бога нужно принять міръ... Стадная общественность грозитъ „мѣщанской кристаллизаціей". Почитать человѣчество какъ высшую цѣнность, тоже грѣшно и безцѣльно, ибо это значитъ почитать свое преходящее „я", лишь безконечно ариѳметически умноженное. Спасителенъ „расширяющійся индивидуализмъ", не забывающій послѣднихъ цѣлей—всеобщаго сліянія вещей въ Богѣ. Расширяющійся индивидуализмъ будетъ ломать старыя соединенія людей „во имя новаго—такого, гдѣ этотъ индивидуализмъ, при нераздѣльности съ ними, чувствовалъ бы и свою несліянность".

Спорить съ подобными построеніями не слѣдуетъ. Они могутъ быть вредными лишь тогда, когда вводятъ

кого-нибудь въ заблужденіе. Въ ихъ широтѣ тонутъ всѣ недоумѣнія, чтобы замѣниться однимъ: какое дѣло міру до этой широты? Вызванные къ жизни волею заинтересованнаго въ нихъ лица, они уже въ силу этого обстоятельства ни для кого не обязательны. По внѣшности они напоминаютъ изреченія христіанскихъ мистиковъ, и, какъ послѣднія, могутъ быть оцѣнены лишь по тѣмъ измѣненіямъ, какія они вносятъ въ духовную работу ихъ создателя. Если они, дѣйствительно, связаны въ качествѣ двигающей и направляющей силы съ устремленіями творческаго духа—слѣдуетъ опредѣлить ихъ реальное содержаніе для каждаго даннаго случая. Для другихъ людей, неспособныхъ расширять свое бытіе въ любви, эти схемы бываютъ нужны, какъ судьи, для осужденія—чтобы разобраться въ хаосѣ собственныхъ переживаній и съ помощью карающаго меча отдѣлить желанное отъ нежеланнаго. Тогда, запомнивъ, что эти схемы играютъ здѣсь лишь служебную роль, слѣдуетъ перенести вниманіе на то, за что судитъ себя человѣкъ. Возможенъ еще случай, когда крайности соединяются въ единомъ понятіи Бога, чтобы избавить философствующій умъ отъ затрудненій. Если бы не знать лирики З. Гиппіусъ, можно бы заподозрить происхожденіе ея схемъ изъ послѣдняго источника. Но, судя по стихотвореніямъ, гармонія всеобъемлющей вѣры нужна ей затѣмъ, чтобы ея собственная неспособность поддержать эту гармонію—обнажилась до конца.

Свою вѣру Гиппіусъ связываетъ съ будущимъ—міра и своимъ. Для настоящаго остается обостренное вниманіе къ дисгармоніи, какъ ежедневная работа, и закли-

нанія, какъ источникъ вдохновенія или какъ свѣтлый сонъ. Подобно большинству писателей, Гиппіусъ довольствуется указаніемъ фактовъ дисгармоничности въ мірѣ, не изслѣдуя ихъ природы, какъ дѣлалъ, напр., Достоевскій, который испытывалъ „идеалъ Содомскій" на огнѣ „идеала Мадонны", а „идеалу Мадонны" посылалъ искушенія Содома. Пытливость Гиппіусъ направлена на изобрѣтеніе новыхъ случаевъ, когда добро и зло заступаютъ другъ другу дорогу. Пытливость эта приводитъ писательницу порою къ очень интереснымъ положеніямъ. Давно уже, въ разсказѣ „Все къ худу" она поставила вопросъ о реальности ближнихъ. Толкуя притчу о сѣятелѣ, она допускаетъ, что подъ видомъ проросшихъ вражьихъ плевелъ Говорившій подразумѣвалъ людей. Можетъ быть, не всѣ мы—подлинные, имѣющіе наслѣдовать вѣчность, сыны Сущаго. Врагъ разсѣялъ свои созданья, свои призраки, они приняли человѣческій образъ и ходятъ среди насъ, соблазняя. Можетъ быть, и я лишь призракъ?—для того, кто не хочетъ воскресить въ себѣ отмершія суевѣрія средневѣковья, для кого, какъ для большинства изъ насъ, дьяволъ и Богъ не существуютъ, въ качествѣ абсолютныхъ реальностей, этотъ вопросъ не имѣетъ смысла. Гиппіусъ же возвращается къ нему и въ лирикѣ. Тому же призраку зла она посвятила свой послѣдній, вызвавшій столько споровъ романъ „Чортова кукла". Значитъ, у нея есть свои основанія именно въ эту сторону направить свое творчество.

За „Чортову куклу" писательницу упрекали въ клеветническихъ выходкахъ противъ революціи—и, конечно, напрасно. У нея не было и не могло быть, по самой сущности ея воззрѣній, желанія клеветать. Правда,

ея характеристика текущаго положенія дѣлъ въ революціонномъ подпольѣ могла кое-кому показаться обидной. „Пойми: насъ разбросало въ стороны“, говоритъ одинъ изъ таинственныхъ заговорщиковъ „Чортовой куклы“. „Одни ужаснулись, но они вовсе не почувствовали толчка, упрямо и тупо стоятъ въ томъ же болотѣ. Оставшіеся хотятъ дѣлать, но они съ головою старые, въ старомъ, значитъ, въ старыхъ возможностяхъ. И вѣдь будетъ, будетъ опять то же“. Что можно возразить противъ подобной характеристики? Ничего! Можно предполагать, что дѣла подполья обстоятъ и будутъ обстоять еще хуже: больше ужасъ ужаснувшихся, тупѣе тупость стоящихъ въ болотѣ, неизбѣжнѣе вымираніе той когда-то свѣтлой, героической и обнадеживающей кучки русскаго общества, которую и сегодня и во вѣки вѣковъ освятитъ за ея первоначальную чистоту благодарная память. Нужно отдать справедливость Гиппіусъ: она могла быть рѣзче въ своей характеристикѣ, но она сознавала, что пораженіе тѣхъ, съ которыми такъ случайно связался Юруля,— наше общее пораженіе, и потому научилась быть осторожной. Итакъ, не противъ революціи направлена „Чортова кукла“. Вообще нужно помнить, что слова „реакція“ и „революція“ въ устахъ писателей-христіанъ пріобрѣтаютъ совершенно иной и для сегодняшней дѣйствительности вполнѣ безопасный смыслъ—смыслъ міровыхъ схемъ, надеждъ на преображеніе міра, и связываются не съ общественной жизнью, какъ это принято думать, а съ общественно-космической, какъ она рисуется въ грандіозныхъ образахъ христіанской апокалиптики.

„Чортова кукла“—это попытка изобразить и осудить „вѣчную реакцію“—пустопорожнюю маску соблазнителя, живущаго призрачно-дѣятельной крикливой жизнью, а

на самомъ дѣлѣ лишь спутывающаго и сталкивающаго чужіе, реальные расчеты и судьбы. У Юрули нѣтъ ни паѳоса, ни цѣлей. Каучуковая гибкость его психики дѣлаетъ то, что онъ можетъ приспособиться къ любому собесѣднику, поддакнуть ему какъ разъ въ той точкѣ бесѣды, гдѣ соблазнитель и соблазненный соприкасаются одною любовью къ косности, и такимъ образомъ отвлечь послѣдняго отъ настоящей тревоги и настоящаго дѣла.

Какъ и всюду, Гиппіусъ въ „Чортовой куклѣ“ не удается выявить опредѣленныя живыя черты живой дѣйствительности: она пользуется старымъ матеріаломъ для своихъ—литературныхъ—цѣлей, ставитъ въ центрѣ романа искусственно собранное по мелочамъ лицо, и вокругъ него, какъ вокругъ солнца зла, заставляетъ вращаться подчинившихся ему и соблазненныхъ. По мѣрѣ развитія романа, суета Юрули усиливается—но онъ такъ и не становится яснѣе. Его „угадываютъ“—вѣдь онъ, по замыслу, ничто, пустота—но главнаго, как ъ онъ внѣдряется въ сердце бытія, мы такъ и не увидимъ до конца. Остаются лишь отдѣльныя черты его. „У Юрули заботливая снисходительная нѣжность“, читаемъ мы. „Весело чувствовать себя сильнымъ и веселымъ. Веселымъ, свободнымъ, крѣпко связаннымъ въ одинъ узелъ; пути открыты, вотъ какъ эта пустая широкая линія Васильевскаго острова передъ нимъ. И стальной руль послушенъ ему,—какъ его тѣло, его жизнь послушны его мысли, волѣ, желанію, капризу, удовольствію, забавѣ... О, какъ вчужѣ досадно иногда, что люди еще такіе глупые, еще такіе несчастные!..“

Когда Гиппіусъ опредѣляетъ причины, почему надо искать Бога и бѣжать одиночества, и учитъ какъ спастись отъ духовнаго голода, слабости и разложенія, она обѣщаетъ столько благъ, что поневолѣ связываешь ея обѣщанія

съ фразой Юрули: „О, какъ вчужѣ досадно иногда, что люди еще такіе глупые, еще такіе несчастные!“ Ея легкія переносныя схемы богопознанія и міростроительства не должны ли привести къ тому идеалу, который воплотилъ Юруля? Правда, Юрулѣ чужда любовь къ Богу, къ міру и къ ближнему, онъ занятъ только тѣмъ, что культивируетъ свои маленькія удовольствія, чтобы вдругъ разомъ безъ крика и стона увянуть, какъ вянетъ въ жаркой комнатѣ красный масляничный шаръ. На то онъ и представитель зла. Но какъ случилось, что Гиппіусъ приписала ему все то, чего ей недостаетъ, чтобы полно и свободно, всею жизнью, а не словомъ только, прославить, конечно, свои, а не Юрулины идеалы? У нея нѣтъ ни веселья, ни свободы, ни связанности въ одинъ узелъ, ни твердой походки овладѣвшаго истиной человѣка. Не одни растерянные, полу-сошедшіе съ ума отъ безпочвенности революціонеры лишены всѣхъ этихъ духовныхъ благъ. Даже тѣ, кому являлась Suor Maria, да и сами эти весеннія, таинственныя, лилейныя дѣвушки Гиппіусъ въ томъ же невеселомъ положеніи: большихъ надеждъ и сегодняшней бѣдности. По-своему, общество было право, разсердившись за „Чортову куклу“, какъ за клевету. Клеветать Гиппіусъ не хотѣла. Но гдѣ же идеалы? И откуда имъ взяться на этой гнилой почвѣ? У Гиппіусъ были наилучшія намѣренія указать людямъ ихъ ошибки и призвать къ вѣрному, совмѣщающему всѣ вѣчныя возможности пути. Для указанія ошибокъ у нея есть свое право: она вѣдь знаетъ, что, чтобы ихъ не было, нужно равно любить Бога и себя. Бѣда лишь въ томъ, что это „слово“, это заклятіе вѣчно вырывается у нея изъ рукъ и лукаво паритъ надъ головою, соблазняя надеждами. А ткань жизни все та же—или даже становится хуже и слабѣе въ требовательныхъ, нервныхъ и

жадныхъ рукахъ. Гиппіусъ сама умѣетъ лишь мять и рвать эту ткань. Ибо безъ надеждъ на преображеніе, когда отлетитъ мечтательный геній христіанскаго жизнестроительства, у нея остается лишь ея острый взглядъ, не пропускающій ни одного пятна, ни одной неправильно затканной нити, и требованія,—требованія, одно другого категоричнѣе, разъѣдаютъ основу. Трезвость сухого, переставшаго быть женскимъ, но и не мужского ума отвергаетъ себя самое, ибо, если этой трезвости, не смягченной религіознымъ безуміемъ надеждъ, дать силу, она захочетъ утвердиться въ радости и веселіи, т. е. перегнется къ соблазнамъ Юрули. Въ судьбѣ Гиппіусъ, какъ и въ судьбѣ многихъ современныхъ поэтовъ, есть эта жестокая странная точка: они переросли земныя, ограниченныя возможности, но не умѣютъ открывать въ нихъ значительныхъ символовъ великаго мірового. Каждая частность бытія вызываетъ отрицаніе и страхъ—страхъ за частностями потерять „все“. Объединяющія, все оправдывающія надежды не выносятъ близости этихъ частностей, какъ вообще всякая идея коробится отъ жара подлиннаго бытія. И вотъ случилось то, что Гиппіусъ, въ „принципѣ“ отвергающая аскетизмъ, корнями своими вросла въ почву, дѣлающую аскетизмъ неизбѣжнымъ. На этой почвѣ и выросла ея сдавленная страхами и недовѣріемъ къ себѣ лирика. Ея міровоззрѣніе въ корнѣ противорѣчитъ всему ея душевному складу, но она готова скорѣе сломить и распять себя ради этого міровоззрѣнія, чѣмъ признать, что̀ ей подсказываютъ ея трезвость, зоркость и аналитическая способность ума, т. е. неразлучные съ нею—ея первые и послѣдніе враги. Эта борьба съ самой собою и составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе лирики Гиппіусъ.

II.

Стихотвореній у З. Гиппіусъ немного — всего двѣ книжки. Тема ихъ одна, легко опредѣляемая благородными словами двухъ „посланій“: „великій грѣхъ желать возврата неясной вѣры дѣтскихъ дней“ и „будетъ тѣмъ свѣтлѣй душа моя, чѣмъ ваша огненнѣй дорога“. Первый томикъ стихотвореній собирался въ теченіе пятнадцати почти лѣтъ, по нѣсколько пьесъ въ годъ. Очевидно, надъ поэзіей Гиппіусъ тяготѣютъ другіе законы, чѣмъ надъ ея прозой. И форма и мысль здѣсь обусловлены строгой необходимостью, а не произволомъ. Прозу можно бы „сдѣлать“ и лучше и хуже, богаче вымысломъ и беднѣе, а стихотворенія пишутся такъ, какъ пишутся. Мѣрки для нихъ нѣтъ. Прозу вызываетъ къ жизни мысль Гиппіусъ, а стихотворенія — не столько ея созданья, сколько знаки, что этой мыслью кто-то иной въ Гиппіусъ живетъ, и она успѣваетъ лишь передать свои недоумѣнія, радости и печали, вызванныя движеніями того, кто, какъ дитя въ утробѣ матери, владѣетъ ею. Его ростъ — ея радость. Его увяданіе — ея боль. Разница лишь въ томъ, что дитя менѣе матери, а сила, владѣющая творчествомъ поэтессы, болѣе ея, ибо опредѣляетъ творчество, сама же этимъ творчествомъ не опредѣляется.

Въ своихъ стихахъ Гиппіусъ не притворяется знающей; мало убѣдительныя „потому что“, „надо“ и „у насъ есть сознаніе“, обычныя въ ея статьяхъ, забыты, ибо

тотъ врагъ, съ которымъ ей больше всего приходится бороться, неуязвимъ этимъ оружіемъ. Врагъ этотъ—она сама, и его не свяжешь заклинаніями. Она движется не потому, что у нея есть цѣль, а потому, что она не можетъ не двигаться. Ея грѣхи и слабость—то поле, которое нужно обработать. Хорошо помолиться передъ работой, молитва даетъ твердость рукѣ и ясность глазу—но не молитвой, а плугомъ, и тяжело-упертыми руками, и склоненной головой отличается трудящійся отъ празднаго. Ея грѣхи и слабость—камень, котораго она не могла сбросить въ началѣ пути и который научилась нести. Нельзя хотѣть камня, и тѣ, кто проповѣдуетъ благость камней, лгутъ. Но можно перенести вниманіе отъ тяжести камня на тѣ измѣненія, которыя онъ произвелъ въ походкѣ, въ стати, въ дыханіи и въ мысляхъ. Изрѣдка Гиппіусъ пріостанавливаетъ свою работу, чтобы спросить, куда ее ведутъ и кто съ нею, чтобы разсказать спутникамъ, какъ ей бываетъ хорошо и какъ бываетъ трудно. Иногда она плачетъ и ищетъ словъ для волнующихъ просьбъ—не столько объ избавленіи отъ себя самой, сколько объ окончаніи заданнаго ей урока. У нея самой нѣтъ „ни воли, ни умѣлости“, „ни ясности, ни знанія, ни силы быть съ людьми, ни твердости, ни нѣжности, ни бодрости въ пути“.

Господь, мои желанія,
Желанія прими.

Пока Гиппіусъ занята своимъ дневнымъ урокомъ, она—истинный поэтъ. Когда же ударяетъ часъ итоговъ, изящество ея негромкаго стиха смѣняется прозаизмами.

Она не увѣрена, удастся ли слиться съ Нимъ, съ Сущимъ, „въ цѣпь одну, звено въ звено“—

Значитъ, рано, не дано,
Значитъ, намъ—не суждено,
Просіявъ Его огнемъ
На землѣ воскреснуть въ Немъ,

—смиренно, и пѣвуче, и плѣняетъ тонкое мастерство этихъ „н“ и „о“, противопоставленныхъ остротѣ „просіявъ“ и „воскреснуть“. Но вотъ итоги труда—не религіозно-общественной пропаганды, и не литературнаго—а глубочайшаго, ея труда, ея урока.

Три раза искушаема была Любовь моя.
И мужественно борется—сама Любовь, не я.
Вставало первымъ странное и тупо-злое тѣло.
Оно—слѣпорожденное—прозрѣній не хотѣло.
И яростно противилось и падало оно,
Но было волей свѣтлою Любви озарено.
Потомъ душа бездумная—опять слѣпая сила—
Привычное презрѣніе и холодъ возрастила.
Но волею горячею растопленъ колкій ледъ.
Пускай въ оврагахъ холодно—черемуха цвѣтетъ.
О дважды искушенная, дрожи предъ третьимъ разомъ.
Встаетъ мой ярко-огненный, мой безпощадный разумъ.
Ты разумъ человѣческій, его огонь и тишь
Своей одною силою, Любовь,—не побѣдишь.
Не побѣдишь, живущая въ единомъ сердцѣ тлѣнномъ,
Лишь въ сердцѣ человѣческомъ, измѣнномъ и забвенномъ.
Но если ты не здѣшняго, иного сердца дочь—
Себя борьбою съ разумомъ напрасно не порочь.
Земная ярость разума свѣтла, но не бездонна.
Любовь, ты власти разума, какъ смерти, неподклонна.
Но въ третій часъ къ Создавшему приникнувъ воззови,—
И самъ придетъ защитникомъ рожденной имъ Любви.

Всѣ прозаизмы, скупость въ краскахъ и сухая отчетливость плана въ этой вещи необходимы, какъ признаки сознательнаго подчиненія души желѣзнымъ требованіямъ

„вѣры“. Въ шествіи по ступенямъ совершенства нѣтъ ни радости, ни удовлетворенія. Оно отъ начала до конца—принужденіе, какъ принужденно связаны между собою строки „Третьяго часа“. И это не плохо. Такъ надо. Если бы въ Гиппіусъ было хоть что-нибудь, что бы она рѣшилась оставить нетронутымъ въ своемъ походѣ за золотымъ руномъ богопознанія, ея поэзія была бы легче и свободнѣе. Но ей приходится жестокими гвоздями сколачивать, перехватывать скрѣпами, соединяя въ одно двѣ противоположныя силы, обычно разрывающія ея лирику на двѣ очень неравныя доли: проклятія себѣ и молитвы Вышнему. И таково чудо искусства—въ „Третьемъ часѣ“ эти силы не примирились, не уступили другъ другу мѣста и не слились, онѣ лишь уравновѣсились на часъ, подъ суровостью молота и скрѣпъ, вопреки дѣйствительной возможности, уравновѣсились такъ, что схема отдающаго гностицизмомъ, очень мало христіанскаго христіанства стала казаться болѣе реальной, чѣмъ вошедшіе въ нее элементы—правдивыя записи борющагo себя духа.

Мы воспользуемся „Третьимъ часомъ“, какъ путеводителемъ по лирикѣ Гиппіусъ.

Съ чѣмъ начала она раньше всего бороться? Она—ни съ чѣмъ, это любовь въ ней борется. На себя надежды мало. Но кто-то, невѣдомый или порою вѣдомый, зажегъ въ ней свѣтлую точку. Ея заслугъ нѣтъ, ея воли нѣтъ. Не она живетъ, а ею живетъ нѣкто. Но не онъ одинъ въ ней. Онъ—другъ, а есть и враги.

Странное и тупо-злое тѣло—виновникъ безсилья, га-

ситель пламени. Ему посвящено, особенно въ первые годы творчества Гиппіусъ, много страницъ.

Тѣло—раньше всего: смерть. Затѣмъ, любовь. Затѣмъ, простая любовь ко всему, кровная связь съ вещами и людьми.

О смерти Гиппіусъ разсказываетъ совсѣмъ по-особому, ни на кого не похоже. Когда-то разъ, правда, на зарѣ ея творчества, вѣроятно, одновременно съ „цвѣтущими яблонями" и съ „миссъ Май", мелькнула пантеистическая догадка о жизни послѣ смерти „въ дыханьѣ вѣтра, въ солнечныхъ лучахъ", въ морѣ—„блѣдною волною и облачною тѣнью въ небесахъ", но то былъ просто опытъ, перепѣвъ. Очень скоро Гиппіусъ пытается, обезцѣнивая жизнь, обезцѣнить и смерть, сравнять порогъ между жизнью и смертью, уподобивъ послѣднюю сну. Она приводитъ смерть къ тому часу существованія, когда, какъ бы ни душила жизнь, „уже не душно, достигнута послѣдняя ступень"—

И—если смерть придетъ—за ней послушно
Уйду въ ея безгорестную тѣнь:
Такъ осенью свѣтло и равнодушно
На блѣдномъ небѣ умираетъ день.

Въ тѣхъ же тонахъ написана превосходная „Осень", называющая безсмертье—мукой. Идеи христіанскаго воскресенія Гиппіусъ еще не коснулась. Будущее представляется ей лишь скучнымъ продолженіемъ скучнаго земного бытія. „Смертная надежда" уступаетъ мѣсто ясно выраженному буддійскому успокоенію. Но въ немъ уже можно подмѣтить зерна будущаго міровоззрѣнія. Борьба Гиппіусъ съ земнымъ, ея скованность космическою скукою не безпредѣльны. Какъ бы она тщательно

ни выводила свои упованія за предѣлы земного, окончательно погасить ихъ ей жаль, она неопредѣленно надѣется на продолженіе, а губы лишь по невѣдѣнію произносятъ слова о „мукѣ безсмертья“.

Такъ же поступила Гиппіусъ съ любовью. На землѣ она ея не оставила: „Аньесъ, Аньесъ, я только края коснусь скользящимъ поцѣлуемъ“. Земного здѣсь—только жестъ идейнаго и не-идейнаго кокетства. Гиппіусъ пытается связать любовь со смертью. „Люби меня, когда меня не станетъ“,—но все-таки—люби; это не буддизмъ; здѣсь есть длительность, продолженіе, какая-то духовная сокровищница, „кивотъ завѣта“ любви. Или она радуется тому, что любовь выше измѣнчивости словъ и невѣрности дней. Настоящей глубокой интимности, тѣхъ неуловимо прекрасныхъ и послѣднихъ чертъ высшей достовѣрности, которыя дѣлаютъ произведеніе „вѣчнымъ“, мы не видимъ въ извѣстнѣйшихъ стихотвореніяхъ Гиппіусъ, посвященныхъ любви. „Душа одна—любовь одна“. „Любовь одна, какъ смерть одна“. Баллада о русалкѣ—только баллада, хотя эпилогъ ея и обѣщаетъ такъ много: „и вѣчно любить намъ дано,—потому, что здѣсь мы любя—несліянны“. Превосходны первыя строки стихотворенія „Коростель“:

Горяча моя постель...
Думка бѣлая измята.
Гдѣ-то стонетъ коростель,
Ночь дневная пахнетъ мятой,—

а дальше все та же сантиментальная сказка, поэтическій догматъ—несліянности. Но на-ряду съ этими произведеніями, которыя я бы охотнѣе отнесъ къ прозѣ, если бы они не были написаны стихами, есть одно,—спокойное,

сосредоточенное раздумье котораго дороже цѣлаго цикла откровеній безплотной влюбленности. Называется эта вещь: „Ты любишь?“

Былъ человѣкъ. И умеръ для меня.
И знаю, вспоминать о немъ не надо.
Концу всегда, какъ смерти, сердце радо
— Концу земной любви—закату дня.
Уснувшаго я берегу покой.
Да будетъ легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цѣпи звенья...
Но злая жизнь меня свела съ тобой.

Не баллада о русалкѣ, а этотъ удивленно-холодный, огорченно-пламенный вопросъ „Ты любишь?“ есть легенда о любви. Не Аньесъ и не Свѣтлана, не Астарта и не Магдалина, поклоняющаяся Христу, и не Марія, встрѣчающая ангела, знаютъ тайну любви. Теперь можно повѣрить Гиппіусъ, что „душа одна—любовь одна“—не риторика, а лишь возможная у всякаго поэта литературная неудача. Торжественностью, приличествующей событію, начинается стихотвореніе:

Былъ человѣкъ. И умеръ для меня.

И сейчасъ же слѣдуетъ захватывающее духъ откровеніе о сердцѣ, радующемся концу земной любви, какъ смерти. Развѣ сердце радуется концу любви и смерти? Пожалъ плечами извѣстный критикъ, и назвалъ Гиппіусъ „чортовой куклой“. Дневное сердце не знаетъ такой странной радости, а ночное знаетъ. Закрѣпить подобное откровеніе навѣки, сказать твердо: сердце радуется смерти, сердце радуется концу любви, какъ это сдѣлалъ критикъ,—нельзя, кощунственно. Но за длиннымъ днемъ борьбы мужского и женскаго есть мгновеніе сумерекъ,

посвященныхъ той зыбкой серьезности, которая томитъ и окрыляетъ оставшагося — послѣ смерти одного изъ двухъ. Элементарный паѳосъ завоеванія, наслажденія или поклоненія уползъ въ свою пещеру. Жестокое самолюбіе борца уступило мѣсто безцѣльному хороводу радостей-тѣней и желаній-тѣней. Пораженіе не горше побѣды, и побѣда томитъ неудовлетвореніемъ, какъ пораженіе. Смерть влечетъ, какъ далекій огонь, какъ ночная поверхность рѣки; умершей любви можно сказать: „Христосъ воскресъ!", почти не разумѣя смысла таинственныхъ этихъ словъ.

Спокойной и полной достоинства и женственности благодарностью звучатъ слова: „Уснувшаго я берегу покой, да будетъ легкою земля забвенья!" Трагическая, съ точки зрѣнія положительной религіи почти нигилистическая, ясность пресѣкаетъ рѣчь, преграждая путь къ жалобамъ или надеждамъ напоминаніемъ о вѣковѣчномъ законѣ жизни, заполняющей пустоту, чуть распадутся старой цѣпи звенья,—какъ бы тихо, навѣки тихо, до смерти тихо, они ни распались—

Но злая жизнь меня свела съ тобой.
Когда бываемъ мы наединѣ—
Тотъ, мертвый, третій—вѣчно между нами.
Твоими на меня глядитъ очами,
И думаетъ тобою—обо мнѣ.
Увы, въ тебѣ, какъ и, бывало, въ немъ,
Не вѣрность—но и не измѣна...
И слышу страшный томный запахъ тлѣна
Въ твоихъ рѣчахъ, движеніяхъ—во всемъ.
Безогненнаго чувства твоего
Чрезъ мертвеца въ тебѣ—не принимаю;
И неизмѣнно строгимъ сердцемъ знаю,
Что не люблю тебя, какъ и его.

Объ одномъ ли человѣкѣ или о двоихъ здѣсь идетъ рѣчь—кто скажетъ? Да и не все ли равно!

Любовь ко „всему“, сознаніе кровной своей связи съ деревомъ, тварью и звѣздами не стояло поперекъ дороги Гиппіусъ, здѣсь „тупо-злое тѣло“ уступило безъ сопротивленія. Гиппіусъ лишена дара брать міръ непосредственно. Богатства земли остаются незамѣченными ею. Можетъ быть, оттого такъ однотонны ея стихотворенія. Силы земли, теченія ея соковъ касаются ея, но лицо міра скрыто навсегда. Она изсушена многолѣтнимъ споромъ духа съ самимъ собою и неустаннымъ принужденіемъ. За образами деревьевъ, травъ, ночей и водъ у Гиппіусъ всегда шевелится мысль. Но не такъ, какъ въ прозѣ. Тамъ непрозрачная кора бытія отстаетъ отъ непрозрачной же и нагой выдумки. Здѣсь дождь, звѣзды, вѣтеръ, освѣщенное окно, туго натянутыя струны вожжей какъ бы добровольно отказываются отъ своего бытія и служатъ мысли, какъ слуги, принимаютъ ее въ себя, какъ сосудъ—вино. Это не символизмъ, который вообще чуждъ творчеству Гиппіусъ такъ же, какъ ей чужда и непосредственность здороваго реализма. У Гиппіусъ сосудъ (явленія) прозраченъ и безцвѣтенъ; его окрашиваетъ вино (мысль). Символизмъ же знаетъ двойную игру красокъ, и безъ этой двойственности нѣтъ символизма; сосудъ (явленія) окрашенъ по-своему, вино (мысль)—по-своему, и отливы двухъ цвѣтовъ должны совпасть такимъ образомъ, чтобы въ ихъ согласномъ свѣтѣ угадалось третье, то, что за явленіемъ и за мыслью. Гиппіусъ обезцвѣтила бытіе потому, что и себя лишила оттѣнковъ—возраста, опыта и отвѣтовъ міру. Ея поэзія—внѣ возрастовъ, въ ней нѣтъ воспоминаній ни о дѣтской, ни о дѣвической манерѣ воспринимать

явленія. Она сама признается въ этомъ въ стихотвореніи „Не мартъ дѣвическій“. Во взглядахъ ея на бытъ, на людей, на доступныя ей возможности вѣчно слышенъ горькій, неженскій скептицизмъ умнаго, любящаго разрушеніе человѣка. Схемы, по которымъ она, точно по висячимъ мостамъ, пробирается къ ядру міра, только издали кажутся мостами. На самомъ дѣлѣ, онѣ обрываются на высотѣ и пройти по нимъ никуда нельзя.

Потомъ душа бездумная—опять слѣпая сила—
Привычное презрѣніе и холодъ возрастила.

Вторая ступень приближенія къ Богу—обузданіе холодной, презирающей и бездумной души. Въ теченіе этой работы, очевидно, не законченной, жалоба покрываетъ жалобу, призывъ ложится на призывъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ отдѣлъ поэзіи Гиппіусъ не отличается такою однотонностью. Не всегда однотонность обозначаетъ повторенія, нищету. Человѣкъ, бьющій камень, методически подымаетъ и опускаетъ руку, вооруженную молотомъ, но это однообразіе не утомляетъ зрѣнія. Душа Гиппіусъ вѣчно судима ею за безсиліе, часто—за злое безсиліе. Она прикована на берегу, а глаза жадно тянутся къ морю. Ей близокъ Богъ, но нѣтъ силъ молиться. Она знаетъ истину, но не находитъ для нея словъ. Пока Гиппіусъ не перенесла въ свою поэзію христіанскій словарь, ея желанія опредѣлялись, можетъ быть, расплывчато, но тѣмъ не менѣе убѣдительно:

Люблю непостижимое,
Чего, быть можетъ, нѣтъ...—

волнуетъ, какъ волнуютъ то сладкія, то пряныя, то преувеличенно-дѣтскія пѣсни романтиковъ.

Warum Schmachten?
Warum Sehnen?
Alle Tränen,
Ach sie trachten
Nach der Ferne,
Wo sie wähnen
Schön're Sterne!

На нашъ взглядъ христіанская символика лишь притупляетъ остріе ея молитвы. Незнаніе того, чего надо, когда-то разсердившее или развеселившее Михайловскаго, есть скорѣе признакъ силы, чѣмъ слабости, признакъ изощренности внутренняго зрѣнія, а не слѣпоты. И, признавъ эту черту свойственной Гиппіусъ, такъ легко понять ея борьбу съ косной душой. Безъ цѣли, безъ даннаго направленія, пребывая на мѣстѣ, хочетъ духъ полета—и все кажется ему препятствіемъ, и далекое, и ближайшее. Для побѣды нужна цѣль. Для взлета—направленіе. Для достиженія нужно умѣло ограничить себя, ибо и само достиженіе, и цѣль, и побѣда—односторонни и противорѣчатъ бездѣйственной мудрости совершеннаго созерцанія. Не зная, куда двинуться, Гиппіусъ винитъ косность души—

Въ прахѣ душномъ, въ дымѣ пыльномъ,
Къ послѣдней гибели спѣша,
Напрасно въ ужасѣ безсильномъ
Оковы жизни рветъ душа.

Она хочетъ звуковъ, но боится созвучій. Всѣ горести кажутся ей понятными, всѣ радости—скучными. „Все просто и мертво, ни страшнаго, ни тайнаго нѣтъ въ

жизни ничего“. Мечты ея „безкрылыя“. Въ „мятежности“ ея „нѣтъ свершеній“. Ея „сердце, какъ игла“. Темныя мысли „подобны сѣрымъ птицамъ“. „Мысли сухія, мысли безъ воли — нецарственный путь“. Душа „пребываетъ въ безсовѣстной и жалкой низости“. Она „сѣра, какъ пыль, какъ прахъ земной“,

И умираю я отъ этой близости,
Отъ неразрывности ея со мною.

Еще безпощаднѣе подбираются эпитеты: душа „шершавая“, „колючая“, она „холодна, какъ змѣя“, „неповоротлива“, „тупа“, „тиха“. Къ ней „нѣтъ доступа“.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа,
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа.

Разумъ свой Гиппіусъ называетъ огненнымъ и безпощаднымъ. Она знаетъ и жаръ его, и тишь, и оба эти полюса равно опасны ея святынѣ. Любовь одною своею силою не смиритъ разума.

Но въ третій часъ къ Создавшему, привыкнувъ, воззови,
И самъ придетъ защитникомъ рожденной имъ любви.

Поединка еще не было. И послѣднее испытаніе опаснѣе двухъ предыдущихъ.

Теоретическая мысль Гиппіусъ не привела ея ни къ какимъ, хотя бы эстетически-цѣннымъ, результатамъ. Ея попытки обосновать христіанство лишь вредили интересующему ее дѣлу. Разъѣдающая, разсудочная трезвость причинила ей не мало горя. Если исторію развитія Гиппіусъ изобразить условно прямой линіей: ненависть

къ себѣ, отвращеніе къ повседневности, требованіе „чуда“, отреченіе отъ своей воли, соблазнъ небытія въ робкомъ, непродуманномъ буддизмѣ и, наконецъ, торжество христіанскихъ надеждъ на обновленіе, то эта прямая не разъ пересѣчется болѣе глубокими бороздами; ихъ провелъ „разумъ“, нарушивъ навсегда ту цѣльность, о которой мечтаетъ поэтесса. Въ жизни ея духа были моменты, когда прямая линія роста могла преломиться и, вмѣсто едва замѣтной борозды, вмѣсто двухъ-трехъ дисгармонирующихъ съ цѣлымъ стихотвореній, мы бы увидѣли болѣе сложный, хотя и болѣе спутанный рисунокъ.

Жестокое и холодное раздумье опустошаетъ, какъ морозъ, и первыми гибнутъ тѣ „лютики“ луговые, которые переросли своихъ собратій. „Мы—ломче, мы—ломче“, предсказали они сами свою судьбу.

Кое-чѣмъ Гиппіусъ все-таки обязана тому же самому „разуму“, съ которымъ она такъ рѣшительно и безпощадно враждуетъ. Онъ далъ ей силу отбросить отъ себя—въ поэзіи, по крайней мѣрѣ—соръ „привычекъ бытія“, слабостей самообмановъ, тщеславія, жадности, зависти и самолюбивыхъ надеждъ. Внимательно изслѣдуя первую книгу ея стихотвореній, то и дѣло наталкиваешься на слѣды очищающей и благородно-опрощающей работы разума. Но дальше его лезвіе направляется самовольно уже не противъ сорныхъ травъ, а противъ плодовыхъ и наиболѣе для писательницы драгоцѣнныхъ деревьевъ. На-ряду съ послѣдними, освященными любовью и довѣріемъ, порождаются сомнительныя растенія-чудовища и вытягиваютъ корнями своими соки, питавшіе землю.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, почти все бытіе котораго обращено въ сторону порожденныхъ разумомъ

чудовищъ, двумя словами вводитъ насъ въ положеніе человѣка, опутаннаго корнями этихъ холодныхъ мыслей, паразитовъ и владыкъ въ одно и то же время:

— Иванъ, говори, есть Богъ или нѣтъ?...

— Нѣтъ, нѣту Бога.

— Алешка, есть Богъ?

— Есть Богъ.

— Иванъ, а безсмертіе есть, ну, тамъ какое-нибудь, ну, хоть маленькое, малюсенькое?

— Нѣтъ и безсмертія.

— Никакого?

— Никакого.

— Алешка, есть безсмертіе?

— Есть.

— И Богъ и безсмертіе?

— И Богъ и безсмертіе.

— Гм... Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ...

Точка зрѣнія Карамазова очень заманчива по богатству выводовъ и возможностей, хотя, нужно признаться, для человѣка, обращеннаго лицомъ къ Небу и желающаго созерцать Небо во что бы то ни стало, нѣтъ ничего опаснѣе этого унылаго, скучнаго и, тѣмъ не менѣе, неуступчиваго голоса:

— Вѣроятнѣе, что правъ Иванъ.

Чтобы заглушить его, можно призвать на помощь жалобы, рыданія и покаянныя самообличенія... Иное дѣло, умъ „свободный“, или, еще лучше, отравленный „ядами матеріализма“. Для него вѣроятнѣе Ѳедора Карамазова вовсе не нижняя, противъ Ивана, ступень. Иванъ обѣгаетъ мыслью одинъ кругъ—отрицанія. Алеша тоже только одинъ—вѣры. А Ѳедоръ Карамазовъ принужденъ одновременно посылать токи высокаго напряженія по двумъ несходнымъ проволокамъ, жить двумя

жизнями и бояться двухъ опасностей, ибо именно карамазовская, вспѣненная большими страстями и похотями, серьезность умѣетъ взвѣшивать опасности двойного пути.

Гиппіусъ обыкновенно торопится уйти отъ того, что̀ она называетъ своимъ „разумомъ“, страшась его работы и пренебрегая ею, поскольку это возможно подъ кровомъ вѣры.

Время срѣзаетъ цвѣты и травы
У самаго корня блестящей косой:
Лютикъ влюбленности, астру славы...
Но корни всѣ цѣлы—тамъ подъ землей.
Жизнь и мой разумъ, огненно-ясный!
Вы двое—ко мнѣ безпощаднѣй всего:
Съ корнемъ вы рвете то, что прекрасно,
Въ душѣ послѣ васъ—ничего, ничего!

Когда пришло время молитвы, это „ничего“ стало называться самымъ большимъ, едва ли не смертнымъ грѣхомъ. Но былъ моментъ, когда замираніе жизни въ буддизмѣ уже заканчивалось, а христіанское просвѣтлѣніе еще не наступило—былъ странный моментъ неустойчиваго равновѣсія, отравившій, вѣроятно, навсегда вѣру Гиппіусъ возможностью совершенно иного, не христіанскаго и не языческаго, міропониманія. Къ 1900 и 1901 гг. относятся двѣ пьесы Гиппіусъ „Послѣднее“ и „На днѣ“, дающія намъ право утверждать, что не весь ея внутренній опытъ вошелъ въ схему полярности, въ эти „да“ и „нѣтъ“, которыя, какъ электричество, бѣгутъ по проволокамъ „не слиты—сплетены“, и когда сольются, то „смерть ихъ будетъ—Свѣтъ“. Эти моменты совершенно особаго, своего взгляда на вещи не поддались, вѣроятно, ковкѣ, изъ нихъ не удалось ничего сдѣлать ни для себя, ни для другихъ, и потому они остались погребенными въ

трехъ-четырехъ стихотвореніяхъ. Грѣхи пригодились. Вѣдь жалобы на мертвенность и на уныніе составляютъ добрую половину поэзіи Гиппіусъ. Если бы атмосфера косности не угнетала ея такъ сильно, у нея не было бы поводовъ для столь жаркихъ молитвъ. Такимъ образомъ, зло было оправдано и узаконено, если не передъ лицомъ Бога, то передъ лицомъ поэзіи. „Прозрѣнія" же не поддались, не захотѣли уложиться въ предписанныя имъ схемы. „Послѣднее" не безъ горечи говоритъ о томъ, что люди бываютъ порой всему, какъ дѣти, рады и „въ легкости своей живутъ веселой". Открывать имъ дверей сознанія не стоитъ: оно приноситъ лишь боль. Давъ въ смиренной гордости обѣтъ молчанья,—

Въ безмолвьи прохожу я мимо, мимо,
Закрывъ лицо,—въ неузнанныя дали,
Куда ведутъ меня неумолимо
Жестокія и смѣлыя печали.

Еще рѣшительнѣе и своеобразнѣе намѣчаетъ крайности опыта и ихъ соединеніе „На днѣ". Боль и радость—одно. Побѣду и пораженіе можно любить равно. „Тебя привѣтствую, мое пораженіе". „Въ послѣдней жестокости есть бездонность нѣжности, и въ Божіей правдѣ—Божій обманъ".

Люблю я отчаяніе мое безмѣрное,
Намъ радость въ послѣдней каплѣ дана.
И только одно здѣсь я знаю вѣрное:
Надо всякую чашу пить—до дна.

„Какъ всѣ" (мэоническая молитва), „Алмазъ" перваго тома, „Они" второго и отдѣльныя строки многихъ пьесъ относятся къ той же категоріи — отвергнутыхъ, созна-

тельно отринутыхъ мыслей. Удалось ли Гиппіусъ побѣдить ихъ? Она сама, съ глубокой трогательностью и жалобой, признается, что не удалось:

Покой и тишь во мнѣ:
Я волей кругъ свой сузилъ.
Но плачу я во снѣ,
Когда слабѣетъ узелъ.

Какъ въ приведенномъ выше стихотвореніи „Ты любишь?“, такъ и въ только-что упомянутыхъ смѣшались всѣ усвоенныя Гиппіусъ условности и разграниченія. „Ты любишь?“ — о плотской ли любви идетъ рѣчь, или о несліянности красивыхъ балладъ? „Безмѣрное отчаяніе“ на самомъ дѣлѣ пришло отъ разума, отъ плоти, отъ грѣха или отъ души? Найти въ Божьей правдѣ— Божій обманъ, не значитъ ли это бунтовать, а вѣдь бунтуютъ только рабы, по терминологіи Мережковскаго? Не все ли равно! Всѣ эти вопросы безсильно падаютъ передъ фактомъ существованія лучшихъ и безцѣльныхъ, сложенныхъ по необходимости, а не ради мірскихъ, человѣческихъ, самолюбивыхъ цѣлей, стихотвореній. Подлинная любовь не знаетъ, гдѣ плоть и гдѣ духъ, и если дѣлитъ, то она уже не любовь, а равнодушно-похотливая блудница. Любовь родилась на свѣтъ раньше міровой разрозненности, и только послѣ того, какъ любовь умираетъ, разрозненность становится силой. Такъ же глядитъ на міръ и отчаяніе. Великая сосредоточенность можетъ увести отъ земныхъ свершеній. Отчаяніе можетъ разбросать явленія, какъ брызги воды, но дробленія по категоріямъ не знаютъ ни страсть, ни любовь, ни отчаяніе, ни сосредоточенность. Духъ отъ плоти,

разумъ отъ души, духъ отъ разума можно отдѣлять лишь при неторопливомъ, бездѣятельномъ (въ высшемъ смыслѣ этого слова), досадливомъ наблюденіи, скорѣе— надзорѣ за порядками въ нашемъ „домѣ", и трещины въ стѣнахъ его, если онѣ дѣйствительно существуютъ, не требуютъ нашихъ поправокъ, а могутъ лишь служить основаніемъ для совсѣмъ иной работы, называть которую сейчасъ не входитъ въ мои намѣренія.

Книги Евг. Лундберга:

Мои скитанія. Разсказы. Кн. 1. 1909 г. Цѣна 75 коп.

Разсказы. Кн. 2. 1909 г. Цѣна 75 коп.

Складъ изданія въ кн. магазинѣ
Идзиковскаго, Кіевъ. Крещатикъ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1914 ГОДА ВЫЙДУТЪ:

М. Лермонтовъ.

Л. Шестовъ.

Ѳ. Сологубъ.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва О. Н. Поповой.
С.-Петербургъ, Гороховая, 51; Москва, Остоженка, 1-й Ильинскій, 8.

